

**Л. Бадаева. Образ абрека Зелимхана в творчестве художника
Зайнди Аласханова**

УДК 93/94

Рецензенты:

Боровских Н.И.- Действительный член РАХ, Заслуженный деятель искусства РФ, Народный художник РФ, профессор МГАХи им. В.И. Сурикова
Арутюнян Т.- художник, исследователь

Под редакцией: Боровских Н.И.- Действительного члена РАХ, профессора МГАХи им. В.И. Сурикова

Бадаева Л.А. «Образ абрека Зелимхана в творчестве художника Зайнди Аласханова»

© Бадаева Л.А.2019

© КНИИ РАН, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Содержание:

Предисловие

Картина Тучи сгущаются

Картина Накануне

Картина Керт

Картина Дань предкам

Картина Привал

Картина Родник «Девичья коса»

Картина Неожиданная встреча

Картина Величие и благородство

Картина Тоска по дому

Картина Выстрел сквозь века

Картина Закат

Картина Последний бой

Картина Сон абрека

Рецензия на книгу Л. Бадаевой «Образ абрека Зелимхана в творчестве художника Зайнди Аласханова»

Зайнди Аласханов - мой давний друг, и дружба наша основана на общности интересов. Нас объединяют как спортивное прошлое, так и творческая жизнь в настоящем. Он очень самобытный художник со своим, только ему свойственным почерком. Его картины обладают завораживающей силой, заставляют думать и сопереживать.

Совсем недавно вышла в свет книга писателя Ларисы Бадаевой, посвященная творчеству Зайнди Аласханова, с интригующим названием «Женщины художника Зайнди Аласханова». В этой книге она представила ряд женских портретов, принадлежащих кисти художника. Все портреты написаны с большим мастерством, и каждый образ имеет свою неповторимую историю.

А вот сегодня я с удовольствием держу в руках новую книгу Ларисы Бадаевой, которая называется «Образ абрека Зелимхана в творчестве художника Зайнди Аласханова».

Зайнди рос и мужал под впечатлением рассказов о знаменитом абреке. И этот факт, естественно, отразился на становлении его личности. Уже с детства Зайнди Аласханова отличало обостренное чувство справедливости, для него такие понятия как «честь и достоинство» были не просто красивыми словами, а жизненными принципами. Его кумиром был Зелимхан Харачоевский. 27 сентября 2013 года исполнилось ровно сто лет со дня трагической гибели абрека Зелимхана. Зайнди тщательно готовился к этой дате, и готовность его выразилась в созданном им цикле великолепных картин, посвященных разным периодам жизни абрека. Это была своеобразная дань уважения к человеку, ставшему на родине легендой. У каждого народа есть свои национальные герои. У русского народа - это те, кто сражался за родную землю, вел освободительную борьбу, бился за свободу и независимость. Это в первую очередь, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Сусанин, Дмитрий Пожарский, Степан Разин, Емельян Пугачев. Таким борцом за освобождение от двойного гнета горцев стал Зелимхан Харачоевский. Аласханов с успехом провел в Москве и Грозном выставки, посвященные абреку, которые вызвали живой интерес и бурное обсуждение на различных уровнях. И вот писательница вновь обратила свое внимание на полотна художника. Ее книга получилась

добротной и обстоятельной. Помимо непосредственного описания картин, Лариса Бадаева выступила здесь и как историк, привлекая в своем труде множество документов, литературу, научные монографии, посвященные такому кавказскому феномену как абречество. В книге достаточно много полевого материала, свидетельств и воспоминаний о Зелимхане, бережно хранившихся в чеченских семьях.

Еще особо хочется остановиться на стихах, которые здесь присутствуют. Под каждой картиной Лариса Бадаева поместила соответствующее названию и заданной теме стихотворение, прекрасно раскрывающее образ и характер абрека. Стихи написаны ярко и эмоционально, в хорошем стиле, демонстрируют талант, мастерство и художественный вкус Ларисы.

Хочу поздравить и автора и художника с выходом книги. Она очень своевременная и действительно нужная, вызовет живой интерес среди читателей. А российскому читателю будет интересно узнать о чеченском национальном герое. Это лишний раз сблизит народы России, поможет понять культуру и менталитет, тем самым приблизиться к историческому наследию друг друга.

Н.И. Боровской, Действительный член РАХ, Заслуженный деятель искусства РФ, Народный художник РФ, Народный художник Чеченской республики, Профессор МГАХи им.В.И.Сурикова

Свою первую повесть Лариса Бадаева написала в 2002 году. С той поры в республиканском литературном журнале «Вайнах» часто печатались её рассказы, повести и стихи. Ныне она профессиональный литератор, успешно совмещающий научную, педагогическую и литературную деятельности. В 2006 году был опубликован первый сборник детективных рассказов «Рубиновая брошь», а в 2016 году книга «Врачи-чеченцы в прошедших войнах». Довольно оригинальным оказалось появившееся в 2018 году произведение «Женщины художника Зайнди Аласханова». Это, богато иллюстрированное живописными картинами произведение, представляет собой виртуозное сочетание прозы и поэзии, раскрывающее удивительный мир талантливого российского, чеченского живописца.

Творчество Ларисы Бадаевой базируется на традиционных, реалистических представлениях о смысле бытия и сложных её перипетиях. Со временем, неизменным атрибутом её произведений станет

непринужденный, импонирующий стиль, который мастерски подчеркивается весьма успешными эстетическими авторскими штрихами.

Лариса Бадаева замечательно улавливает и передает яркие оттенки и интонации соотечественников и наполняет свои произведения богатым колоритом родного края. Она обладает не только выразительным словом, но и перманентно пополняющимися историческим и бытовым материалами, которые она изучила и продолжает изучать. Этот богатейший этно-исторический ресурс, словно путеводная звезда, направляет её творческий процесс, который в конечном итоге неизменно придает произведению мощную духовную энергетику, - оно обретает выразительный стержень. Используя стилистические оттенки, она с «патентованной» правдоподобностью и естественностью рисует своих героев, не способных мириться с несправедливостью, что позволяет произведению накопить моральные оценки, а читателю ощутить их глубину.

Лариса Бадаева, безусловно одаренная писательским искусством личность, постоянно совершенствующая свое мастерство. Прекрасным примером ее удивительного таланта служит и данная книга, повествующая о героическом персонаже чеченской истории, абреке Зелимхане. Для кого-то он излишне легендарен, для других разбойник-одиночка... Кто же он на самом деле?

Очередная книга писательницы, поможет читателям получить нужные ориентиры, чтобы ответить на этот вопрос.

Лариса Бадаева родилась в Грозном. Окончила исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н.Толстого. Работала преподавателем истории в грозненском педагогическом училище. Затем была принята в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии, экономики и филологии на должность младшего научного работника. В 1991 году поступила в очную аспирантуру. Одновременно была принята на должность старшего преподавателя в Чеченский Государственный университет (ЧГУ). После защиты кандидатской диссертации на тему «Социально-экономические и политические взаимоотношения народов Северо-Восточного Кавказа с Россией с 1774 по 1813гг.» была переведена на должность доцента кафедры «История древнего мира и средних веков» исторического факультета ЧГУ, где продолжает трудиться по настоящее время.

Томас Арутюнян художник, исследователь

«Мечеть отца». Ведено х/м, 50/60, 2012 г.

«Харачой-1» х/м, 40x50, 2007 г.

Красиво весною в веденских лесах:
Все дышит, цветет, оживает.
И даже могучий орел в небесах
Заздравную песню слагает.
Об отважных сердцах,
Молодых храбрецах,
Когда-либо живших в чеченских горах,
Он тихо себе напевает.
И память о них, земляках удалых
Старательно в нас воскрешает.

Об одном из таких мы поведаем сказ
Его воспевают и ныне Кавказ

Удивительный и яркий талант московского художника Зайнди Аласханова щедро проявился в эпическом цикле работ, посвященном абреку Зелимхану Гушмазукаеву Харачоевскому. Стать абреком Зелимхана вынудили трагические обстоятельства: необоснованное обвинение в убийстве и последующее заключение в тюрьму. Он бежал из заточения, и с этой минуты стал на защиту не только своей чести, но и чести обездоленного и угнетенного чеченского народа.

Рассказы стариков о храбром сородиче, бунтаре-одиночке многие годы будоражили воображение Аласханова. Идея создать серию произведений о гордом и бесстрашном абреке, наконец, осуществилась. Поводом к этому стала трагическая дата - столетие со дня гибели Зелимхана Харачоевского, 27 сентября 1913 года. Художник приложил все свои силы и талант, чтобы осуществить давний замысел. В результате кропотливой работы над образом Зелимхана художником было написано 13 полотен, каждое из которых посвящено определенному событию из жизни знаменитого абрека.

А теперь немного истории. Что же представлял собой кавказский феномен, называемый абречеством?

Абречество было одним из самых сложных, запутанных, противоречивых, порой страшных и кровавых, явлений на Кавказе. Оно являлось прямым следствием целого сложного комплекса социальных, бытовых и экономических условий, в которых жили горские народы царской России.

Абречество, как верно утверждают многочисленные исследователи этой проблемы, никогда не было однородно как по своему социальному составу, так и по причинам, целям и задачам, побудивших горцев стать на этот безрадостный, полный лишения путь. Одними двигателями уязвленное самолюбие, задетые честь и достоинство, попранные права, нежелание терпеть позор и унижения. Другая категория людей видела в том быстрый и легкий путь к наживе. То были обычные разбойники и грабители, промышлявшие на дорогах. Зато первые являли собой истинных абреков, в полном и первоначальном значении этого слова. Они намеренно подвергали себя физическим и моральным лишениям из соображений благородства, долга, заступничества слабых. Их называли также и благородными мстителями, и рыцарями чести, и даже кавказскими Робин Гудами. Они мстили обидчикам за себя, за членов своей семьи, за односельчан, поставив на карту судьбу и жизнь.

Для кавказцев издревле честь и достоинство были важнее всех других ценностей человеческого бытия.

Ни один горец не оставлял безнаказанным нанесенные позор и унижение. Даже ценой собственной жизни. Жить с ощущением позора для горца не представлялось возможным. Оставалось одно – мстить. Так пополнялись ряды абреков.

Как уже отмечалось выше, об абречестве на Кавказе создано немало работ. Об этом явлении писали в дореволюционной России, уделяли ему внимание и советские историки, которые видели в абреках борцов с царизмом, что вполне отвечало классовым позициям большевиков. И сегодня интерес исследователей к кавказскому абречеству не только не ослаб, но, напротив, усилился, в связи со вспыхивающими время от времени конфликтами в северокавказском регионе.

Из нынешних авторов подробно и обстоятельно рассматривает кавказское абречество XIX - нач. XX вв. осетинский исследователь Ю.В. Хоруев [7].

Его монография опирается на широкий круг архивных материалов. Ученый дает свое видение этой проблемы и на примере взаимоотношений царской России с северокавказскими народами раскрывает причины и корни возникновения института абречества. По твердому убеждению автора, именно продажность, коррумпированность, бездарность, нежелание, да и просто неспособность царской администрации разумно и взвешенно управлять на вверенных ей кавказских окраинах, породили подобный феномен социального протеста. По образному выражению чеченского

революционера-большевика Асланбека Шерипова «власть терроризировала народ, а абреки терроризировали власть» [5, с. 9]. Кроме того патриархально-родовой уклад жизни горцев с его адатами постоянно вступал в противоречие с российским законодательством, в котором горцы видели попрание своих прав и свобод.

«Россия вместе с достижениями принесла на Кавказ и тот режим и законы, по которым жила и сама метрополия. Если иметь ввиду Северный Кавказ, то они нередко вступали в конфликт с местными представлениями и построенными на них адатами и шариатом... С покорением Северного Кавказа, водворение в регионе русской администрации и законодательства, не укладывавшегося в рамки горских адатов, вызвало среди определенной части местного населения протестное движение» [7, с. 7].

Отдельную главу историк посвятил самому яркому представителю абречества - чеченцу из Харачоя Зелимхану Гушмазукаеву. Харачоевский Зелимхан, пишет автор, - самая видная фигура, которой в миссии борца за справедливость успех сопутствовал более других. Зелимхан своей популярностью затмил всех абреков юга и севера Кавказа, которые были до него и в его бытность...Обрекая себя на пожизненные скитания приговоренного к смерти беглеца, Зелимхан повел с властями решительную, хотя и неравную борьбу до конца своих дней [7, с.14]. Чуть позже, дополнив главу о Зелимхане новыми документальными источниками, осетинский исследователь издал ее отдельной книгой [8]. Конечно, некоторые высказывания и выводы автора небесспорны, но они имеют право на существование, так как сама личность и действия Зелимхана никогда не рассматривались однозначно, и всегда оставались для исследователей сложными, противоречивыми, порой лишены всякой логики.

К примеру, автор утверждает, что «все, что делалось для материального поддержания чеченской бедноты, для Зелимхана было второстепенным делом. Главное заключалось в борьбе с произволом царской администрации и против присутствия России на Кавказе, в частности в Чечне. Он был заражен шамилевской идеологией независимости, которая продолжала тлеть в чеченцах [(8, с. 6)].

В целом же книга производит благоприятное впечатление уважительным и теплым отношением автора к рассматриваемой личности.

Не в меньшей степени интерес заслуживает работа Ю.М. Ботякова, [2]также посвященная абречеству. В монографии рассматривается широкий круг проблем, в том числе посвященных этническому своеобразию этикета, формам противостояния личности и общества, внутри - и межобщинным

противоречиям, специфическим реакциям общества и личности на нарушение общепринятых норм. Абречество, считает автор, явилось естественным следствием конфликтов личности и общества, развивавшихся в традиционной среде кавказских народов, а также своеобразной формой оппозиционных настроений, давления на общество со стороны не только индивидуумов, но, в ряде случаев и целых социальных групп [2, с.7]. Опираясь на источники и документальные материалы, историк показывает, как традиционно происходил уход в абреки, и какие при этом психологические и эмоциональные факторы воздействовали на формирование образа абрека.

Глубинную природу и подлинную суть абречества всесторонне осветил исследователь Л.Р. Гудаев [5]. Являясь правнуком знаменитого абрека Зелимхана Харачоевского, автор с детских лет проявлял живой интерес ко всему, что прямо или косвенно касалось жизни и деятельности своего прославленного прадеда. Он собрал воедино все имеющиеся факты и документы, начиная с царских времен и по наши дни. Книга также содержит уникальные материалы, проливающие свет на многие неясные и спорные моменты из биографии Зелимхана. По мнению Л.Гудаева, движение абречества рассматривается как форма индивидуального террора, как протест против личной несвободы. Именно в силу этого за образом абрека утвердился слава благородного и благочестивого разбойника вроде Робина Гуда [5, с. 9].

Личность абрека Зелимхана стала ключевой в работах профессора МГУ С.А. Невского, посвященных деятельности правоохранительных органов Российской империи в начале XX века на Кавказе [6]. Автор, раскрывая серьезные просчеты в действиях правоохранительных органов, особенно акцентирует внимание на такие проблемные вопросы как несогласованность действий, продажность, недостаточность оперативно-значимой информации, плохая работа агентурной сети. Вместе с тем С.Невский детально рассматривает одно из самых дерзких нападений Зелимхана – это ограбление Кизлярского казначейства 27 марта 1910 года. Несмотря на многочисленные жертвы - погибли 18 человек и несколько получили ранения и контузии, похищенная сумма была сравнительно небольшой – всего 4 065 рублей. Автор убежден, что случившееся во многом стало результатом халатного отношения к служебным обязанностям и несогласованности действий различных государственных органов и должностных лиц [6, с.22]

В заключении автор статьи приводит любопытный документ, а именно, докладную записку старшего помощника делопроизводителя Департамента полиции Рукавичникова, присутствовавшего 10 октября 1912 года на заседании «Общества ревнителей истории». На этом заседании профессором П.И. Ковалевским был прочитан доклад на тему: «Зелим-Хан и Кавказ», в котором дана достаточно объективная для того времени оценка деятельности Зелимхана. В частности, в докладе было отмечено: «Зелим-Хан- есть продукт крупного промаха администрации, не желавшей обращать внимание на поднятие культуры в Чечне. Поэтому Правительство должно обратить самое серьезное внимание на просвещение и культуру Чечни и приблизить к себе население последней [6, с.24].

Попыткой затушевать методы русской политики на Кавказе пронизана статья В. Бобровникова [3]. Автор статьи не скрывает своей неприязни ко многим социальным институтам горцев, из которых, по мнению ученого, «вырос профессиональный разбой на российском и советском Кавказе» [3].

Анализируя те этнографические материалы, в которых раскрыты элементы традиционной культуры горцев, Бобровников настойчиво наводит на мысль о том, что абречество - порождение этой самой культуры. Свою точку зрения он объясняет следующим обстоятельством: издревле среди горцев высоко ценились удайство и лихость джигитов. А они проявлялись, как отмечает автор, в первую очередь в набегах на соседние территории, что являлось ничем иным, как обыкновенным разбоем. Правда, Бобровников оговаривается, заявляя, что «в горском фольклоре есть немало выпадов против набегов и их участников» [3]. Но, тем не менее, он настойчив в своем утверждении, что именно набеги, а также институт кровной мести явились тем основополагающим фактором, который способствовал развитию абречества. Все же он вынужден признать реформаторскую деятельность российского правительства в этом регионе как орудие, направленное, прежде всего, на обуздание непокорных народов. Строительство Кавказской линии – цепи крепостей, кордонных линий и казачьих станиц фактически лишало горцев Северо-Восточного Кавказа свободы передвижения и значительно ограничивало в правах [3]. По его мнению, социальные потрясения и государственные реформы, пережитые горцами после окончательного покорения их Россией, вызвали глубокую трансформацию местного общества и его мировоззрения. А это привело к формированию современного абречества. Оно представляло собой, заключает Бобровников, профессиональный разбой нового типа, однако, воспринималось как самими

горцами, так и политиками и учеными как продолжение удальства местных джигитов [3].

Диаметрально противоположную позицию занимает чеченский исследователь проблемы абречества В.Бибулатов. В 2014 году вышла в свет его монография, название которой, уже говорит за себя [1].

Автор дает всесторонний анализ причин возникновения абреческого движения в Чечне, приводит переписку царских генералов и чиновников. Несомненным достоинством монографии является новизна приводимых в ней документальных материалов. Как отмечает сам автор, некоторые из источников публикуются впервые [1, с.2].

Отрадно осознавать, что героические страницы истории Чечни не оставляют равнодушными и представителей дальнего зарубежья. Интерес к Чечне в частности, и к Кавказу в целом, не только не ослабевает, но напротив, вспыхивает с новой силой. Так тема абречества и главного ее носителя – Зелимхана Харачоевского была продолжена в совместном труде двух авторов – француженки Ф.Геран и чеченки К.Гацаевой [4].

И хотя представленный труд не является научным, скорее относится к жанру беллетристики, все же остановиться на нем стоит, так как в основу его положены воспоминания современника абрека Зелимхана о самой известной акции последнего - нападении на Кизлярский банк. Авторы задались целью поведать миру о причинах, побудивших Зелимхана совершить этот дерзкий поступок. В книге прямо говорится, что напасть на Кизляр Зелимхана вынудило провокационное письмо с оскорбительным вызовом, которое он получил от своего давнего врага и преследователя атамана Вербицкого. В письме тот намеренно задевал честь и достоинство Зелимхана, подвергая сомнению мужество последнего.

Акция в Кизляре была своего рода ответом на брошенный вызов. Но предварительно Зелимхан в свою очередь пишет письмо Вербицкому с предупреждением, что едет грабить банк.

Авторы книги размышляют о морально-этической стороне кизлярского ограбления, о мотивах, которые заставили абрека поддаться на эту откровенную провокацию.

Так авторы спрашивают:

«Найдется ли хоть один вор, который стал бы предупреждать о предстоящем грабеже? К тому же, если он собирается его совершить? Нет, не найдется такой. Но почему Зелимхан написал такое письмо? Как его понимать? Ответ прост. Зелимхан был сыном своего народа. И в борьбе, которую он вел за справедливость, он находил всегда поддержку у своего

народа. Так, прежде чем предпринять окончательное решение о нападении на Кизлярский банк, он советуется с Бамат-Гирей-Хаджи. «Прав ли я? Может, не стоит так рисковать своей жизнью и жизнями людей, которые мне доверяют и поддерживают в этой борьбе...?»

Бамат-Гирей-Хаджи одобрил его решение, и более того, дал согласие своему сыну Али, чтобы он примкнул к отряду Зелимхана во время рейда в Кизляр [4, с. 82].

Мы затронули лишь небольшую часть того огромного количества литературы и источников, которые имеются по данной теме. Возможно после прочтения этой книги, кто-то всерьез заинтересуется проблемой абречества и даст свою оценку, которая станет серьезным вкладом в историографию рассматриваемой темы.

Хочется выразить особую благодарность искусствоведу Томасу Арутюняну за предоставленные материалы и помощь в написании книги.

Литература

1. Бибулатов В. Рыцарь чести. Минеральные Воды, 2014. 165 с.
2. Ботяков Ю.В. Абреки на Кавказе. Спб, 2004. 208 с
3. Бобровников В. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе
4. Гелан Ф., Гацаева К. Абрек Зелимхан. Герои Чечни. Париж, 2013.
5. Гудаев Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы. Грозный, 2011. 508
6. Невский С.А. Абрек Зелимхан и отражение сведений о нем в документах российских правоохранительных органов в начале XX века //Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. №3. С. 21-24.
7. Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе. Владикавказ, 2011. 511 с.
8. Хорув Ю.В. Наместник гор. Владикавказ, 2011. 281 с.

1. «Тучи сгущаются» х/м, 50х40, 2013 г.

К картине «Тучи сгущаются»

О чем ты думаешь, чеченец Зелимхан?
Каким смятением душа твоя объята?
Она ударом будто бы распята-
Ведь целой жизни изменился план.

Еще вчера - счастливый семьянин,
Живущий честно, в праведном труде,
Теперь оторванный от дома, ты - один
И смерть безжалостно преследует везде

Ее костлявая рука виднеется вдали
И щупальца уже ползут по небу,
Но ты в ответ всю волю собери,
Она как никогда нужна тебе – абреку.

Ты этот путь не сам себе избрал,
Его ты не хотел – судьба хотела.
Она затеяла кровавый этот бал.
И стать пожизненно участником велела.

О Зелимхане Гушмазукаеве или Зелимхане Харачоевском написано немало работ как литературного, так и научного характера. Его жизнь и деятельность всегда притягивали к себе пристальное внимание исследователей, не говоря уж о простом народе, который в преданиях и песнях запечатлел навеки образ героического абрека. Так имя Зелимхана передавалось из уст в уста по всему Кавказу. Он всегда находил приют и поддержку у простых людей, считавших абрека своим защитником и борцом против произвола царских властей [3, с.95].

В наше беспокойное время, когда еще не так давно полыхали в различных областях Кавказа очаги напряженности, феномен абречества и образы его наиболее ярких представителей, державших российские власти в постоянной тревоге, приобрели особую актуальность и политическую заостренность.

Абреками на Кавказе не рождались, ими становились. Эта известная, а потому всеми повторяемая фраза как нельзя лучше, относится к Зелимхану, его поистине трагической судьбе.

«Для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители знали, что я не родился абреком, не родились ими также мой отец, брат и другие товарищи», - так писал в 1909 году Зелимхан в прошении на имя Председателя Государственной Думы Н.А.Хомякова[3, с.145]. Что же подтолкнуло его, крепкого хозяина, землепашца, бросить все и встать на такой путь, какие роковые обстоятельства в одночасье перечеркнули спокойную и счастливую жизнь его, кому помешал, кому пересек дорогу? Об этом также написано немало, и есть достаточно свидетельств от различных людей, знавших, слышавших что-либо о начале конфликта в семье Гушмазуко и его сыновей. Есть и документальные подтверждения - многочисленные источники дореволюционных правоохранительных органов. Казалось бы, добавить уже нечего. Однако при тщательном изучении материалов, выясняется, что не все выглядит гладко и однозначно. Ведь со временем меняются взгляды и оценки тех, кто так или иначе занимался, да и ныне занимается исследованием биографии знаменитого абрека.

Первым кто обратился к личности Зелимхана и создал о нем повесть, был осетинский писатель Дзахо Гатуев. Повесть была немедленно опубликована в 1926 году в Ростове-на-Дону. И неудивительно. Большевики приветствовали подобного рода произведения. Все, кто, так или иначе оказывал в свое время неповиновение царскому режиму советская идеология объявляла революционерами, борцами за свободу и справедливость. А произведение Д. Гатуева воспевало своего героя. Ведь в нем говорилось о борце-одиночке, державшем в страхе царские власти. Если российское самодержавие видело в Зелимхане бунтаря и разбойника, то Советская власть оценила его по достоинству как борца за свободу и независимость [1.с.9].

Но такое восторженное отношение было лишь к мертвому абреку. Мертвые, как известно, не опасны, с них спросу нет. А как обстояло дело с живыми? После октябрьской революции большевики отнесли все абречество к бандитизму, и повели решительную борьбу по его искоренению, применяя более жесткие карательные меры, чем это делало царское правительство[5.с.12].

Осетинский историк Ю. Хоруев не скрывает этого и прямо показывает возможную участь бесстрашного абрека при коммунистах. Живи Зелимхан в советское время, он был бы признан не абреком даже, а чистой пробы

разбойником, и как бандит был бы беспощадно уничтожен. Коллективный разум царских властей не оказался способным ликвидировать абреков. Этого сумели добиться только большевики, не умеющие ни прощать, ни церемониться [5.с.16].

И все же в массе своей труды о Зелимхане носят позитивный характер. Бесстрашие, мужество, отвага, обостренное чувство справедливости, месть врагам, защита обездоленных, достоинство и честь горца - вот те качества, которые всегда находили, и будут еще находить положительный отклик в душах людей. Ведь Зелимхан не приобрел ничего в этой борьбе – ни богатства, ни власти, ни льгот, ни особого статуса, ни победы. Гонимый и гонитель одновременно, он, как человек неглупый, прекрасно понимал свою обреченность, и всю бесперспективность ведения борьбы с властями. Человек по природе своей не вечен, но власть в любом ее проявлении неизменна. На место одного убитого должностного лица придет другой, только более умный, расчетливый, коварный. Он извлечет и изучит опыт предшественника, не остановится ни перед чем. Это открытие ошеломило, потрясло и морально душило Зелимхана. Но и он не отступил. Он принял свою судьбу и ждал развязки.

Именно этот факт и остается ключевым во всех попытках приблизиться к биографии Зелимхана. Однако в данном случае мы не преследуем цель осветить весь путь абрека. В поле нашего зрения лишь начальный этап деятельности Зелимхана Харачоевского. Иными словами, обобщая опыт уже написанного, мы пытаемся дать ответ на вопрос: как это было? Как уже отмечалось, художник З.Аласханов к преддверию 100-летия со дня гибели Зелимхана (27 сентября 1913г) создал цикл полотен о знаменитом абреке. Этот цикл с успехом демонстрировался в лучших галереях Москвы и Грозного. Открывается цикл картиной, которой художник дал красноречивое название «Тучи сгущаются». Эту картину можно по праву считать ярким примером образного обобщения абрека Зелимхана. Трудно оставаться равнодушным, глядя на самобытный и живой облик знаменитого горца, вступившего на путь неравной борьбы с самодержавием и несправедливостью. Живописная техника художника позволяет остро ощущать многообразие природы, ее оттенки, активно влияющие на настроение. С большим мастерством З.Аласханов передает капризную переменчивость атмосферного эфира, небо на полотне освещено розовым светом заката. Долина, расположенная внизу, окрашена в ясные, открытые цвета, а сквозь дальнюю синеватую дымку едва просматриваются очертания горы. Между ними, контрастом слева-направо надвигаются темные тучи, в

виде щупалец диковинного существа. Они норовят вскоре захватить все пространство над долиной, и чувство неотвратимой беды закрадывается в душу абрека. Несомненно, мы свидетели замечательной иллюстрации общности духовного состояния человека и природного ландшафта. В нижней части полотна можно различить редкие крыши деревенских домиков, строгий ряд тополей, чуть ближе фрагмент керта (забора) и широкое обмелевшее русло реки. Над всей панорамой возвышается фигура Зелимхана в полный рост. Он стоит на краю обрыва и сапогом подминает камень. Его настороженный взор устремлен вперед. На нем традиционная черкеска серого цвета, голову венчает мохнатая папаха из овечьей шерсти. Абрек при полной боевой амуниции. Какие мысли могут одолевать его, возвышающегося над родным краем? Быть может, он думает о том, что не будь туч, мы не смогли бы радоваться солнцу или о том, что предстоящий день всегда длиннее прошедшего года. Как бы то ни было, а думы о счастье своих соплеменников и чести никогда не покидали его.

Итак, что же произошло в доме Гушмазуко? Отчего так стремительно сгустились тучи над простой крестьянской семьей, в трудах добывавшей кусок хлеба?

А все началось с женщины, вернее из-за женщины. Недаром французы говорят «ищите женщину», в ней, считают они, корень людских бед.

В чеченском селении Харачой в начале XX века разыгралась маленькая Троя, вот только последствия ее оказались ничуть не меньше тех, что описал в своей поэме «Илиада» Гомер.

Многочисленные жертвы, страдания, исковерканные судьбы – таков итог кровавой свадьбы сына старого Гушмазуко – Солтамурада. Молодой человек потерял покой из-за девушки Зезаг, да настолько, что решил ее выкрасть из родительского дома. Обычай умыкания невесты на Кавказе в те времена был довольно распространен. Как правило, родственники юноши находили способы примирения с родителями похищенной девушки.

Преподносились в качестве калыма - платы за невесту, богатые подарки, выплачивалась определенная денежная сумма, и если у жениха не имелось явных изъянов, дело заканчивалось свадьбой. Возможно, это произошло бы и в случае с Солтамурадом, но здесь роковую роль сыграл так называемый человеческий фактор. В ситуацию, которая являлась сугубо личным делом семейств Солтамурада и Зезаг вмешались посторонние люди. Ими оказались старшина Харачоя Адод Элсанов и его сын Шугаип, тоже влюбленный в Зезаг. Сложился любовный треугольник, который в условиях Кавказа и его горячих обитателей не сулил ничего хорошего.

В те времена должность старшины в селе весьма почетна – как- никак обладатель старшинских регалий состоит на службе у царя, имеет дело с представителями российской администрации, а потому достоин всяческого уважения. Старшина – это богатство и власть, а чеченцы власть уважают, во всяком случае, до определенных пределов, да и богатством тоже не гнушаются. «По внешнему облику чеченцы эти резко отличались от тех, что пришли проводить арестантов: там - одна рвань, голь перекатная, здесь- добротные черкески, перепоясанные наборными ремешками, изящные кинжалы в серебряных с чернью ножнах. Солидные и представительные, они что-то пытались втолковать Чернову» - так показывает писатель М. Мамакаев социальную дифференциацию чеченского общества того времени[4.с.9]. Что же касается материального положения семьи Гушмазуко, то она по тем меркам отнюдь не бедствовала. «На семь человек своей семьи Гушмазуко имел один дом, двух волов, 5 коров, 28 баранов и земли на 3,5 дня пахоты»[3.с..87]. Конечно, достигался подобный достаток тяжелейшим крестьянским трудом, и потому Гушмазукаевы и другие крестьяне ходить в рабочие будни в нарядной одежде, как члены семей старшин и прочих власть имевших, не могли себе позволить. Отсюда и слова М.Мамакаева «про рвань и голь перекатную». Сам Зелимхан также подтверждает в письме в Государственную Думу что «добра своего было достаточно, а чужого мы не искали» [3.с.142]. Однако сегодня, сквозь призму веков с ним спорит исследователь Ю.Хоруев, который заявляет, что Зелимхан в молодости нередко участвовал в разбойных набегах на соседние земли, демонстрируя удаль и отвагу[6.с.7]. К сожалению, исследователь не приводит по этому факту документальных источников, а потому нет никаких оснований для подтверждения данного заявления. Участвовал ли действительно Зелимхан в набегах или же это предположение автора, исходящего из образа жизни тогдашнего местного населения, их хозяйственного уклада, что еще находился на стадии разложения первобытных отношений, культурных традиций, морально-этических норм поведения. Вероятнее всего автор исходит из того, что издревле среди горцев высоко ценились удальство и лихость джигитов, которые проявлялись именно в набегах[2], а, следовательно, предполагает автор, и Зелимхан мог по молодости лет принять в них непосредственное участие.

А Шугаип, сын старшины, в какой - то степени выглядел баловнем судьбы из-за служебного и материального положения своего отца. Он мог себе позволить среди прочего иметь дорогую сафьяновую обувь с золотой оторочкой, кинжал в золоченых ножнах, газыри из слоновой кости [4.с.92].

Все это, несомненно, подчеркивало высокий, в глазах односельчан, статус юноши, и наверняка не мог не быть замеченным бедной, хотя и красивой девушкой. Однако, и Дзахо Гатуев, и все последующие чеченские авторы в один голос утверждают, что Зезаг любила только Солтамурада, и ни о ком другом не помышляла.

Совершенно иное мнение сложилось по этому поводу у Ю.Хоруева. Осетинский исследователь делает вывод о том, что в любовном треугольнике «Зезаг-Солтамурад-Шугаип» предпочтение девушки явно не в пользу Солтамурада, хотя вслух она и не высказывает этого. Свой вывод он обосновывает тем, что Зезаг не сопротивлялась, когда после похищения ее Солтамурадом, семью Гушмазуко заставили вернуть девушку в родительский дом. Что ж, окажись у Зезаг более твердый характер и сильная воля, она не позволила бы старшине Адоду увести себя точно бессловесную скотину, и тогда, возможно, у этой истории был бы совершенно иной исход. Но Зезаг, воспитанная в покорности и терпении, на подобную дерзость не была готова, она предпочла молча повиноваться.

Но зато, когда девушку, точно переходящий вымпел, передали в семью махкетинского старшины Говды, где тоже имелся влюбленный джигит (Адод в последний момент побоялся выдавать ее за своего сына), Зезаг не выдержала, показала, наконец, кавказский характер, отчаянно сопротивлялась. Неукротимый дух горянки заставил отбросить вековую покорность и отстаивать свои честь и достоинство.

Вскоре она выходит за Солтамурада. Но счастья ей этот брак не приносит: Солтамурада убивают. Дальнейшая жизнь девушки оказалась тяжелой и безрадостной, и не будь у нее сильной воли и характера, вряд ли она вынесла бы все страдания и беды.

Отдельно следует остановиться и на отце девушки – Хушулле. Его пассивное отношение ко всему, что происходит с дочерью вызывает недоумение. М. Мамакаев ограничивается тем, что называет его слабым и безвольным [4.с.19]. Осетинский историк склонен считать и Хушуллу заинтересованным в браке дочери с сыном Адода [6.с.8]. Солтамурад у родника «Девичья коса» похитил Зезаг против ее воли, так как расположена она была более к Шугаипу чем к нему, прямо заявляет историк. А отсюда означает, что никакого оскорбления семье Гушмазуко никто не нанес - просто вернули свое, по праву им принадлежащее. Осетинский исследователь старательно наводит на мысль, что изначально виновниками всей этой истории являются сами Гушмазукаевы. Но почему тогда Ю.Хоруев намеренно упускает тот факт, что старшина Адод отказывается сочетать

своего сына и Зезаг браком? Что заставляет старшину, наделенного властью, имевшего защиту в лице царской администрации отступить от девушки, если она тем более «законная» невеста его сына? На этот вопрос у Ю.Хоруева нет ответа. Он строит свои выводы на чувствах, догадках и предположениях. Но факты – вещь неумолимая, также как и свидетельства очевидцев происходившего в Харачое. Семье Гушмазукаевых было нанесено оскорбление, граничащее с позором. В те времена отбить у похитителей невесту считалось для них весьма унижительным. Этого не отрицает никто. Братья Гушмазукаевы, пишет Ю.Хоруев, посчитали себя глубоко оскорбленными: мужчины они или нет? И Зелимхан решил восстановить пошатнувшийся авторитет в глазах сельчан [б.с..9]. Однако дело вовсе не в авторитете, вернее не только в нем. Зелимхану стало жаль своего брата. Ему хотелось счастья для него, такого же, какое было у них с Бици. Тем более, уверен Зелимхан, что и девушка любит Солтамурада, так почему не сделать все зависящее, чтобы воссоединить любящие сердца, чтобы в их роду появилась еще одна новая семья? Вот потому с такой яростной силой, с таким негодованием кинулся Зелимхан восстанавливать справедливость.

Во время разбирательств полилась кровь. Первой жертвой конфликта стал как ни странно двоюродный брат Зелимхана Ушурма. Его заколол в схватке второй сын Адода Сугаип.

И дело перешло совсем в иную плоскость. Умыкание девушки, конечно, плохо, но при большом желании и искусной дипломатии старейшин можно прийти к какому-то соглашению. А вот убийство не прощалось никому. Заговорил закон кровной мести, который сразу же изменил привычный образ жизни и перевел всех в состояние военного положения. И вновь полилась кровь: в ответ братья Гушмазукаеву убили старшину Адода и двух его сыновей- Шугаипа и Сугаипа. В этот конфликт вмешалась власть, началось дознание. В результате Зелимхан, его брат Солтмурад, отец Гушмазуко, а также еще несколько родственников были арестованы.

Для Зелимхана то было огромным потрясением. И не только из-за невыносимых тюремных условий. К неудобствам и тягестям быта можно привыкнуть. А вот несправедливость вынести куда сложнее. Именно здесь, в тюрьме, у Зелимхана появилось полное неприятие русских порядков. Ю.Хоруев объясняет душевное состояние Зелимхана. Справедливое наказание, пишет он, всегда переносится легче, потому что оно воспринимается как заслуженное. Но когда наказываются одни виновники, а другие остаются на свободе, возникает кровная обида, которая толкает потом

к вымещению злости, к активным действиям против несправедливости [5.с.253].

Возможно, тогда зародилась у Зелимхана мысль стать абреком и бороться с ненавистными властями, восстанавливать попранные царскими наместниками права и свободы. А главное, чинить свой суд, пусть скорый, пусть жестокий, но справедливый. Здесь, вместе с единомышленниками он торжественно дает обет абрека.

Вскоре 27-летний Зелимхан с сокамерниками совершает дерзкий побег из тюрьмы и осуществляет задуманное. Дав обет абрека, он навсегда отрезает себе путь домой, в прежнюю жизнь. Отныне его имя становится символом борьбы с царизмом.

Использованная литература

1. Бибулатов В. Рыцарь чести. Минеральные Воды, 2014. 165с.
2. Бобровников В.Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе
3. Гудаев Л.Р.Абрек Зелимхан. Факты и документы. Грозный, 2011. 508 с.
4. Мамакаев М.А. Зелимхан. Грозный,1971. 274с.
5. Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе. Владикавказ, 2011. 511с.
6. Хорув Ю.В. Наместник гор. Владикавказ, 2011. 281с.

2. «Накануне». х/м, 50х60, 2014 г.

К картине «Накануне»

Хрустнула ветка. И к юным горянкам
Парень подходит в бешмете опрятном
Он молод, красив, он любовью объят
Чеченец по имени Солтамурад.
К кому устремит он свой ласковый взгляд?
Кого из красавиц увидеть он рад?
Прекрасная Зезаг-дочь Хушуллы
Завладела покоем, нарушила сны,
Но что это с нею? Боится молвы?
Боится показывать чувства свои?

Конечно, ведь люди порою так злы,
Вот их и сторонится дочь Хушуллы.
Но разве не виден блеск солнца в глазах?
И разве сокроешь улыбку с лица?
Когда двое любят - Он и Она-
Плещется солнце, ликует луна.
Как мир наш история эта стара.
Но, вот что печально, - с любовью всегда
Рифмуется кровь, и прольется она.

Под несчастной звездой появились на свет
Герои истории этой. Ей лет
Пожалуй, уж сто. А может и больше,
И я до сих пор не знаю, что горше:
Погибнуть вначале от множества ран,
Иль до вдоха последнего как Зелимхан
Сражаться за честь и достоинство рода
И стать после смерти легендой народа.
Но так иль иначе, игра началась
И кровь как вода по Чечне полилась.

Судьба Зелимхана Гушмазукаева яркий пример того как в одночасье может сломаться и полностью измениться жизнь человека, как из обычного земледельца и семьянина он может превратиться в мятежного бунтаря-одиночку, чей нынешний удел биться до самого смертного своего часа - иного ему уже не дано.

В истории немало примеров как роковые обстоятельства трагическим образом влияли на судьбы, как они заставляли играть по своим правилам, как ломали и губили даже самых отважных и стойких. Однако Зелимхан – личность особенная, фигура поистине легендарная, пусть косвенно, но сыгравшая свою роль в ходе революционных потрясений в начале XX века. В одиночку восставший против целой системы, он показал, что человек может очень много, особенно когда его ставят перед почти гамлетовским выбором – быть или не быть, когда загоняют точно зверя, не оставляя шанса на спасание, когда нет выбора кроме одного - умереть в бою. Эта история, произошедшая в начале XX века в чеченском селении Харачой, навсегда вошла в анналы государства Российского, так как показала всю

несостоятельность и неспособность царской администрации управлять на окраинах, решать взвешенно и справедливо спорные вопросы особенно в такой специфической местности, как Северный Кавказ. Началось все с банальной ситуации: двое молодых людей не поделили девушку. Обычная история – «лавстори» как ее называют на западе, вполне типична и для любого региона России, и для любой европейской страны. Такой любовный треугольник там обычно завершается миролюбиво, предоставляя девушке самой сделать выбор и тем самым разрешить конфликт. Конечно, случались и исключения, воспетые как ни странно поэтами и писателями. Вспомним «Кровавую свадьбу» Лорки, или «Бесприданницу» того же А. Островского, когда отвергнутый герой стреляет в невесту со словами: «так не доставайся ты никому!». Но то, что в других регионах происходит зачастую лишь в фантазиях писателей, на Кавказе становится реальным фактом.

Борьба за невесту завершилась кровопролитием. Однако не завершилось на этом само кровопролитие. Напротив, все страшное только началось. Любовь Солтамурада Гушмазукаева – брата Зелимхана к красавице Зезаг обернулась для всех проклятием. Оборванные жизни, сломанные судьбы – таков итог романтической истории, которую вот уже не одно поколение исследователей трактуют по своему «разумению», иногда жестко и зло, не оставляя в отношении участников трагедии ни понимания, ни сострадания, да еще и оправдывая при этом действия администрации, видя в ней защитницу правосудия.

В статье «В черепе было шесть сквозных ран» именно так и расцениваются действия местных правоохранительных органов.

«В ходе распрей обе стороны понесли потери, и видимо, чтобы не допустить разрастания вендетты, начальник Веденского округа решил арестовать и предать суду зачинщиков конфликта - Зелимхана, его брата и отца, участвовавших в убийствах. В 1901г. их приговорили к сравнительно небольшому сроку заключения, но летом того же года вернули в грозненскую тюрьму для нового рассмотрения дела. Пересмотра приговора Зелимхан ждать не стал и, проломив пол камеры, заколов часового, вместе с отцом и братом бежал. Для всех оказавшихся вне закона горцев существовал только один путь – в абреки»[2, с.305].

Нужно признать, что определенная доля рационального зерна в действиях начальника Веденского округа все же была – ну не оставлять же безнаказанным, и тем более без внимания целую вереницу бытовых убийств? Да, у горцев свои взгляды на правосудие. Да, они руководствуются своими адатами - обычным правом. Но ведь они в составе Российской Империи, а

значит, не могут не находиться в зоне правового поля. Одно дело у соседа барана украсть и все уладить на основе адатов, и совершенно иное дело ситуация, сложившаяся в Харачое. Еще со времен Петра Первого в России был Высочайшим указом установлен приоритет закона над обычным правом, так что в данном случае действия администрации Веденского округа логичны, а потому вполне оправданы. Зато на первый взгляд совершенно лишены логики действия Зелимхана. Какая была необходимость ставить себя вне закона? И вместо того, чтобы спокойно отсидеть положенный, и как сказано выше «сравнительно небольшой срок», а затем продолжать преспокойно жить и трудиться на родной земле и растить детей, зачем было устраивать эту заварушку с бегством из тюрьмы, убийством бедолагического, чтобы затем взять на себя ношу изгоя? Где логика? Но в том-то и дело, что Кавказ логике в привычном ее понимании не поддается. Кавказ живет чувствами, сердцем, но не холодным расчетом среднестатистического европейца. Возможно, не последнюю роль сыграли здесь сокамерники Зелимхана, которые распалив в нем ярость к властям за несправедливый арест, подвели его к решению вступить на зыбкий путь. Здесь, в грозненской тюрьме он знакомится с признанным уже абреком - ингушом из селения Сагопши Саламбеком Гороводжевым [5.с.13]. Он возымел на Зелимхана определенное влияние. В Зелимхане бушевала обида. Как пишет осетинский историк Ю.В.Хоруев, справедливое наказание, всегда переносится легче, потому что оно воспринимается как заслуженное. Но когда наказываются одни виновники, а другие остаются на свободе, возникает кровная обида, которая толкает потом к вымещению злости, к активным действиям против несправедливости [4.с.253]. Зелимхан делает выбор сознательно, и обратного пути у него нет. Впереди кровавые схватки. Беспощадные, верно, но бессмысленные ли?

Цикл картин художника З.Аласханова, как нельзя лучше предает характер своего героя, глубину его переживаний и терзаний, ощущение фатальности происходящего и предчувствие скорого конца.

Вторая картина в этом цикле носит название «Накануне». Оно символично и многозначительно. Мастер будто предлагает нам самим догадываться о дальнейших действиях человека, переступившего опасную черту, дает возможность проследить планы знаменитого абрека, оставляет за нами право исторической реконструкции событий. На картине изображен Зелимхан, сидящий у плетня. Он облачен в темно-синюю черкеску. Его бритая голова обнажена, папаху он держит в правой руке, а левой опирается о кавалерийскую пятизарядную винтовку. За полой кафтана видна рукоять

кинжала. Сапоги «гармошкой» начищены и блестят. В бороде и пышных усах местами просматривается седина. Художник представляет нам человека, который только что принял важное, судьбоносное решение в своей жизни. Левая кисть руки, сжимающая ствол винтовки, касается головы, образуя гармоничное единство, что в свою очередь придает сильную выразительную интонацию облику задумавшегося человека. С этого момента он – абрек и обратного пути у него нет. Лицо Зелимхана выражает сосредоточенность, глаза несколько прищурены. Вместе с тем ощущается и душевная облегченность после тяжелых раздумий. Теперь он - невольник чести, как своей, так и соплеменников. Весь облик Зелимхана свидетельствует о присутствии силы духа и отваги, их невозможно скрыть, их невозможно наиграть - они есть, ибо такова природа человека с предначертанной героической и одновременно трагической судьбой. Произведение, как и другие, вошедшие в цикл, написано в реалистической манере. Художник дает волю локальным краскам, которыми написаны изгородь и фрагмент каменной кладки родовой башни в селе Харачой. Их цветовая идентичность выгодно контрастирует с фигурой человека, тем самым выделяя и подчеркивая его особую значимость. Лесистый, горный массив на заднем плане картины неизбежно обречен был попасть в композицию произведения, поскольку место действия - горный район Чечни. Светлая луговая зелень подсказывает, что время весеннее, время, когда пробуждается природа, а чувства обострены.

Итак, накануне какой очередной драмы сидит Зелимхан Гушмазукаев у плетеного забора, как изображено на картине его земляка Зайнди Аласханова? «Что день грядущий ему готовит?» И какие при этом мысли одолевают бесстрашного горца, что беспокоит и тревожит, а может, сожалеет о содеянном, и с ужасом вглядывается в безрадостное будущее? Но ведь совсем недавно, как описывает М.Мамакаев в своем романе, Зелимхан и Саламбек из Сагопши, счастливые обретенной свободой, шли по лесу, который начинался за Старой Сунжей [З.с.47]. И впрямь, свобода - понятие хрупкое и относительное. Теперь Зелимхан, с таким трудом обретший свободу, из узника грозненской тюрьмы вновь превращается в узника. На этот раз он, по горькой иронии судьбы, становится заложником гор. Тех самых родных гор, что питали и взрастили его как мужчину, что крепили в нем силу и закаляли волю, воспитывали чувство справедливости и стремление к защите обездоленных. Лишь урывками, ночью, крадучись и прислушиваясь к каждому звуку, сможет он хоть изредка приблизиться к родным местам. До боли близким, желанным, дорогим, и таким теперь

далеким. Не случайно, что художник пишет абрека на фоне родного плетня, сидящего на знакомой скамье. А вокруг очертания родового селения. Все это было когда-то привычным и обыденным, виденным не раз и не два. А теперь это недоступная роскошь из той мирной его жизни, где были труд, любовь, улыбки и смех. Теперь это в прошлом. Руки привычные к плугу, к сохе, к лопате вынуждены сжимать оружие, которое отныне становится единственным и верным спутником. И хотя его часто называли наместником гор, вкладывая в это прозвище признание его силы и мужества, все же, оставаясь наедине собой, Зелимхан понимает, что никакой он не наместник. Он заложник. Пленник этих самых гор. Чистых, верных, мужественных и отважных. Таких, какой он сам. И осознавать это тяжело, больно, почти невыносимо. Художнику Аласханову виртуозно удастся передать эту атмосферу отчаяния с одной стороны, и спокойную решимость с другой. И рука, сжимающая кавалерийскую пятизарядную винтовку не дрогнет, когда наступит момент навести дуло на врага и свести с ним счеты. Вопрос только в том, кто будет этой жертвой? Художник оставляет этот вопрос открытым, как бы давая нам пищу для размышлений и догадок. Возможно, в горячей голове горца сейчас содержится намерение свести счеты с приставом Черновым. А возможно жертвой станет подполковник Добровольский. Не менее жестоким по отношению к семье Зелимхана показал себя полковник Галаев. Все перечисленные представители царской администрации, так или иначе, принесли страдания и родственникам Зелимхана, и всем жителям Харачоя, потому у абрека имелись веские основания мстить.

Участковый пристав капитан Чернов вместе со старшиной Харачоя Адодом отняли у них похищенную девушку и вернули в дом родителей. Это возмутило семью Гушмазукаевых. Как, ведь похищение то было чисто символическим и состоялось по обоюдному согласию?! Правда, мнение по этому поводу до сих пор неоднозначно, но в данной книге речь идет совершенно не об этом факте. Для нас важнее понять, почему человек может решиться на самое крайнее – убийство себе подобного? Что творится с мыслями, чувствами, какие захлестывают эмоции, или напротив, как обретается хладнокровная уверенность в правильности совершаемого поступка. Художник стремится заставить зрителя задуматься над этими вопросами. Он не позволяет им оставаться равнодушными, он кричит, он требует от них понимания происходящего на полотне. Он словно вопрошает: стоит ли хоть что-то в этой жизни того, чтобы отнимать жизнь у другого, и так ли справедлива месть, если за собой она тянет длинный, кровавый шлейф?

Вот потому сидящий в раздумьях абрек с жесткими складками на молодом еще лице вызывает у зрителя некоторый страх и тревогу. Ведь это только начало, и ни у кого не вызывает сомнение то, что человек в синей черкеске доведет задуманное до конца. Возможно это то дело, на которое благословил его не кто-то, а сам отец Гушмазуко еще в тюрьме. А, следовательно, дело это Зелимхан должен завершить. Сомнений в этом нет.

Вот как выглядит это у М.Мамакаева:

«-Если мне удастся выйти на волю, каковы будут твои поручения, Гуша? – спросил Зелимхан

-Прежде всего, отбери у этих собак нашу невестку Зезаг, - сурово произнес Гушмазуко, - Если удастся, обязательно убей и Чернова,- продолжал он понизив голос,- Не забудь и чванливых сыновей Адода...Ты понял меня?

-Понял, Гуша, понял. Я все сделаю»[3.с.40].

Так отец толкает сына на убийство и не на одно. Так сын все сильнее затягивает петлю у себя на шее. И участь уже вышеназванных представителей властей также предрешена. Но они причинили много зла горцам, действовали жестоко и беспощадно, используя все те же карательные методы, за что снискали себе недобрую славу среди народа. Как пишет Ю.В.Хоруев, Добровольский ограничивал перемещения людей, устраивал обыски и облавы, направлял военные отряды на постой в провинившиеся села [5. с..22]. Когда Добровольскому сообщили, что в Харачое живет бедный народ и ему не по силам содержать присланный на постой отряд, он заявил: «Пусть режут скот, снимайте с этих дикарей шкуру!» [2.с.70].

Все тот же Ю.В.Хоруев не упуская ни единой детали, подробно описывает преследование Добровольским Солтамурада, который давно помышлял отказаться от мести и вернуться к мирной жизни. Ведь Солтамурад еще очень молод, у него юная красивая жена, он устал от преследований, ему хочется просто жить. Зелимхан понимает брата, более того и сам советует прекратить борьбу. Но для этого нужно прощение властей и тогда Зелимхан, через людей просит подполковника Добровольского не преследовать брата, дать ему возможность заняться мирной жизнью, за что тот, по словам Ю.В.Хоруева, якобы, разразился в его адрес нецензурной бранью[5. с.23]. Вот это «якобы» и смущает, почему у осетинского исследователя возникает подобное сомнение в отношении пресловутой брани Добровольского? Ведь судя по свидетельству людей, знавших и видевших в действии необузданный, взрывной характер подполковника, подобная брань вполне могла иметь место. Судьба

Солтамурада печальна. Он уходит в Дагестан в надежде, что его забудут. Но око Добровольского оказалось на редкость зорким, и там бедняга был схвачен и помещен в Порт-Петровскую тюрьму. Проведя в тюрьме всего лишь год, Солтамурад, разочаровавшийся в российской правосудии, да и в собственной жизни, уходит к брату и отцу в горы в абреки. И вот тогда, сочтя именно Добровольского главным виновником сломанной судьбы брата, Зелимхан выследил его и 4 апреля 1906 года убил на одной из тех же веденских дорог [5.с.23]. В своем знаменитом Прощении в Думу Зелимхан так объяснил свой поступок: «За то, что он заставил сделаться абреком моего отца и брата, обругал меня скверными словами, Добровольский поплатился жизнью» [2.с.144]. Вот так. Сам Зелимхан в Прощении подтвердил факт нецензурной брани подполковника.

Что же касается полковника В.С.Галаева, то он свою деятельность на посту начальника Веденского округа начал не с самого лучшего – с высылки семей и близких родственников абреков и вряд ли тем самым мог тоже найти расположение у горцев. Дзахо Гатуев пишет: «Ссылки предшествующих администраторов не давали желанного результата. Ссылные возвращались и пополняли абреческие кадры. Чтобы уничтожить тоску по родине, по семье, Галаев начал выселять с семьями» [1.с.141]. С этим утверждением Гатуева в корне не соглашается все тот же историк Ю.В.Хоруев. У него свое видение этой проблемы: «Во-первых, высылка семей абреков проводилась задолго до Галаева, еще в начале 90-х годов XIX века. Галаев только продолжил эту практику семейных высылок, введенную правительством с целью ослабления абречества путем лишения ее народной опоры, и внести какие-либо изменения, а тем более отменить ее, Галаев не имел никаких прав. Во-вторых, изловленных абреков вместе с их семьями никогда не этапировали, и общих для абреков и их семей судебных процессов тоже не было и не могло быть, поскольку в преступных деяниях абрека, разбойника их семьи не участвовали. А порой ничего не знали об этом. Поэтому не могли быть привлечены к уголовной ответственности» [5.с.25]. Ю.В.Хоруев в своем стремлении быть объективным и беспристрастным, старается представить полковника Галаева как опытного и талантливое организатора, как верного слугителя власти и вовсе не как кровожадного исполнителя, упивающегося жестокостями в отношении горцев. «Он не превышал власти, но и не делал никаких уступок абрекам. Зелимхан воспринял служебное усердие нового администратора как чрезмерную жестокость и закручивание гайки на всю катушку. А раз так, то нет ему и пощады» [5.с.27]. Но почему-то Ю.В.Хоруев умалчивает тот факт, что доблестный служака Галаев, так сказать «слуга

царю, отец солдату», приказывал своим подручным не брать абреков в плен, а стрелять прямо в лоб. А в августе по декабрь 1906 года именно он, «не превышающий власть», организовал карательную операцию в восставшие аулы Веденского округа. 17-18 декабря был отдан приказ об артиллерийском обстреле восставших чеченских аулов. Что это может означать для жителей, историк наверняка догадывается.

Зелимхан всячески старается урезонить ретивого администратора. Он посылает на имя Галаева предупреждение, в котором помимо прочего содержались следующие слова: «Эй, полковник! Я прошу ради создавшего нас Бога и ради возвысившего тебя – не открывай вражды между мной и народом. Ты должен стараться, чтобы женщины и дети не плакали и не проклинали меня. Если будешь обижать арестованных, то ко мне будет вражда» [2.с.137]. Это письмо, а вернее слова, звучащие в них как нельзя лучше опровергают утверждения об относительной лояльности полковника Галаева, который был таким же горцем как чеченцы и ингуши [5.с.26]. Второе письмо Зелимхана содержит прямую угрозу убить полковника: «Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю тебе, гяур. Раз я говорю «не позволю», значит, правда» [2.с.139].

Вглядимся еще раз в сумрачное лицо, изображенное на картине. Такой человек действительно, зря словами кидаться не станет. И если он сказал, то сомнений не возникает в том, что церемониться и отступать, а тем более отменять уже принятое решение он не собирается. Это человек и слова, и дела. Рука, сжимающая винтовку, осечки не допустит.

Принародно, среди бела дня приведет Зелимхан в исполнение свой приговор в отношении подполковника Добровольского. В собственном саду застрелит и полковника Галаева. Жестоко? Вне всякого сомнения. Но иного выхода нет. Зверь затравлен, зверь ранен. А потому страшен. И путей для отступления уже нет.

Использованная литература

1. Гатуев Д. Зелимхан-Орджоникидзе, 1965
2. Гудаев Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы-Грозный, 2011, 508с.
3. Мамакаев М.А. Зелимхан, Грозный, 1971, 274с.
4. Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе, Владикавказ, 2011, 511с.
5. Хорув Ю.В. Наместник гор, Владикавказ, 2011, 281с.

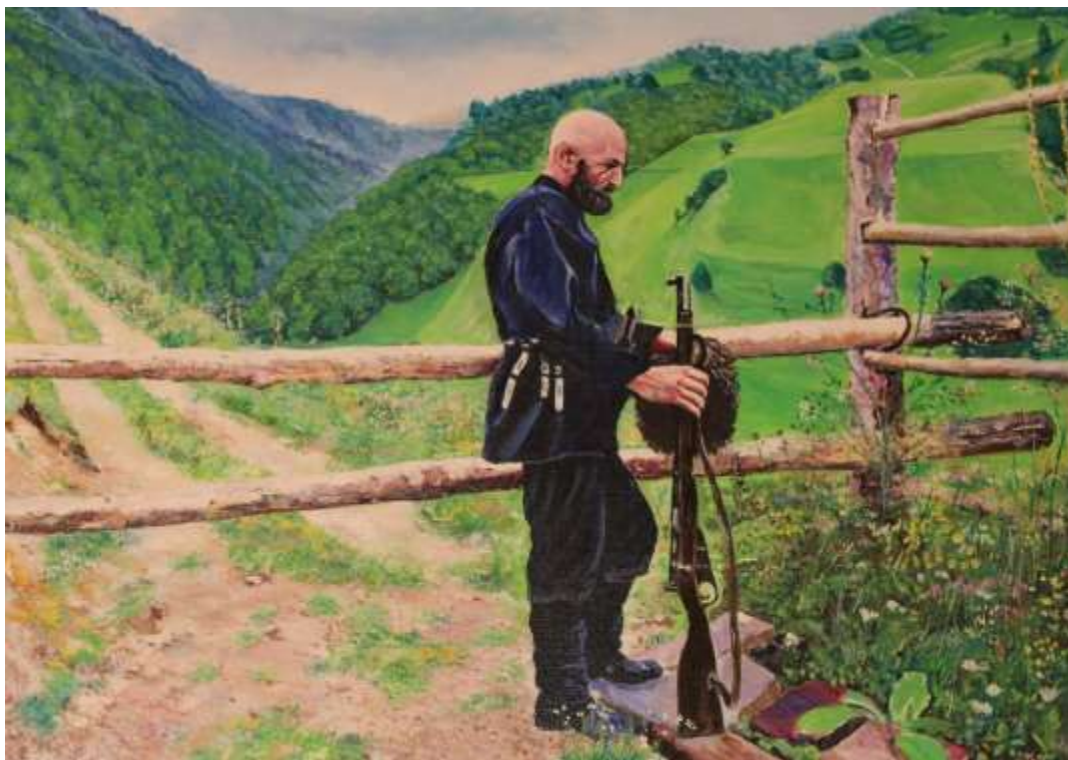

«Старая груша», х/м, 60x70, 2014г.

«Горы Харачоя», х/м, 50x70, 2012г.

3. «Керт», х/м, 50х70, 2014 г.

К картине «Керт»

Две жерди привязаны крепко к столбу.
Ты спросишь: Что это? Зачем и к чему?
Шарады, загадки здесь неуместны.
Тут человек преисполненный мести
Стоит, опершись о винтовку свою,
А взгляд не скрывает боль и тоску.
Ведь жерди он сам от коры зачищал,
Сам ставил забор, чтоб он дом защищал.
Но от судьбы никуда не уйти,
И крепким забором, уже не спастись.

У чеченцев забор именуется «керт»,
Он символом дома им служит, заметь.
И лишь у абрека, увы, дома нет,
Для него не сияет солнечный свет,
И что ему ныне - одинокая песнь,
Не оставила выбора кровная месть.

В первое десятилетие XX века абречество получило такой размах на Северном Кавказе, что об этом заговорили в самых высоких кругах России. Особенно оно приобрело разгул в Терской области, несмотря на усилия Вербицкого, Добровольского и Галаева, наносивших абречеству значительный физический и моральный урон.

Как пишет историк Ю.В.Хоруев, в Терской области почти не было профессиональных разбойников, за исключением единичных абреков, посвятивших себя разбоям в силу своего нелегального положения [4/С.89]. И действительно, горцы легко могли стать абреками, тем более что бытовавшая на Кавказе кровная месть фактически способствовала этому. Оружие, которое являлось непременным атрибутом каждого горца, легко пускалось в ход ежеминутно, как единственный аргумент в спорах и единственно достойный ответ на нанесенную обиду. То, что карается по русским законам, по обычному праву составляет священный долг каждого горца [4.с.89].

Абрек с точки зрения горцев - герой. Служить известному абреку - большая честь для истинного горца, поэтому горская молодежь считает за счастье получить приглашение на участие в особенно крупном и рискованном набеге. Абреки не имеют постоянных шаяк, как предводители разбойников на западе. Во всяком отдельном случае и в любом ауле они свободно находят нужное количество джигитов для своих экспедиций [4.с.90].

Труды Ю. В. Хоруева обстоятельно раскрывают социально - экономические и политические корни абречества, однако симпатии автора явно не на стороне этого слоя общества - слоя изгоев. Почему же они стали изгоями, и как сами рассматривали свое положение? Что было на душе того же абрека, который остался фактически один на один в жестокой игре на выживание? Несомненно, что его сердце также ожесточалось. Постоянные лишения - моральные и физические, подтачивали не только телесное здоровье, они сказывались на психике абреков, на их мировосприятии и мироощущении. То, что считалось привычным и обычным в мирной жизни, приобретало совершенно иной окрас в обстановке, приближенной к боевой. Какие были для них категории нравственности, что в глазах абреков считалось порядочным, а что нет, какова была их мораль? Вот вопросы, которые по сей день волнуют исследователей по данной проблематике.

В своей книге мы пытаемся приобщиться к жизни абрека, понять его внутренний мир и то, через какие действия и поступки выражалось его отношение к миру внешнему. Для нас будет полезным использовать в качестве наглядного иллюстративного материала картину «Керт» Зайнди Аласханова из его цикла. Это произведение создано с таким расчетом, чтобы убедить зрителя посредством изображения сугубо личного эпизода из жизни абрека в безусловной достоверности события. Восприятие мира в свете вневременных моральных и эстетических категорий, осуществляется аналитическим изучением жизни персонажа, и особенно его психологии, через которую чаще всего раскрываются социальные суждения самого художника. В данном случае автор не оставляет нам выбора, как заняться психоанализом своего героя. В чем-то эта картина перекликается с работой «Накануне», тот же глубокий философский подтекст, та же неотвратимость свершения. Автор изображает Зелимхана после принятия им бесповоротного решения стать абреком в центре композиции, прислонившимся к длинной заборной жерди, на фоне покатых лесистых гор с внушительными проплешинами, образующих глубокий овраг, над которыми расположены человек и крепко сбитый керт. Картина весьма символична. Зритель присутствует при прощании Зелимхана, вернуться к прежнему укладу жизни ему не суждено: таков суровый удел абрека. Его фигура контрастирует на фоне зеленых горных склонов и охры керта. Зелимхан в темной домотканой рубахе, которая по цвету почти сливается с цветом шаровар и сапог. Исключение составляют серебряные кечвеллы (декоративные традиционные украшения), свисающие с ремня. Словно намекая, что отныне его неизменным спутником будет винтовка, он демонстративно выставил ее перед собой. Написанная с предельной точностью, она, вероятно, привлечет внимание специалистов и коллекционеров стрелкового оружия. В другой руке папаха – неизменный атрибут одежды горцев. Зелимхан изображен в профиль, что позволяет отметить правильную форму головы и характерный кавказский нос. Борода и усы придают облику решимость и отвагу. Мужественный взгляд устремлен в невидимую точку в гуще альпийских цветов, буйно разросшихся у подножия деревянной вертикальной сваи. Художник словно говорит, что отныне луговые цветы станут частыми спутниками в долгом пути Зелимхана.

Итак, Зелимхан Гушмазукаев, крестьянин из Харачоя, волею судьбы вовлеченный в абречество, является одной из ключевых фигур в процессе, именуемом борьбой с произволом российской администрации. Мы сейчас не ставим целью описание причин, заставивших Зелимхана

покинуть свой дом, мы пытаемся лишь обрисовать морально-психологический портрет самого абрека, понять, что способствовало его столь долгому нахождению на абреческом «поприще», откуда черпал силы, и что помогало ему не впасть в отчаяние, не стать жертвой собственной деморализации. Нам важно узнать, какой внутренний стержень держал на плаву, или, иначе, в седле этого бесстрашного человека.

Можно по-разному оценивать его путь, можно принимать, или, напротив, относиться враждебно, но в обоих случаях следует найти общее, что объединяло, и по сей день объединяет эти противоположные точки зрения. Ведь человек, поставленный самой жизнью вне закона, смог выстоять благодаря своему собственному «моральному кодексу», который он для себя создал и которому следовал. Это и привлекает к нему исследователей, это и заставляет даже недругов относиться к нему с уважением.

Ученых всегда интересовал и другой вопрос, почему простые люди, бедняки, даже под страхом наказания помогали абрекам, укрывали, кормили, хотя среди них чаще были те, что руководствовались отнюдь не робингудовскими понятиями?

Что же касается Зелимхана Харачоевского, то здесь мы видим классический образ защитника обездоленных, и множество свидетельств очевидцев, рассказы о нем земляков, родственников, биографов, а также официальные документы подтверждают этот образ и доводят впечатление до легенды. Беднота приписывала Зелимхану чудесные способности, не подозревая вовсе, что сила Зелимхана была ее силой. Для народа Чечни непокорный Зелимхан был не бандитом и разбойником, а заступником и героем, символом борьбы за справедливость и свободу. Поэтому ему симпатизировали и помогали, иначе было бы невозможным в одиночку на протяжении стольких лет противостоять целой системе [1.с.115]. Причина того, что абрека не могли поймать в течение долгих лет, была еще и в том, что чеченцы и ингуши, как мы уже отмечали выше, его всегда укрывали. Любое село почитало за честь приютить Зелимхана, не смотря на то, что селу за это грозило уничтожение. Вот один из таких эпизодов.

Однажды Зелимхан приехал поздно вечером к своим друзьям в Урус-Мартан. Хозяин дома Домби принял радушно, по всем законам гостеприимства. Абрека сытно накормили, приготовили постель. Но как только стали укладываться спать, прибежала дочь хозяина Кесира с криком: «Дом окружен солдатами!» Зелимхан вскочил на ноги. Но сын хозяина Нукка тут же встал перед ним: «Зелимхан, ты наш гость. Тебе

нечего волноваться». И сняв винтовку со стены, обратился к брату: «Зокка, я выскочу в окно, побегу огородами. Солдаты подумают, что бежит Зелимхан, и бросятся ловить меня. В это время вы с Зелимханом уйдете через дверь. Не забывай, что за жизнь гостя ты отвечаешь головой»[1.с.162].

В абреческой карьере Зелимхана много случаев, которые вошли в чеченские легенды и трактуются как чудо святого Зелимхана [1.с.115]. Образ абрека своей двойственностью вызывал у местного населения в равной степени противоречивые чувства ужаса и уважения. Не случайно, доктор исторических наук, профессор М.Х.Багаев охарактеризовал абречество как «тяжелую болезнь общества, от которой люди всячески старались оберегаться»[2.с.55]. Желание никогда не встречаться с абреком в реальной жизни дополнялось постоянной привлекательностью этого образа у местного населения, что подтверждается многочисленными песнями легендами и сказками [1.с.35].

Были случаи, когда обычные преступники, чинившие урон местному населению, прикрывались легендарным именем, называя себя Зелимханом. Это дискредитировало имя абрека в глазах мирных людей, и с такими Зелимхану приходилось довольно круто разбираться. И если потом он и даровал самозванцам жизнь, то наказывал их тем, что обязывал содержать малоимущих [1.с.120].

Почему же художник одну из картин своего цикла о Зелимхане назвал «Керт»? Какой смысл он вкладывал в это название? «Керт», в переводе с чеченского, означает забор, ограда, плетень. Все перечисленные имеют очень важное, почти сакральное значение в жизни чеченцев, да не только их. Издавна забор являлся своеобразной защитой, надежными стенами человека. В своей картине З.Аласханов затрагивает именно философский смысл керта. Он точно передает и настроение человека, которого изобразил стоящим перед оградой своего дома. Керт, или ограда - это символ надежности и оседлости человека, в данном случае чеченца, символ того, что человек твердо стоит на своей земле, на своей территории. Его территория - это дом, земля, семья, их защиту и предполагает пусть даже некрепкий с виду забор. Он может быть частоколом, плетнем, одной или двумя обычными жердями, огораживающими территорию. Но ради него и льется кровь, ради него выносятся все лишения и невзгоды. И вот герой Аласханова, - Зелимхан, созерцает, как мы уже говорили, в последний раз свой плетень. Могучая его фигура внутренне сжата, видно напряжение абрека. Он вспоминает свою прежнюю, мирную, счастливую жизнь. Все в этом человеке, и то, как он стоит, и то, как сжимает кулаки - все выдает

сожаление и безысходную тоску по прошлому, возврата к которому уже нет. В романе М.Мамакаева очень точно переданы терзания и сомнения самого непреклонного из абреков - отца Зелимхана, Гушмазуко. Однако условности, заложниками которых горцы становились уже с рождения, не позволяли ни ему, ни сыну выйти из игры. «Наедине со своими мыслями в спокойную минуту он искал выхода, думал о том, как вырваться из кровавой распри, но каждая новая обида вызывала у него неудержимый гнев, он взывал к чести Зелимхана, и тот, полный рыцарских представлений своих гордых предков, шел на очередной жестокий подвиг [3. с.114]». Но Зелимхан не мог не видеть, как из-за него страдали его односельчане, какие невыносимые условия создавали царские власти тем, кто отважился выступить в защиту мятежного харачоевца. Потому неслучайно у Зелимхана порой возникало желание прекратить дальнейшую борьбу и уехать, избавив тем самым всех горцев от постоянной угрозы карательных мер со стороны российской администрации. «Вернуться к мирной жизни было уже невыносимо, а потому Зелимхан хотел исподволь поговорить с Бици о временном переселении в Турцию. И вот увидев сегодня полусожженные дома харачоевцев, развороченные плетни, пустые дворы Зелимхан решил покинуть Чечню.[3.с.128-129] ».

На картине З. Аласханов нарочно изобразил абрека слегка прислонившимся к забору. Этим художник подчеркивает, что даже такой бесстрашный борец тоже может нуждаться в защите. Зелимхан по замыслу художника словно хочет впитать в себя дух родного керт, тепло домашнего очага. Хотя керт этот весьма сомнительный в плане защиты. Это всего лишь несколько кольев или жердей, которые перевязаны в виде изгороди. Одной рукой абрек опирается на длинную жердь, а другой на стоящую дулом вверх винтовку, своего незаменимого и верного друга. О чем сейчас он думает легко догадаться. Ведь он не родился абреком, не пришел в этот мир, чтобы стрелять и убивать. Он, как и все, любит свою землю, свой дом, свою семью. Ему ближе работать на земле, видеть, как колосится пшеница, как наливаются яблоки в саду, как поспевают овощи, выращенные собственными руками. А вместо мирного труда уготована черная доля абрека. Не каждый может вынести подобное как психологически, так и морально. Только очень стойкий, убежденный в своей правоте, и верящий, что его дело угодно Всевышнему, может оставаться самим собой до конца. Таким и был Зелимхан Харачоевский, таким его знал и любил народ. А народ нельзя обмануть, он видит фальшь мгновенно, ведь люди хорошо знают, кто из себя что представляет. И никакое лицемерие,

никакая двойственность морали с народом не пройдут. О людях с сомнительной репутацией легенды не слагают. А Зелимхан в своих действиях не искал наживы или славы, он руководствовался законом чести. Абрек отомстил обидчикам, восстановил честь семьи, вернул любимую девушку брату, помогал бедным и сиротам. « И все же – как пишет Мамакаев - Зелимхан не достиг ни покоя, ни счастья, а главное – не приобрел желанной свободы. Наоборот, чем дальше, тем больше харачоевец чувствовал себя глубоко несчастным и завидовал убогим нищим, которые могли спокойно бродить по дорогам, просить милостыню. А тем, кто говорил ему, что он свободен как вольный ветер, с горечью отвечал: «Пока нет веревки на шее» [3. с.159-160].

На заднем плане картины представлена потрясающая панорама величественных гор. Это родной аул абрека - Харачой. Все вокруг покрыто изумрудной зеленью, все дышит, цветет, живет. И только в сердце еще не старого Зелимхана нет цветения, нет жизни. Только обреченность. И эта обреченность так очевидна, так пронзительно передана художником, что невольно задаешься вопросом: «А стоило ли все, что произошло в жизни крестьянина Зелимхана такой жертвы? И эта девушка Зезаг с ее похищением, и обиды, и слишком завышенная самооценка семьи Гушмазукаевых, и гипертрофированные понятия чести и достоинства - стоит ли все это, чтобы жертвовать собой, своей семьей, возможностью жить и работать на земле, радоваться улыбками жены и растущими детьми? Думаю, не стоит. Лучше лишний раз переговорить, попытаться понять, услышать, простить, уступить, найти точки соприкосновения, чем поспешно хвататься за оружие со всеми вытекающими последствиями. Требование осторожного и взвешенного отношения друг к другу не потеряло своей актуальности и по сей день. Нравы и обычаи Кавказа не претерпели существенных изменений. Меткое выражение «на Кавказе один раз стреляют, а сто лет идет перестрелка» в полной мере проверено в случае с Зелимханом. Конечно же, никто не снимает со счета его борьбу с властями, его защиту обездоленных, его стремление заставить властей считаться с горцами. Это все будет потом. Сейчас речь идет о начальном этапе. О том, что заставило вступить на путь борца-одиночки. А заставила-то обычная бытовая история, та, о которой и говорил историк Ю.В.Хоруев. [4.с.89]. Обычная бытовая драма превратилась в трагедию вселенского масштаба, в настоящий и долгий ад.

Картина «Керт» имеет двоякий смысл. С одной стороны забор, бесспорно, это защита дома, это олицетворение надежности и охраны. Но, с другой,

кажущаяся надежность и защита рассыпаются и перестают быть эффективными перед силой и необратимостью действия вековых обычаев. И тогда забор как защита лопается как мыльный пузырь. Ничто, никакие стены, никакие высокие заборы не спасают от такого векового проклятия как кровная месть.

Забор очень многогранный феномен, тут много пластов. У слова "забор" двойная этимология: с одной стороны, «забрать», как захват, например в случае с Зезаг, а с другой стороны, он однокоренной слову "забрало", а это оборона, то есть забор – это еще и оборонительное укрепление, откуда можно вести бой с противником.

Зелимхан никогда не трогал простых людей и даже русских офицеров, с которыми случайно встречался. Например, один офицер как - то охотился в окрестностях Мержоя, и здесь наткнулся на всадников во главе с Зелимханом. Они познакомились, разговорились, даже вместе выпили чаю. Расстались почти друзьями [1.с.122]. И таких случаев было немало. Они красноречиво свидетельствуют, что знаменитый абрек Зелимхан, ведущий непримиримую борьбу с царскими властями, никогда не был кровожадным человеком, и насилие не являлось его самоцелью. На добро и дружбу он отвечал адекватными поступками, независимо от национальности, религии и социального положения. Он также понимал и то, что в одиночку, даже самый смелый и бесстрашный воин не сможет выйти победителем. Эта горькая истина в конечном итоге и привела его на край пропасти.

Использованная литература:

1. Гудаев Л. Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы-Грозный,2017,893 с.
2. Джабиров И. Х. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян, Грозный.2016,448 с.
3. Мамакаев М.А.Зелимхан, Грозный,1971,274 с.
4. Хоруев Ю.В.Наместник гор. Владикавказ,2011,281 с.

4. «Дань предкам» х/м,45х60,2014г.

«Два кладбища кровников»,х/м,110х160,2019г.

К картине «Дань предкам»

В скорбном безмолвии камни могильные
Холодно, зябко здесь, даже в жару.
Стоим неподвижно, а слезы умильные
Текут, словно видим родных наяву

Славные предки. Вы честно прожили,
Любили, трудились, сражались в бою.
Черные вороны, бывало, кружили,
Желая в вас видеть добычу свою.

Но вы не сдались, и добычей не стали
С верой, надеждой шагали вперед.
Детям и внукам свой край завещали
И будет вас помнить вовеки народ

Посланник Аллаха (мир и благословение ему) сказал: «Я одно время запрещал вам посещать могилы, теперь же можете посещать их - это напомнит вам о вечности».

Картина художника З.Аласханова «Дань предкам» затрагивает эту же тему - здесь представлено взору зрителей древнее мусульманское кладбище. Что, как не кладбище сможет напомнить людям о бренности земного бытия и скоротечности жизни? Это четвертая картина цикла, посвященного Зелимхану Харачоевскому, убитого царскими войсками 27 сентября 1913 года. Вся жизнь этого человека прошла в непримиримой борьбе с произволом властей. Наивно полагая, что убийствами можно искоренить существующее в мире социальное зло, Зелимхан был непреклонен в своих убеждениях. Однако временами в нем закрадывалась мысль о тщетности и бессмысленности подобного сопротивления. Ведь против него одного была пущена целая армия, весь чиновничье-полицейский аппарат империи. Российская машина насилия безжалостно уничтожала любое инакомыслие, подавляла любое стремление к свободе. На место одного убитого военного приходили другие, еще более жестокие, беспощадные и коварные. И Зелимхан, вопреки всему, вынужден был продолжать борьбу. Не мог он спокойно смотреть, как царская

администрация творит беззакония в отношении его соплеменников, являвшиеся в глазах первой дикими туземцами и отъявленными головорезами. Его уделом по прежнему оставалось противостояние злу, которое, как он считал, шло именно от царской администрации. Зелимхан уже не принадлежит себе. Он – орудие возмездия и одному Всевышнему известно как долго это орудие будет в действии. И еще он прекрасно отдавал себе отчет в том, что обречен.

Во время работы над книгой я разговорилась с человеком, который кивнув на разложенные мною труды о Зелимхане, с искренней горечью произнес: « Герой и мученик одновременно. Каким же он был несчастным. Как же они его мучили. За что же выпала ему такая доля?» Эти слова потрясли меня. Если я прежде рассматривала Зелимхана только как дерзкого и отчаянного храбреца, эта сторона дела как то мной не была взята во внимание, во всяком случае, недостаточно. А ведь и впрямь, каким же несчастным он был этот неустрашимый абрек. Ведь жизнь у человека только одна и дана она Всевышним для радости, для созидания, для счастья и любви. А много ли этого было отпущено Зелимхану? Почти ничего. Только смерть близких, страдания родных, муки и слезы жены и детей. Под силу ли выдержать такое простому человеку, да и непростому тоже? Откуда он черпал эти силы, что питало его, позволяло вновь и вновь несмотря ни на что, даже на собственные ранения и болезни продолжать начатое, идти по тропе мщениия пока смерть не остановит его?

В картине воссоздана памятная сцена из жизни абрека Зелимхана. Композицию произведения образуют три главных объекта: фигура абрека, стоящего спиной к зрителю, две каменные могильные стелы - чурты и горы.

Сразу приходят на ум пронзительные строки из стихотворения В.А.Жуковского «Сельское кладбище»:

Под кровом черных сосен и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в могилах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят

Серый тон черкески, облаков, кладбищенской изгороди объединяется в единую колоритную симфонию с охрой скалистых отрогов горы и щедрой изумрудной растительностью вершин и ущелья. Зелимхан прибыл на родовое кладбище. Его непокрытая голова слегка наклонена вперед, он словно ведет мысленный диалог с предками. О чем он думает? О чем желает

им поведать? Быть может, просит прощения за выбор опасного пути, за оставленных жену и детей? Примечательно, что к месту упокоения предков, отважный герой пришел без оружия - оно здесь неуместно. Полуметровые могильные камни грубо обтесаны, они сужаются кверху и приобретают сходство с застывшими людьми. Они выразительны и печальны одновременно. Возможно, Зелимхан в глубине души отождествляет себя с ними, и очевидно понимает, что он, подобно этим изваяниям, обречен застыть навсегда.

А ведь как счастливо начиналась его жизнь - любимая жена, дети, дом - полная чаша, свой земельный надел, возможность спокойно жить, трудиться, растить детей. И все оборвалось в одночасье. Какой злой рок витал над домом Гушмазукаевых, чьи проклятья уничтожили эту уважаемую трудолюбивую, добропорядочную семью? В книге И. Джабирова приводится очерк царского полковника В.Козачковского «Зелимхан», написанный на основе воспоминаний. Кстати сказать, В. Козачковский не самый авторитетный из тех, кто писал когда-либо о Зелимхане, так как не свободен от предвзятости и субъективности оценок. Но у И.Джабирова, видимо, имелась определенная цель, и для осуществления таковой самым подходящим оказался именно полковник В.Козачковский. В этом очерке Козачковский дает свою трактовку начала «разбойничьей карьеры», как он выражается, абрека Зелимхана. Помимо всего прочего, вышеупомянутый автор «приводит сведения об историческом роде Зелимхана», на котором, якобы, лежала печать заклатья. Вот что он пишет: «Сохранилось не только предание, но воспоминание стариков, что Шамиль проклял его и приказал стереть его с лица земли, не щадя даже беременных женщин. Однако единственному со всего рода деду Зелимхана удалось бежать из башни при помощи подкупа и скрыться от гнева Шамиля»[3.с.182-183]. В.Козачковского, как царского полковника, можно понять - ведь для него Зелимхан – вор и разбойник и любые отрицательные отзывы в адрес Гушмазукаевых только на руку.

На подобные утверждения мы можем сказать только одно - история и память народа сами определили место Зелимхану. Но вот вопрос - зачем извлекать из мрака забвения подобные сентенции И.Джабирова и на этом строить свои предположения, суть которых можно свести к известной поговорке «дыма без огня не бывает»? Ну что ж, он имеет право, на то и демократия, добытая столь тяжким путем. Выражаясь языком Вольтера, «я ненавижу то, что он говорит, но я готов отдать жизнь за то, чтобы он мог это сказать».

Далее уместным будет напомнить, что гневу и немилости Шамиля подвергались не только простые чеченцы, такие как дед Зелимхана Бахо, но гораздо прославленные наибы. Но думаю, вряд ли такое проклятие вообще имело место. Например, историк Ю.В.Хоруев утверждает, и небезосновательно, что «своеобразным кумиром Зелимхана был Шамиль, и он во всем хотел походить на него. Об этом говорят вещи, которые были обнаружены в кожаной сумке Зелимхана, Среди них были фотографии имама Шамиля...»[5.с.447].

Я беседовала по поводу этого самого проклятья и с прямым потомком Зелимхана – его правнуком Лемой Гудаевым, который на протяжении всей своей жизни является собирателем документальных и фактических сведений о своем прославленном прадеде. И кому, как не ему, знать,- является ли вышесказанное правдой, или же это досужие вымыслы. Л. Гудаев, как я и предполагала, категорически отверг подобный факт, назвав небылицей. Скорее такое проклятье мог послать Шамилю старший из рода Гушмазукаевых.- Бахо. Ведь именно он пострадал от жестокости Шамиля. М.Мамакаев в своем романе об этом жестко рассказывает: «Семье старого Бахо не впервые бедовать. Гушмазуко еще мальчиком видел пытки, которым мюриды Шамиля подвергли его отца за неповиновение шариату. Бахо тогда уложили лицом вниз, сверху бросили на него плетень, а по нему маршем прошли воины имама. А когда подняли плетень, Бахо с трудом дополз до дома, отплеываясь кровью и проклиная режим Шамиля»[4. с.9]. Конечно, не стоит забывать, что это художественное произведение, и потому автор может позволить некоторую долю вымысла, кроме того, надо помнить и время, когда создавался роман, – конец 60-х-начало 70-х годов прошлого века. Господствовавшая марксистско-ленинская идеология была непримирима в своей борьбе с религией, и любые проявления лояльности к «опиуму для народа» рассматривались как антисоветская и религиозная пропаганда, и жестоко наказывались. А потому, чтобы роман о Зелимхане вышел в свет и обрел своего читателя, М. Мамакаеву, как бы ни критиковал задним числом его за это коллега по писательскому цеху Джабиров, приходилось идти на такие сделки с совестью. Так что, полагаться на факт проклятия как единственную причину бед Зелимхана и его родичей не стоит.

И все же справедливости ради стоит признать, что чрезмерная резкость и неукротимость характера были этому роду присущи. И Бахо, и сын его Гушмазуко обид не прощали, и нрав имели необузданный. Если Гушмазуко при своем горячем и взрывном нраве был человеком далеко не

аналитического склада ума, то сын его, Зелимхан, имел обыкновение тщательно анализировать каждый свой поступок, каждое действие, и мысли свои всегда обращал к Богу. Его трезвый рассудок ясно представлял себе дальнейшие последствия очередного задуманного им предприятия. Но вся его беда, вся глубочайшая трагедия заключалась в том, что он находился в плену предрассудков, был заложником воли своего взрывного и недальновидного отца. В романе М. Мамакаев так характеризует Гушмазуко: «... Каждая новая обида вызывала у него неудержимый гнев, он взывал к чести Зелимхана, и тот, полный рыцарских представлений своих гордых предков, шел на очередной жестокий подвиг [4. с.114]».

Вот так обостренные чувства и рыцарские представления привели к гибели отца и братьев Зелимхана. Умер от горя дед - столетний Бахо. Кто следующий в этом жутком списке, легко догадаться. Да и сам Зелимхан знает об этом. В течение стольких лет он мстит и мстит жестоко за родственников, за односельчан, за друзей, за семью, за себя. И с каждым годом горестный список этот увеличивается. Как увеличивается и список обидчиков, поплатившихся за свои деяния. И неизвестно, когда закончится эта страшная череда смертей. Совсем как в другом полотне художника З. Аласханова «Кладбища кровников». На этом полотне художник отобразил трагедию двух родов, представители которых все до одного погибли в бессмысленном кровопролитии. И только земля помирила и породнила бывших врагов, забрав себе. Теперь им нечего делить. И некого оставлять после себя. Лишь зловещая тишина как грозный судья царит вокруг. Такова идея этой картины, которая в общих чертах сливается с идеей «Дани предкам».

А пока слава разбойника Зелимхана гремит по всей России. В стране раскупаются открытки с его изображением, почтовые марки. Он не сходит с первых полос газет. Но на всех снимках поражают глаза Зелимхана. Они полны такой тоски и усталости, что до боли в сердце становится жаль его, жаль его черной доли. В одной из многочисленных народных песен о нем так и поется:

Черная ночь,
Черная бурка,
Черная доля твоя, Зелимхан.

С именем Зелимхана связаны десятки громких разбойничьих дел. Но самыми дерзкими из них являются налет на грозненский железнодорожный вокзал, попытка пленения миллионера Максимова, налет на Кизлярское

казначейство, разбои на Керкетском перевале и в Ассиновском ущелье[5.с.345].

Он был просто неуловим и выбирался из самых трудных ситуаций. В октябре 1911 года ему удалось бежать из окруженного села Сунженское, а в декабре этого же года он умудрился бежать из окруженной пещеры [2.с.128].

Всех удивляла его поразительная везучесть. «Какой-то бог удачи – писал осетинский общественный деятель А.Цаликов - сопровождает все набеги Зелимхана, и он выходит из всех стычек и форменных сражений, правда, теряя одного за другим ближних ему лиц. Гибнут его отец, два брата, лучшие его сподвижники Аюб и Саламбек, вместе с ним переносившие невзгоды его скитальческой жизни» [5.с.409].

Потеря таких друзей, как Аюб, Саланбек, Темирко не могла не отразиться на Зелимхане. Он понимал, что верных, до конца преданных ему людей осталось очень мало. Практически в каждом ауле стояли войска, в горах постоянно проводились облавы. У Зелимхана спрашивали, почему он не уедет в Турцию? Он отвечал: «Я не могу бросить семью. Да и денег у меня нет. Погибну здесь»[3.с..208].

Зелимхану оказывали посильную помощь люди. Без них вряд ли ему удалось бы столько лет успешно вести борьбу и держать в страхе царскую администрацию. В глазах народа он был защитником и героем. И они помогали ему, чем могли. Питанием, гостеприимством, кровом, вовремя предупреждали о возможной опасности и облаве. Народ в своей ненависти к царизму готов был всегда и в любое время с риском для жизни укрывать абрека, так они выражали свое неприятие существующему режиму, который не считал их за людей.

Да, Зелимхан имел свою агентуру. С этим выводом осетинского историка Ю.В.Хоруева нельзя не согласиться. Это были родственники, соаульники, сочувствующие и не принявшие царский режим люди. В их обязанности входило вводить преследующую Зелимхана администрацию в заблуждение и дезориентировать, направлять ее по ложному пути и в любом случае выиграть время. Это помогало Зелимхану не только уходить от преследования, но внезапно оказаться и напасть там, где его не ждут[6. с.109].

Доклад начальника Терской области Михеева от 26 августа 1911года: «Выполнить задачу по ликвидации абрека без военного отряда крайне трудно». И он объясняет - трудно не потому, что Зелимхан - олицетворение неуязвимой храбрости и боевой увертливости, а потому что он завоевал умы

и настроения народа... пользуется репутацией народного героя и широким укрывательством окружающих[5.с.381-382].

Однако годы уже брали свое. Все труднее и труднее становилось мужественному харачоевцу удерживать завоеванные позиции. Ранения, неустроенный быт, жизнь в пещерах, постоянная сырость и холод подточили его здоровье. Он не раз подумывал о том, чтобы уехать. О возвращении к мирной жизни в своем крае не было и речи, хотя отдельные родственники, жалея его, предлагали подать прошение о помиловании. И вот однажды, поддавшись уговорам, Зелимхан обращается к главе Терской области генералу Михееву с просьбой о помиловании, хотя в душе как человек неглупый понимает всю тщетность своего обращения. Он оказался прав. Царские власти не собирались церемониться с абреком, и помилование не входило в их планы. Генерал Михеев отреагировал весьма жестко: «Где же его уважение к закону, если он склоняет меня на беззаконие, то есть призывает к помилованию, тогда как я во имя закона обязан судить его. Закон, конечно, примет во внимание чистосердечное признание, но, во всяком случае, Зелимхану следует помнить, что раз он имел мужество судить и наказывать других, пусть имеет мужество и отдаться в руки правосудия» [5.с.311].

Оставалось только одно – покинуть страну. А куда ехать? Конечно, же в Турцию.

Неуловимый для властей, он за столько лет борьбы превратился в живую легенду. За это время он подустал, и лет прибавилось, стали сказываться ранения, не оставляла в покое малярия, валившая его с ног. Однако нисколько не убавилось злости и ненависти к тем, кто, как он считал, сломал его судьбу, отнял жизни у отца и братьев, арестовал и сослал семью с малыми детьми в Сибирь. А потому, несмотря ни на что, рой этих чувств периодически вызывал у него прилив новых сил. И тогда мысль об уходе в Турцию, куда еще недавно, несколько десятилетий назад, переселилось много единоверцев со всего Северного Кавказа, на время отступала, а то и вообще закрадывалось сомнение в правильности такого решения. Что лучше: жить на чужбине с тоской по родным местам, или быть всегда - и живым и мертвым - рядом с прахом предков и многочисленными родственниками по линии отца и матери? [5.с.421]

Писатель М.Мамакаев весьма образно передал это настроение абрека, смятение, бросавшее его из крайности в крайность, но ясно становилось одно - надо было на что-то решиться, на чем -то остановиться, и не думать о

несбыточном, не строить иллюзий, и не терзать себя бесплодными надеждами на возвращение к мирной жизни:

«Но вернуться к мирной жизни было уже немыслимо, а потому на этот раз Зелимхан решил исподволь поговорить с Бици о временном переселении в Турцию. Он и сам не надеялся обрести счастливую долю в султанской Турции. Об этой стране и ее жестоких нравах много рассказывал ему в свое время покойный дед Бахо. По рассказам старика турецкий султан был не лучше белого царя Севера. И все же, увидев сегодня полусожженные дома харачоевцев, развороченные плетни и пустые двory, Зелимхан решил покинуть Чечню. Не из-за себя, даже не для безопасности своих близких, а просто чтобы избавить от этого кошмара жителей родного аула. И еще жила в нем надежда, что он перестанет быть абреком и займется пусть даже самым тяжелым, но мирным трудом. А там, когда пройдет некоторое время, и в Чечне о нем все забудут, если даст Аллах, можно будет вернуться и в отчий дом [4. с.128].

Свою версию в отношении планов Зелимхана о прекращении абреческой деятельности приводит и профессор, доктор исторических наук М.Х. Багаев. «Доживи Зелимхан до 1917года, хотя в 1913году он и собирался перебраться в Турцию, Асланбек Шерипов наверняка привлек бы его и его товарищей к себе, а позже и в свою Красную армию, где он мог бы показать отвагу, лихость и прочие достоинства настоящего воина» [1.с.171].

Профессор Ю.В.Хорув, говоря об абречестве в целом, и о судьбе помилованных царским правительством, приводит интересные данные о том, что многие из них приняли участие в боевых действиях русско-японской, а позже первой мировой войны в составе Дикой дивизии [5.с.458-459]. Эта мысль звучит и у И.Джабирова, который, словно спохватившись в конце своего сомнительного изложения, вдруг «великодушно» предположил, что «если бы Зелимхану удалось продержаться живым еще десять месяцев, он тоже был бы в числе первых добровольцев, отправившихся на фронт» [3. с.86].

Однако вряд ли власти сочли бы такое возможным для Зелимхана, тем более невероятно, что последний, после всего что произошло, стал бы воевать в войсках «белого царя».

Использованная литература

1. Багаев М.Х. Доблесть, мужество и честь абрека Зелимхана (книга В.Бибулатова «Рыцарь чести» //Вестник института развития образования, Выпуск 15,Грозный.2016, с.169
2. Гудаев Л. Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы-Грозный,2017,893 с.
3. Джабиров И. Х. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян, Грозный.2016,448с.
4. Мамакаев М. А. Зелимхан, Грозный,1971,274с.
5. Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе.Владикавказ.2011
6. Хорув Ю.В. Наместник гор- Владикавказ,2011,281с.

5. «Привал», х/м, 50х70, 2014 г.

«Берег Казеной-Ам», х/м, 60х80, 2016 г.

К картине «Привал»

Покой души таит в себе природа,
Она как мать заботлива нежна,
Ее постель из трав под сенью небосвода
О, как сейчас уставшему нужна.

Была длинна и тяжела дорога.
Заложник долга и возвышенных страстей,
Давно он дома своего не видывал порога,
Но сколько видеть довелось ему смертей.

И вот вконец измученный, усталый
Он, пожалев коня, остановил свой бег,
А горы тут же под защиту взяли:
-Ты в безопасности, передохни, абрек.

В начале XX века абречество на Кавказе вступило в новую фазу, и связано это было, прежде всего, с непродуманной политикой царской администрации, бездарным характером управления, отсутствием должного правопорядка. Среди абреков того времени ключевой фигурой, бесспорно, являлся Зелимхан Гушмазукаев из селения Харачой. Успешная борьба и противостояние властям снискали ему славу неуловимого и бесстрашного мстителя.

«Зелимхан – пишет в своей монографии историк Ю.В.Хоруев – популярностью затмил всех абреков юга и севера Кавказа, которые были до него и в его бытность. Несомненно, Зелимхан Гушмазукаев – незаурядная личность. Тюрьма и последующая охота за ним не сломали его. Напротив, эти трудности лишь закалили, и он еще более возненавидел несправедливость и тех, от кого она исходила. В качестве обидчика выступало не только одно конкретное лицо – какой-нибудь светский или военный чиновник, но и весь аппарат данной власти» [4. с.14].

Царское правительство не уставало повторять о том, что политика, проводимая им на Кавказе, имеет исключительно прогрессивный характер для туземных народов, и все мероприятия представителей властей здесь, есть чистое благодеяние для последних.

Однако, поставленная служить во благо горцев русская администрация, в основе своей погрязла в коррупции и взяточничестве и меньше всего заботилась о культурном и экономическом развитии горских народов. Здесь в ужасающем положении находились здравоохранение, просвещение, самобытная культура пресекалась всевозможными запретами. Зато власть преуспевала в насаждении палочной системы, широко практикуя штрафы, экзекуции, контрибуции, казачьи постой, ссылки в Сибирь и на безжизненный остров Чечень в Каспийском море [4.с.99].

Попирались законы гор, которые фактически вступали в конфликт с российскими законами и, естественно, правоохранные органы принимали жесткие меры к нарушителям. Соответствующее отношение было и к адатам - грубо говоря, они попросту игнорировались - российское законодательство исключало в своей практике ссылку на адаты как субъект права. В горах видели кровожадных дикарей и туземцев, а потому как с полноправными гражданами с ними никто не считался. И вот эти самые законы гор - так называемые адаты, выступили на первый план, умалив тем самым значение российского закона. Это хорошо видно на примере конфликта двух семейств из селения Харачой. Там бытовой конфликт из-за женщины перерос в стойкое противостояние с многочисленными жертвами. Обо всем этом мы подробно говорили в предыдущих главах, и потому нет нужды останавливаться на деталях конфликта. Сейчас нас интересует эмоциональный аспект, основанный на эстетическом восприятии окружающего мира.

Итак, мы знаем, что главным фигурантом в этой кровавой бойне стал один из братьев семейства Гушмазукаевых - Зелимхан. Выросший в чеченских патриархально-родовых условиях, на древнем чеченском адате и шариате, перед которыми все равны, впитавший в себя с молоком матери святую любовь к окружающей красоте девственных гор и лесов, он с детства усвоил, что все это безраздельно принадлежит ему и его соплеменникам. Он был против всякого присутствия чужаков и, особенно против всякой чужой власти в Чечне, посягнувшей и отнимающей у него все это. Ему не нравились порядки и новый уклад жизни, которые насаждались здесь русской администрацией[4.с. 255].

В этой ситуации не просто конфликт на почве бытовой ссоры. Здесь историк ставит важный вопрос социально-правового характера: о соотношении обычного права и закона, исходящего от государства. Народ, живший веками по адатам своих предков, не принимал чужих уставов. И одним из элементов адата была кровная месть. Как верно отмечает

Ю.В.Хоруев, кровная месть с самого начала возникла как механизм саморегуляции общества, межличностных отношений внутри него. В догосударственный период, этот институт обеспечивал безопасность людей, служил предостережением каждого от безрассудных поступков, иначе говоря, от убийств и покушений. Можно с полным основанием сказать, что кровная месть не меньше, чем самый строгий закон, удерживала горячие головы от безумного шага [4.с.124].

И вот Зелимхан, пытаясь разрешить спор так, как считал правильным, согласно своему представлению о чести и достоинстве, и, руководствуясь в подтверждении своей правоты адатами и шариатом, совершенно не ожидал вмешательства в этот семейный конфликт российских властей. А те особо разбираться не стали и, в соответствии с российским уголовным законодательством, отправили тех, кого посчитали виновными в тюрьму. Для Зелимхана, тогда еще молодого и неопытного, это стало настоящим потрясением, от которого он не смог, да и не захотел оправиться. Почувствовав себя преданным, оскорбленным и обманутым, он подался в абреки. Началось длительное противостояние Зелимхана-абрека с властями.

Мы уже говорили о причинах, заставивших в общем - то мирного хлебопашца Зелимхана из Харачоя взяться за оружие, рассуждали о терзаниях абрека и внутренних спорах с собой, анализировали его представления о чести и достоинстве. Вместе с тем нам были понятны и боль, и одиночество, и страстное желание оставить путь абрека и вернуться к мирной жизни. Естественно, и мы, и сам абрек понимали, что этим надеждам и мечтам не суждено было сбыться. Слишком громкий след тянулся за ним, слишком известен он был на Кавказе, и слишком разозлил он, став бельмом на глазу, царское правительство. Об этом красноречиво свидетельствуют размеры вознаграждений за поимку его, брата Солтамурада и отца Гушмазуко. В выписке из решения выборных от жителей селений Веденского округа от 1908года так прямо и говорится:

«Тому, кто убьет разбойников: Зелимхана Гушмазукаева -8тыс. рублей, Солтамурада Гушмазукаева-3тыс. рублей, и отца их Гушмазуко Бахоева-1500 рублей»[1.с.673].

В наших рассуждениях мы широко использовали иллюстративный материал художника Зайнди Аласханова. Он давно и серьезно изучает этапы трагического пути Зелимхана. Художник Аласханов родом из того же села, что и знаменитый абрек. Они - земляки или, используя сугубо этнический сегмент, то одготейповцы. Потому особенно дорог Аласханову этот человек, хотя в Чечне все жители, независимо от

происхождения, считают Зелимхана своим. Он по праву - национальный герой, личность незаурядная, сильная и трагическая. Художник З. Аласханов в 2013 году подготовил целую серию картин, посвященных жизни и борьбе известного абрека. Эту серию он приурочил к 100-летию со дня гибели Зелимхана Харачоевского 27 сентября 1913 года.

Картина «Привал», пятая по счету из этой серии, и мы ее будем приводить в своих рассуждениях.

Уже давно все привыкли говорить о Зелимхане, используя слова в превосходной степени - отважный, смелый, решительный, бесстрашный. Эпитетов можно перечислять бесчисленное количество, и все они верно передают и точно определяют характер абрека, его мотивы и действия. Однако нельзя, чтобы мы, и те, кто интересуется этой легендарной личностью, упустили такой момент как человеческий фактор, Говоря словами древних - ничто человеческое не было чуждо и абреку. Именно в пограничной - между жизнью и смертью, ситуации, чувства, эмоции сильно обостряются. И там, где обычный человек не замечает ничего примечательного, так как его глаз и ухо привыкли видеть и слышать краски и звуки природы в спокойной размеренной обстановке, то абрек, постоянно идущий по лезвию ножа, во всем, в каждой мелочи, открывает для себя прекрасное. Это может быть и летний дождь, и цветущая ветка яблони, и пение птицы, и жужжащий шмель в траве. Еще мало чего он может замечать своими заостренными чувствами, своей вечной тоской по теплу домашнего очага, своею неустроенностью и бесприютностью. Для него, гонимого, любая остановка, любое затишье – огромное, безмерное счастье. Это как встреча с прошлым, как подарок, данный ему судьбой, которая неожиданно смилостивилась только за тем, чтобы тот смог насладиться, пусть в последний, а может, если повезет, не в последний час все той же красотой природы, красотой неба, красотой нашего мира, такого несовершенного, но такого любимого.

Именно этим и руководствовался художник, когда замышлял сюжет картины «Привал». З.Аласханов в своем полотне дает абреку возможность отдохнуть, размять ноги, ведь даже его большое, сильное тело, сутками не сходящее с лошади, нуждается в кратковременном отдыхе, привале. Более того, глядя на эту картину, мы сами невольно заряжаемся этой усталостью, она передается нам, и потому так хочется, чтобы никто не нарушил тишину и покой этого человека. Пусть он отдохнет. Возможно, он прибыл после тяжелого боя, или долгой погони, или еще чего-то смертельно опасного. Пусть, если так, приляжет абрек где-нибудь у дерева, и поспит на мягкой,

шелковистой траве, и пусть родная мать-земля оградит его на время от вражеских пуль и штыков, пусть защитит и согреет его измученное, не знающее тепла тело.

В данном эпизоде автор поместил своего героя в левой части картины, уделив большое место коню. Нам неизвестно, как звали друга абрека, который прошел с ним немало дорог и побывал во многих рискованных ситуациях, однако сомневаться в его искренней привязанности не приходится. Прекрасно понимая, как нелегко приходится четвероногому другу, и что ему необходим отдых, Зелимхан в картине находит время для привала. С коня сняты сбруя и седло, он мирно облизывает соленые камушки. За ним наблюдают хозяин и рыжий жеребенок. Похоже, Зелимхан насиделся в седле и теперь с наслаждением разминает ноги, хотя плечи его все же напряжены. Даже на привале осторожный абрек не выпускает из руки винтовку, своего верного товарища. Конь выписан мастерски, удачно переданы лоснящиеся переливы на теле крупного, выносливого животного. Упругие мышцы, будто продолжение мощного скалистого рельефа, сообщают всей композиции мажорную динамику. Зелимхан находится вдали от населенных пунктов, здесь он с особым трепетом ощущает красоту природы и свободу.

Когда мы говорим о свободе в данном контексте, то естественно, мы имеем в виду свободу от постоянных преследований, от борьбы, которую абрек, начинает осознавать, как бессмысленную, от всей неустроенности, от всей противоестественности его положения. Именно этой свободы жаждет наш герой, именно она вызывает у него такой трепет. Он чувствует ее всей кожей, как может чувствовать доведенный до отчаяния человек. Но только не желал он свободы от семьи, от детей, от родственников, от привычного уклада жизни, от работы на земле, по которой так соскучились его огромные, мужские руки. Нет, такая свобода совсем не привлекательна ему, да и не может она быть привлекательной нормальному человеку, любящему семью, очаг, родину. Свобода - понятие многомерное. И привкус у свободы тоже бывает различный: он хмельной от победы, сладкий от счастья, горький от навалившихся бед. Свобода - это дар и бич. В зависимости от обстоятельств. Обстоятельство, в которое попал Зелимхан – это бремя мести, которая, как правило, никогда не завершается.

Вот как красочно рисует писатель М.Мамакаев впечатление, полученное Зелимханом от созерцания родной природы:

«Из-за облаков выглянула луна. Вдали в сизо-голубой дымке показалась величественная вершина Харачой-Лама. Зелимхан придержал коня.

- Край мой родной, - произнес он с бесконечной нежностью, будто впервые увидел эту гору, и медленно, словно боясь ранить цветы, густо росшие под ногами, сошел с коня. «Хорошо, что Аллах наделил этой красотой, этим чистым воздухом всех... Всех - и бедных, и богатых, - размышлял харачоевец. - Но нет - не всех!.. Кто-то ходит здесь и дышит свободно, а я должен пробираться тайком, под покровом темноты».

Он нагнулся, сорвал кислый лист щавеля и с удовольствием пожевал его.

Сколько радостей таит для человека жизнь! Зелимхан всегда был открыт для каждой, самой малой радости, но теперь жизнь возложила на него тяжелое бремя: отомстить тем, кто сгноил в тюрьме двух его братьев, упрятал туда же его старого отца, а главное - опозорил его дом, дом честного и гордого Бахо. Обет абрека требовал от него сейчас огромной собранности и целеустремленности [З.с.71].

В этих строках известного писателя открывается новый для нас абрек Зелимхан – тонкий, трепетный, ранимый. А кроме того этот гимн во славу жизни у М. Мамакаева как нельзя точно перекликается со строками великого Л.Н.Толстого, написанные им в рассказе «Набег».

«Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете под этим неизмеримым звездным небом?», - с горечью, болью, упреком и недоумением задается Толстой вопросом [5.с.21]. Что двигает человеком, когда он решает убивать себе подобного, неужели есть более существенное, более ценное, чем человеческая жизнь?

В противопоставлении природы жестокому миру людей, есть что-то знаковое, это почти библейское использование ее в качестве веского аргумента в осуждении всякого рода насилия.

Природа родного края и ее влияние на Зелимхана часто звучит в литературных произведениях и исторических трудах. Видимо между ними существует неразрывная связь, нечто общее, что позволяет абреку черпать силы, находить утешение, а родной земле питать его.

«Для него, оторванного от общества, от семьи, природа была самым близким другом, постоянным собеседником, утешителем. Она приносила ему радость во всяком своем облики: не только солнечной и нарядной, но и в дождь, в зной, когда полыхали зарницы, и хмурой осенью, и холодной зимой. Ничего, что он так часто остается без крова, природа всегда дает ему приют и покой» [З.с.183].

Не скрывает этой неразрывной связи абрека с природой и осетинский историк Ю.В.Хоруев в своих трудах. «Родной стихией Зелимхана были

территории Грозненского, Веденского и Назрановского округов, с их лесными массивами, камышовыми и кустарниковыми зарослями, горнообрывистым рельефом. Особенно, когда буйствовала «зеленка». Но он вольготно чувствовал себя и во Владикавказском округе и даже в самом Владикавказе, где размещалась резиденция Наказного атамана Терского казачьего войска» [4.с.279].

Географическое расположение и особенности кавказского ландшафта, мягкий климат, богатая растительность позволяли абрекам использовать каждый природный элемент или свойство для обеспечения своей безопасности, нормального жизнеобеспечения и возможности ведения боя. Абреки, как правило, прекрасно знали и горы, и леса, и ущелья, и прилегающие к ним территории: будь то степи кубанские или ногайские. Именно это прекрасное знание местности, умение быстро ориентироваться в минуту опасности, используя в качестве защиты и оборонительных укреплений каждую кочку, холм, пещеру и даже бурные потоки горных рек, позволяло абрекам выходить из сложных ситуаций, уходить от облав и преследований. Благодаря знанию особенностей родной природы и местности разбойничьи отряды Зелимхана, можно сказать, в военном искусстве превосходили регулярные части царской армии. Смерти абрек не боялся. Тысячи раз она кружилась рядом, глядела в глаза, но не брала: слишком уж храбрый был, отчаянный [1.с.224]. Потому и завершились удачно самые дерзкие разбои его: нападение на грозненский вокзал, кизлярский разбой, катастрофа в Ассиновском ущелье, разбой на Керкетском перевале, разбой в ауле Старо-Сунженском и события в Харачоевской пещере. То ли Зелимхан был заговорен, то ли военная фортуна так благоволила к нему, но все проведенные им нападения завершались благополучно и без потерь.

Слава неуловимого и удачливого абрека росла и ширилась уже по всей России. Огромное внимание, уделяемое прессой похождениям «разбойников», сыграло и свою отрицательную роль для самой же России. Многие кавказские чиновники были настолько уверены в безнаказанности Зелимхана, что, даже получив достоверные сведения о его местонахождении, его планах, практически ничего в противовес не предпринимали, предпочитая отсиживаться в своих укрепленных гарнизонах [2. с.199].

Думается, в этой книге нет смысла описывать все дерзкие налеты Зелимхана. Именно дерзкие, а не коварные, жестокие, безжалостные, бессердечные, и прочие прилагательные. Зелимхан как бы соперничал с преследующими его частями армии и полиции в лихости, организованности,

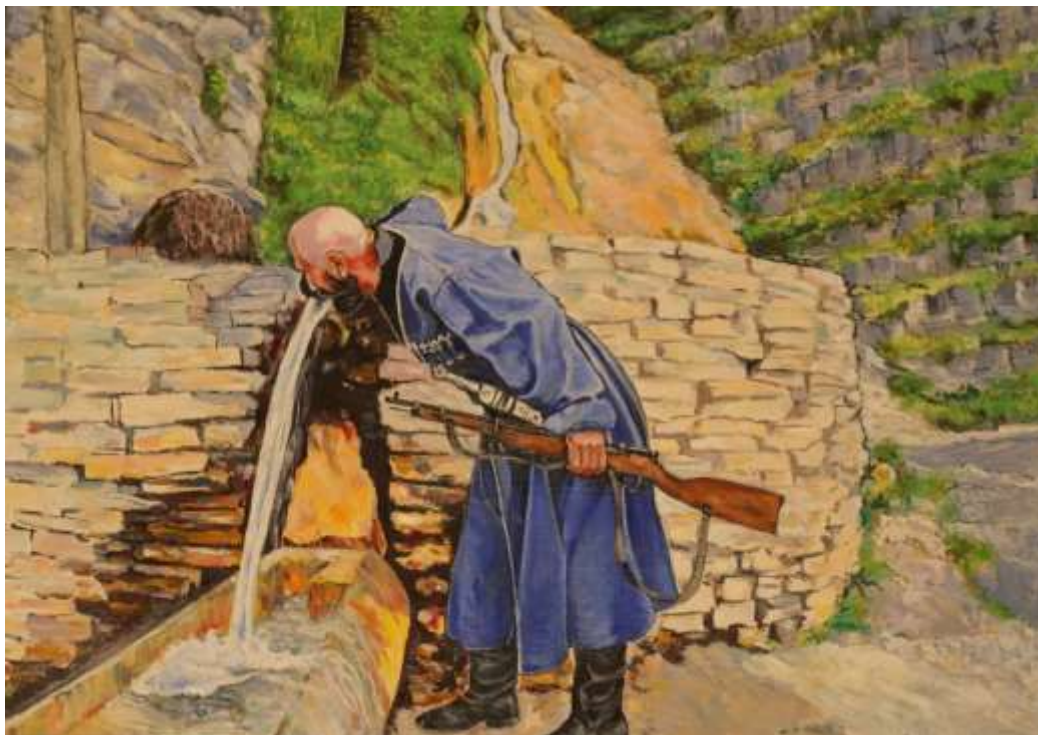
тем самым показывая властям, что с ним не так - то просто тягаться, и не так просто его поймать. Деньги, бесспорно, играли немаловажную роль для абреков, но все же по значимости отходили на второй план, когда решался вопрос о превосходстве в уме и ловкости. Это была его, Зелимхана, игра, - игра, в которой правила устанавливал он. Абрек заставил с собой считаться, он заставил заносчивых офицеров понять, что перед ними не дикарь, а воин, умеющий планировать, обдумывать ходы, и, главное, побеждать. А деньги - это приз за первенство в игре. Вот таков расклад действий Зелимхана. И катастрофа в Ассиновском ущелье, о которой много говорится в источниках, произошла не столько по вине абрека, сколько от бездарности, глупости его главного режиссера – князя Андронникова. Князь оказался с чрезмерными амбициями и попросту не рассчитал свои силы. Он рассчитывал на успех в этой операции. Ведь поимка Зелимхана сулила ему награды и повышение по службе, за которыми он собственно и прибыл на Кавказ. В качестве приманки он использовал плененную семью абрека, которую решил вести прямо через ущелье. Внизу шумела бурная река Асса. Ущелье имело множество ловушек, и здесь легко было подстроить засаду. Об этом самоуверенного Андронникова предупреждали его более опытные товарищи по службе. Даже жена Зелимхана Бици, и то советовала князю отказаться от глупой и заведомо обреченной на провал затеи идти прямой дорогой. Но князь стоял на своем, правда чуть погодя, он понял всю бесперспективность и бессмысленность своего предприятия, однако не стал ничего менять в маршруте, боясь насмешек. Он сознательно пошел на верную гибель. Как и предполагалось, Зелимхан встретил их в удобном для себя месте и открыл огонь. В результате князь Андронников и еще 26 человек были убиты, еще 24 человека ранены.

Таким образом, природа родного края, родная земля, знание местности и умение использовать ее в своих целях и в свою пользу позволяли Зелимхану выживать и выходить из боевых столкновений невредимым.

Литература :

1. Гудаев Л.Р.Абрек Зелимхан. Факты и документы - Грозный,2017,893с.
2. Джабиров И.Х.Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян, Грозный.2016,448с.
3. Мамакаев М.А.Зелимхан, Грозный,1971,274с.
4. Хоруев Ю.В.Абреки на Кавказе Владикавказ,2011,510с.
5. ТолстойЛ.Н.Собр.соч. в 22т,М.,1979 т2,с.7-82

6. «Родник «Девичья коса», х/м, 50х70, 2013 г.

«Дорога к роднику «Девичья коса», х/м, 40х40, 2018 г.

К картине «Родник»

Раннее утро. Село Харачой.
Заря разлилась над высокой горой.
Ветер весенний пронесся волной,
Он баловник, он доволен собой.
Будит, торопит спящих людей:
- Вставайте, делами займитесь скорей!
Вот звуки свирели уже раздались,
Хозяйки босые в хлева подались.
Оттуда выводят кормилиц-буренок,
Вокруг них шныряет малец-постреленок,
Коровок крапивой шутивно стегает,
Коровки мычат, от него убегают.
Приходится женщинам их догонять
И криком и ласкою нрав усмирять.
Буренки и вправду затем присмирили,
Покорно шагают на звуки свирели.

Вот юные девушки узкой тропой
Спешат к роднику за водой ключевойю.
О, как грациозны они, как стройны,
Как держат изящно кумганы свои.
А родник-озорник их встречает довольно,
И воды его зажурчали фривольно.
Серебристые струи вдруг так расшалились
Что девушек брызгами разом облили
А те лишь смеются в ответ - им забавно:
- Ах, старый родник! Как с тобою отрадно!
Ты гонишь из сердца надолго печаль,
Уводишь в мечтах в запредельную даль.
Мы верим в хорошее, но все же родник
Поведай о том, что нас ждет впереди.
Счастье большое, иль горе-беда
Старик, не молчи, ты все знаешь, ведь да!?
Недаром ты прозван «Девичья коса»
Предсказаний твоих здесь ждала не одна...

Социальные потрясения и государственные реформы, пережитые горцами Кавказа после окончательного покорения их Россией, вызвали глубокую трансформацию местного общества и его мировоззрения. В результате целого ряда перемен и как реакция на русское завоевание сложилось современное абречество [3.с.24-25]. Как правило, уйти в абреки человека заставляли чрезвычайные обстоятельства. Такими чрезвычайными, если не сказать экстраординарными, были обстоятельства у знаменитого чеченского абрека Зелимхана.

Царизм – как пишет историк Ю.В.Хоруев - не очень утруждал себя поисками лучших способов управления краем, в которых бы учитывались особенности многонационального Кавказа или хотя бы предусматривался баланс взаимных интересов. Имперский шовинизм довольно хорошо играл на национальных и религиозных чувствах, культивировал вражду между горцами и казаками, и между самими горцами. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», он смешивал народы, чтобы разрушить их родоплеменные связи, этническую целостность и таким образом ослабить сопротивление.

По примеру высших кавказских властей поступала и не желавшая отставать от них местная администрация. В 1896 году начальник Терской области генерал-лейтенант Семен Васильевич Каханов издал бредовое распоряжение, по которому туземцам Владикавказа не разрешалось выходить из своих жилищ после солнечного заката. Другим распоряжением он запретил горцам одного округа арендовать земли в пределах другого, чтобы не пересекались ими казачьи земли, а станицы убереечь от возможного разбоя.

Установленный военно-полицейский режим проявлял себя во всём и всюду. Всякое законное требование населения, защиту им своих прав, особенно если это исходило от группы людей и носило настойчивый характер, местные власти квалифицировали как бунт, а самых активных его участников бросали в тюрьмы, ссылали в Сибирь [3. с.97-99].

Мы уже обсуждали и не раз, как мотивы имелись и у Зелимхана, чтобы взяться за оружие. Интересовали нас также морально-нравственные и этические аспекты положения абрека. На этом подробно останавливались, когда рассматривали картину Зайнди Аласханова «Привал». Тема эта продолжается и в другой его картине «Родник девичья коса», которая вызывает большой интерес, как у обычных зрителей, так и у историков, литераторов, искусствоведов. Она наделена эмоционально-романтическим характером. В ней сильно ощущается взволнованность, с

которой художник воспринимает мир своего героя. На картине изображен абрек Зелимхан, пьющий воду из горного родника. Подобно длинной девичьей косе этот кристально чистый поток студеной воды, берущий свое начало с высокогорного ледника, ниспадает с крутого склона горы и по сооруженному желобу продолжает свой бег. Художник включил в данное событие современное состояние ручья, обустроенного аккуратной кладкой из белого известняка. Каким он был во времена Зелимхана трудно сказать. Абрек наклонился к воде, его правая рука опирается о каменную кладку и он вот-вот коснется губами сильной водной струи. О мощи струи можно судить по обильной пене, образующейся при падении воды в наполненный желоб. Пить из такого неукротимого потока весьма затруднительно, удобнее было бы отложить в сторону оружие и с помощью ладоней утолить жажду. Но доля абрека такова, что он должен быть всегда начеку, и расстаться с оружием даже в такую минуту чревато для него опасностью.

Единственный предмет, отложенный им на парапет каменной кладки - это мохнатая папаха из овечьей шерсти. Таким приемом художник сознательно нарушает монотонность левой части полотна и задает нужный ритм всей композиции. Помимо этого коричневый тон шерсти поддерживает колоритный баланс с расположенным справа фрагментом дикого скалистого участка.

Родник селения Харачой всегда являлся местом своеобразного паломничества молодых людей. Здесь назначали встречи, признавались в любви, давали клятвы верности и обещания. Родник был важной достопримечательностью села. Это часть самобытной культуры харачоевцев, с их представлениями о морально-нравственных ценностях, это, если так можно сказать, мерило счастливого начала жизненного пути молодых людей. Вот об этом говорит и М.Мамакаев, когда в своем романе озвучивает чувства молодой девушки Зезаг, грезившей о счастливой любви. Чем закончилась эта история любви, мы хорошо знаем. Она стала причиной огромной трагедии разыгравшейся в Харачое, привела к гибели многих людей, и навсегда породнила одного из героев - Зелимхана с печальной участью абрека.

«Ей хотелось, чтобы осуществилась бабушкина сказка, чтобы явился за ней добрый молодец, и чтобы им оказался ее любимый Солтамурад.

Однажды утром, набрав в медный кувшин холодной воды из харачоевского родника, она шла домой и вдруг остановилась, увидев Солтамурада. Юноша стоял, словно зачарованный, молча глядя на нее. Молчала и Зезаг, слегка опустив голову.

Вот тогда впервые и овладело ею это странное чувство, с тех пор в сердце девушки ворвались и радость, и тревога. Так и стояли они в то утро неподалеку от родника и молчали, хотя у каждого было много слов. Испугавшись, что еще минута - и девушка уйдет, Солтамурад взмолился:

- Зезаг, подожди еще хоть немного. Хочу еще посмотреть на тебя.

И она стояла без слов, шевеля носком изящного чувяка маленькие камешки, валявшиеся под ногами.

«Ой, как обидно, что еще тогда не ушла с ним далеко-далеко из этих мест, - размышляла сегодня Зезаг. - Тогда я оделась бы для него в белое платье». А вот сегодня ее одели в черное, держат под замком. И правду говорят, что беда приходит не одна, что есть у нее еще и семь сестер. Да, семь сестер, и все семеро явились к Зезаг: двоих близких людей из-за нее убили в ссоре, четверых посадили в тюрьму и отправляют на каторгу. А ее любимого Солтамурада и не убили, и не посадили, а оставили одинокого на воле, чтобы люди смеялись над ним... Да, чтобы смеялись над ним. И можно ли придумать более жестокое наказание для мужчины?..

Всякие мысли лезли сегодня Зезаг в голову. «Может, все это из-за того, что познакомились мы с Солтамурадом у родника «Коса несчастной девушки»? - думала она. - Ведь и та девушка — вот так же попыталась уйти со своим любимым из отчего дома, а разгневанный отец метнул им вдогонку кинжал, который вонзился в спину дочери. Она упала на пригорке, разметав по камням длинную косу. А наутро с пригорка этого сбегал серебристый родник, напоминая женскую косу, небрежно брошенную на склон горы... Вот и называли люди этот родник «Косой несчастной девушки» [2.с.6].

Картина З.Аласханова «Родник «Девичья коса» продолжает тему влияния природы на мировоззрение и душевное состояние человека. В данном случае речь идет об абреке Зелимхане, которого художник воспекает в своих картинах. Для З.Аласханова абрек Зелимхан - образец чести и достоинства настоящего мужчины - горца, борющегося за торжество справедливости. Для художника З.Аласханова, воспитанного в традициях вайнахского этикета, да еще и военного – он полковник запаса, воинская доблесть Зелимхана, его борьба с обидчиками и кровниками, со всеми кто повинен в его несчастьях, а также в несчастьях обездоленных бедняков превыше всего. Зелимхана вынудили, считает он, стать абреком по причине кровной мести.

Кровная месть на Северном Кавказе была настолько распространённым явлением, что по существу не было ни одного рода, который бы когда-то не находился в кровном противостоянии с одной или несколькими фамилиями.

Поэтому, ставших на этой почве абреками, было достаточно много. Количество их в каждом народе зависело и от уровня экономики, его общей культуры и политического самосознания [З.с.124].

Вот и бились абреки, забыв о радостях жизни до последнего своего часа со всеми, кто, так или иначе, попадал в разряд их личных врагов. И неважно, кем были это враги – своими местными, или представителями царских властей. Для абрека в его борьбе не существовало разделений на нации. Абрек в этом случае интернационален - он одинаково мстит всем обидчикам.

Однако и у абреков бывают минуты отдыха, и для них наступает час затишья, и им улыбается солнце, и им струится ручей, и несет свои воды родник.

Вот он, знаменитый родник села Харачой. С ним связаны древние сказания и легенды. Одну из них, в пересказе писателя М.Мамакаева мы уже приводили. По- иному интерпретируют историю харачоевского родника этнографы и местные краеведы. Но, так или иначе, легенды эти всегда в основе содержат судьбу конкретного человека. Фактически, они призваны связывать явления природы с несчастной, а может, напротив, счастливой, судьбой человека, чаще девушки. Возможно, тем самым подчеркивается сакральная сила воды, в которой отдельные историки склонны видеть женское начало. Без воды погибает все живое, без женщины невозможно продолжение жизни. Неслучайно, вода – женского рода, потому-то легенды всегда связывают водный источник с реальным или вымышленным женским персонажем.

Восприятие родников сохранило в себе как древнейшие смысловые корни почитания воды в качестве рождающего и обновляющего начала. Родники представляют собой рано оформившуюся группу почитаемых объектов, внутренне относительно единую.

В культе воды отмечаются постоянные элементы, которые сопутствуют родникам и источникам на всем протяжении их существования. Это семантическая связь родников с женскими сакральными персонажами в язычестве. Связь эта прослеживается как в отношении восточнославянских верований, так и для представлений народов Кавказа. Связь воды с ритуальным умыванием, которое символизирует рождение заново, так же отсылает нас к восприятию родника как образа женского плодородия.

Легенды, подобные харачоевской, существуют у всех горских народов. Каждый этнос в основе своей всегда питал пристрастие к различным преданиям, и таким образом передавал свое представление о

мироздании, бытие, смерти. В этом есть неповторимое своеобразие мировосприятия и миропонимания горских народов. Аналогичная легенда существует у балкарцев, а именно о Чегемских водопадах в Кабардино-Балкарии. Здесь также наблюдается отождествление водопада с женским началом, а именно со слезами невинной девушки. Именно невинность как символ чистоты является основополагающей в легендах Кавказа. Чистая невинная девушка - это олицетворение морали и нравственности всего народа. Девушка всегда неприкосновенна. В этом квинтэссенция подобных легенд. Вместе с тем, тот, кто посягал на честь и достоинство, жизнь и здоровье любой другой женщины подвергался суровому наказанию.

В жизни абрека Зелимхана, и без того насыщенной событиями, имел место случай, который произвел на него сильное впечатление. Он встретил на горной дороге женщину, охваченную горем. Абрек спросил, что случилось. «У меня только - что отобрали младенца»- ответила рыдающая женщина. Без лишних слов Зелимхан пустился на розыски и вскоре увидел двух мужчин, которые несли ребенка. Абрек долго просил вернуть ребенка матери, заклинал Богом, предками, но безрезультатно. Когда он перешел к угрозам, мужчины зарубили младенца кинжалами. Вид зарубленного невинного младенца потряс выдавшего виды абрека. Такого злодеяния он не мог оставить безнаказанным. И Зелимхан их убил. По чеченским адатам нельзя поднимать руку не только на младенца, но и на несовершеннолетнего подростка, на женщину и старика. Они не входят в круг мести [1.с.370-371].

Сын Зелимхана Умар-Али не уступал отцу в мужестве и благородстве. В его жизни также произошел эпизод, когда он с риском для жизни спас тонущую девушку. Однажды Умар-Али с товарищами наблюдал бурное весеннее половодье на Дону, река очищалась от последних льдин. И вдруг Умар-Али с истинно орлиной зоркостью заметил в водовороте беспомощный взмах руки тонущего. На миг показалась голова девушки. Умар-Али не раздумывая, сбросил лишнюю одежду и кинулся в ледяную реку. С невероятным усилием удалось ему вытащить девушку на берег. Здесь ей оказали помощь и она выжила. А горец для родителей девушки стал за родного сына [1.с.188].

Однако, возвратимся к картине. Зелимхан здесь отдыхает. Он спешился, его фигура не напряжена, а напротив, расслаблена. Необыкновенный вкус воды заставляет на мгновение забыть обо всех бедах и неприятностях. Есть такая поговорка: во время утоления жажды даже змея не жалит. Наверное, именно этим и пользуется сейчас Зелимхан на картине З.Аласханова, припав к роднику. Вполне может быть, что возвратился он после крупной

вылазки, долгого пути, или жестокого боя. Он счастлив, что ему удалось выйти целым невредимым, хотя и смертельно усталым. И вот серебристая вода из горного родника целебнее всех лекарств, лечит, как чудодейственный бальзам, снимает хворь, усталость, дает силы.

Таким образом, влияние родной природы на человека имеет огромное значение при изучении его мировосприятия и жизненных ценностей.

Использованная литература:

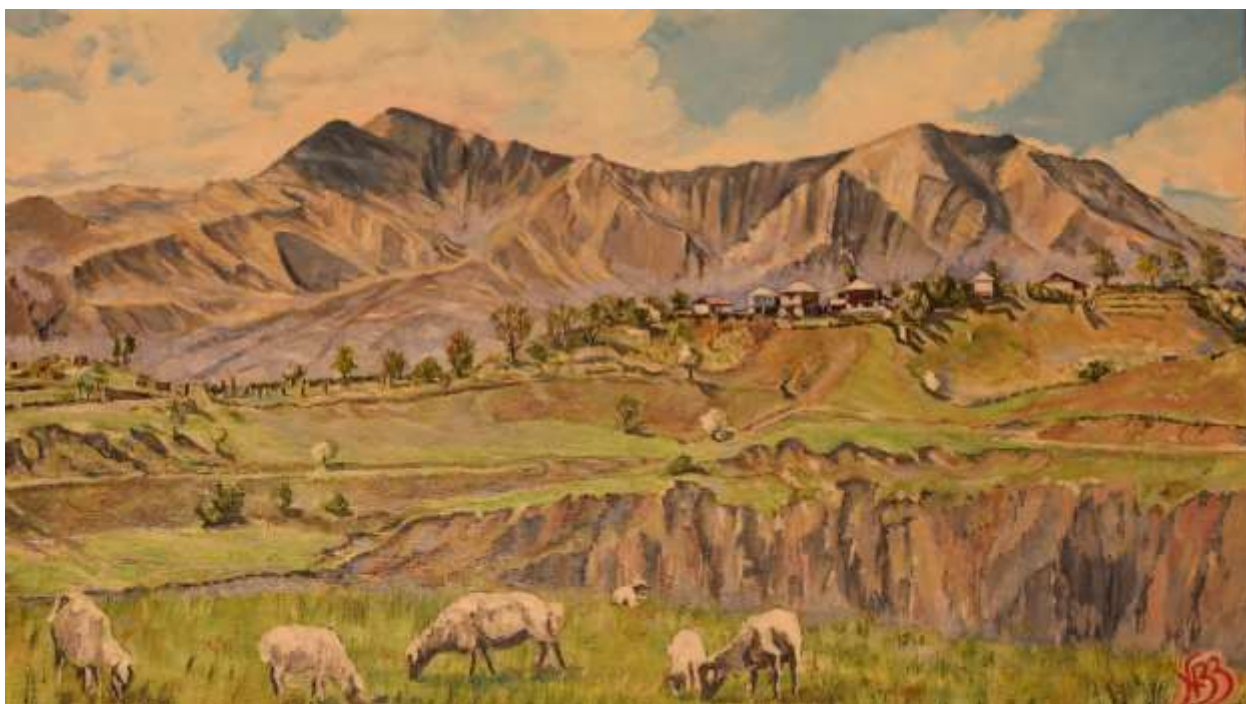
1. Гудаев Л. Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы-Грозный,2017,893с.
2. Мамакаев М. А. Зелимхан, Грозный,1971,274с.
3. Хоруев Ю.В. Абреки Кавказа - Владикавказ,2011,511с

7. «Неожиданная встреча», х/м, 50x50, 2014 г.

«Дом на берегу Казеной-Ам», х/м, 50x90, 2018 г.

8. «Величие и благородство», х/м, 50х70, 2014 г.

«Весна в Игум-Кале», х/м, 40х70, 2012 г.

К картинам о Шаялине

Возможно, нам в это не верится,
Возможно, что это лишь миф,
Но все же? Могли они встретиться?
Сюжет-то уж больно красив.

Как ехал по горным дорогам
В Тифлис на концерт человек.
Там солнце катило по склонам,
Шумела вода бурных рек.

Ему было жутко и дико
И все ж с интересом глядел
Он в шляпе, задвинутой лихо,
Влюбляясь в Кавказ все сильнее

А здесь это с ним и случилось -
Вот крики, удары, пальба
«Абреки! Разбойники!» - взвилась
В нем мысль, что вертелась вчера.

К карете подходит мужчина
В черкеске, с винтовкой в руке.
Поверьте, такая картина
И местных смутила б вполне

Но в лихо задвинутой шляпе
Человек хладнокровно сидел,
Как будто он не был лишь в шаге
От смерти. Как будто он дома сидел.

Абрек удивился, незримо
Смягчилось чеченца лицо
-Ты держись не возмутимо
Похвально. Скажи, а ты кто?

-Кто я?! - человек улыбнулся

Ответил: - Шаляпин, певец.
Казалось, абрек встрепенулся
-Ты вправду тот самый...певец?

-Я слышал от многих немало
Восторженных слов о тебе,
Ну что ж, видно время настало
Послушать твой голос и мне.

-Давай выходи из кареты,
К тому косогору пройдем.
Мы многих вопросов ответы,
Уверен, с тобою найдем

У нас хоть и разные судьбы,
Но есть одна общая связь-
Ты в голосе черпаешь силы,
Я ж в силе обрел его враз.

Шаляпин с достоинством вышел,
Учтиво отвесил поклон,
И вместе с абреком все выше
Легко поднимался на склон

О чем тогда думал Шаляпин
Увы, никогда не узнать,
Но в лихо задвинутой шляпе
Он будет пред нами стоять

А пока среди скал и ущелий
Стоит с Зелимханом один,
И качает фортуна качели
Вверх и вниз. Кто сейчас господин?

Наконец, Зелимхан произносит:
-Погляди, как прекрасен мой край!
Ветер эхом повсюду разносит
Что Кавказ – это подлинный рай.

-Горы радуют сердце абрека,
Ведь другого ему не дано.
Что останется от человека
Коль исход его ясен давно?

-Ты ответь на вопрос без лукавства,
Верно, думаешь, – вот человек,
Убивает всех ради богатства
И при этом скорбит, что абрек?

-Эту долю себе не искал я,
Не желал бы ее никому
Но с врагами я должен сражаться,
А иначе мне жизнь ни к чему.

Зелимхан замолчал, исподлобья
Поглядел на певца и сказал:
-Ты стоишь неподвижно в раздумьях.
Встречи этой ты явно не ждал?

-Но не бойся, тебя не обижу,
Не такой Зелимхан человек.
Я хороших людей сразу вижу,
Еще долог, Шаляпин, твой век

-И твой век, Зелимхан, не окончен.
Не терзай понапрасну себя
Я, Шаляпин, артист, и мне очень
Захотелось здесь спеть для тебя

Он запел. Его голос над бездной
Разносился потоком дождя,
Будто молнии ночью кромешной
Закружились в безумстве огня

О, как врезался в душу абрека
Этот бас неземной красоты

В нем и тьма, и сияние света,
В нем падение вниз с высоты

Пред глазами абрека вставали
Мирной жизни счастливые дни.
И невольные слезы стекали
По лицу от гнетущей тоски.

Смолкли вскоре последние звуки.
И к артисту абрек подошел:
-Ты увидел души моей муки,
Я сегодня тобой побежден.

-Бог не зря наделил тебя даром,
Голос твой примиряет людей.
Пой, Шаляпин, и вправду, не даром
Разошлась твоя слава везде.

-А теперь же, пока не стемнело
Поезжай поскорей. И прошу:
Не обмолвись ни словом, ни делом
Что мою ты увидел слезу.

-Зелимхан, я даю тебе слово-
Твоя тайна со мною умрет.
И пускай не увидимся снова-
Встреча эта в легенды войдет

Да, проходят эпохи, столетья,
Все несется своей чередой,
Но Величие и Благородство
Светят нам путеводной звездой.

В горах Кавказа вот уже не одно десятилетие бытует легенда о том, как однажды встретились знаменитый абрек Зелимхан и выдающийся русский оперный певец Федор Шаляпин.

Этой невероятной истории художник З.Аласханов посвятил две свои живописные картины из уже известного нам цикла. Художник – земляк абрека. Они вместе родом из одного села Харачой. С ранних лет З.Аласханов стремился, в какой - то степени, походить на своего прославленного земляка. И не в плане набегов и захватов банков – вовсе нет, но ему всегда импонировали его мужество, честь, благородство, защита слабых. Как-то, когда З.Аласханову было всего десять лет, он под впечатлением рассказов бабушки о подвигах Зелимхана, ушел в веденский лес и там провел несколько дней совершенно один. Этим своим поступком он проверял себя на прочность, испытывал свою храбрость и способность терпеть лишения. Тот детский поступок так запал ему в душу, что он стал в какой-то мере основополагающим в его морально-нравственном становлении. И вот, как следствие, повзрослевший З.Аласханов уходит в большой спорт, и там, на борцовском ковре, он показывает всем свою силу. Он начал участвовать в борцовских поединках, которые иной раз перерастали в целые сражения. Но в отличие от сражений его легендарного земляка, сражения эти были самые мирные.

В серии картин о Зелимхане Харачоевском эти два полотна занимают не последнее место. Одно полотно называется «Неожиданная встреча», а второе - «Величие и благородство». На обоих полотнах запечатлена давняя легенда. В картине «Неожиданная встреча» Зайнди Аласханов старается передать большую духовную содержательность обоих персонажей, видя в них носителей разных, но возвышенных идей. Следуя своей излюбленной манере, художник в этой картине отводит синеве и охре доминантные цветовые роли. Абрек стоит в полной боевой амуниции, сжимая в правой руке винтовку. Его изучающий взгляд обращен к своему пленнику. Тот стоит без тени страха, и вовсе не глядит на хозяина гор. Он облачен в бежевый долгополый плащ с множеством рельефных складок, переданных темными контрастирующими тонами. Его шляпа и штаны того же цвета. В скрещенных на поясе руках певец держит трость. И дабы у зрителя не было и толики сомнения, чей образ здесь представлен, автор добавляет сильнейший визуальный аккорд – черный галстук-бабочку. Здесь в картине мы улавливаем некоторое сходство в одеяниях двух персонажей – это до блеска начищенная обувь и характерно загнутые манжеты рукавов. Свой штрих в атмосферу непривычной эстетской цивильности приносят и

светлые плиты из местного известняка, на которых стоят фигуры людей. За ними обрыв и горный массив, вершина которого, покрыта снегом. Для передачи их воздушности художник использовал жидкие краски. Голые деревца на краю обрыва, местами охваченные молодой листвой, свидетельствуют о наступлении весны.

В картине «Величие и благородство» художник продолжает начатую тему, продолжает вести со зрителем свой монолог.

Как и в большинстве жанровых работ цикла, художник при определении местоположения персонажа и композиции, отдает предпочтение крупному плану. Он изобразил Зелимхана и Шаляпина сидящими друг против друга на скалистом косогоре и мирно беседующими в погожий солнечный день. Абрек расположился боком к зрителю, а его собеседник - в анфас. Даже винтовка, поддерживаемая абреком в вертикальном положении, кажется, не настроена агрессивно. Создается впечатление, что это друзья-охотники на привале делятся своими воспоминаниями. Сняв папаху, Зелимхан, вероятно, пытается сгладить неловкое ощущение, возникшее у артиста при виде горца в боевом облачении. Глядя в сторону прищуренными глазами, он о чем-то увлеченно повествует. Свободной рукой абрек обхватывает колено и зрителю видны вены на его кисти. По обыкновению на нем тщательно начищенные до блеска кирзовые сапоги «гармошкой». Художник З.Аласханов с безупречным мастерством рисует складки одежд обоих людей. Причем, на «пленнике» вполне соответствующая мизансцене охотничья куртка с меховым воротником, за распахнутым воротом которой выглядывает галстук-бабочка. Шаляпин тоже без головного убора. Его пышная светлая шевелюра удачно контрастирует с изумрудной лесной чащей, раскинувшейся вдали за его спиной на крутой горе. Он внимательно слушает человека, о котором был слышан немало. Его руки покоятся на коленях, и мы видим изящный перстень на безымянном пальце, который подтверждает принадлежность его хозяина к миру богемы и искусства.

Оба прекрасно осознают, что это их первая и последняя встреча, их пути разойдутся навсегда. Картина, несомненно, достигает удивительного богатства образов, содержащих в себе сложные грани личности и судьбы. И как бы ни сложилась их дальнейшая судьба, сейчас здесь в горах Кавказа встретились Величие и Благородство.

Об этой встрече говорят давно. Приводятся неоспоримые доказательства, находятся даже свидетели, точно видевшие певца и абрека вместе. Но все это очень туманно. Возможно, так было на самом деле. А возможно, и скорее всего это и является истиной, такая встреча не имела

места. Она лишь красивая легенда, которая должна подчеркнуть благородство души разбойника Зелимхана. Она должна показать, вернее призвана показать, что и абреку свойственны «души прекрасные порывы», что абрек такой же человек из плоти и крови, и что у него тоже есть душа. И неизвестно, у кого струны этой самой души тоньше - у затравленного человека, или у царских сатрапов, доведших мирного человека до положения абрека. Здесь присутствует сильный социальный аспект. И касается он не только одного человека. Под Зелимханом мы можем смело подразумевать весь чеченский народ. Именно этот народ, который в XIX веке вынес все издевательства царской администрации, а в веке XX-м несправедливо оклеветанный, пережил депортацию, сохраняет в своей душе любовь к прекрасному и уважение к людям, создающим это прекрасное. Думается, в этой легенде и образ Шаляпина также собирательный образ, в котором воплощены лучшие черты передового русского общества.

Никто не отрицает факта прибытия на Кавказ великого певца, но имела ли место та памятная встреча, остается и сегодня под вопросом. Как уже отмечалось выше, под Шаляпиным легко можно разуместь тех, кто приезжал на Кавказ не с оружием, а с добрым словом, с намерением приобщить к великой культуре горцев, в которых видели людей чистых, пусть наивных, но ценящих благородство, и отвечающих в стократном размере на сделанное им добро. Неслучайно, когда - то Л.Н.Толстой говорил, что всем, что есть в нем доброе и положительное, он обязан Кавказу. Таким же образом отзывались Лермонтов, Пушкин, Александр Дюма, путешествовавший на Кавказе.

Именно чеченцы во время голодомора 1933 года на Украине приняли у себя тысячи украинцев, спасавшихся от голодной смерти в горах Кавказа, и, не только приняли, но обогрели лаской, добрым словом, сочувствием. Многие здесь нашли свою судьбу, пустили корни. Дед Зайнди Аласханова лично принял в свой дом украинскую семью, заботился о ней, кормил, ухаживал как за своими родными детьми. А когда чеченцев выселяли, эти люди в знак благодарности и солидарности хотели отправиться в ссылку вслед за дедом, но конвоиры их не подпустили к колонне, криками разогнали. До самой последней минуты эта украинская семья глазами провожала скорбную колонну и плакала. О чем это говорит? Да о том, что люди всегда найдут между собой взаимопонимание, и если где-то что-то возгорается и вспыхивает, то вспыхивает не на пустом, а на очень хитро продуманном и запланированном месте. Ибо, говоря словами поэта, «если

звезды зажигают, значит, это кому-то нужно». А кому нужно возгорание на Кавказе, мы поняли еще с конфликтов 1995 и 1999 годов.

Итак, вопрос о том, был ли на самом деле вышеупомянутый случай, по-прежнему, является дискуссионным и спорным. Однако эта легенда давно переродилась в быль, и чудесным образом стала историей, в которой все события рассматриваются как реальные, и под сомнения не ставятся. Во всяком случае, так считают соотечественники абрека, для которых Зелимхан остается непревзойденным героем.

Осетинский историк Ю. В. Хоруев также не обошел вниманием легендарную встречу. Труд Ю. В. Хоруева основан исключительно на документальных источниках, к тому же сам автор имеет весомый авторитет в научных кругах [5]. Он скрупулезно изучал этот вопрос, и было заметно во всем повествовании, что и сам автор не прочь был бы увидеть в этом мифе реальность. Однако миф этот не подтверждается документально. А может быть, пока не подтверждается. Зато продолжает жить в сердцах людей красивая легенда о двух неординарных личностях, оставивших свой яркий след на земле.

Горцы всегда с уважением относились к лирической, героической, или религиозной песне. Тот же Зелимхан в минуты затишья имел обыкновение тихо напевать родные мотивы, которые ему напоминали мирную жизнь, дом, покой. Об этом часто упоминает писатель М.Мамакаев. В его романе неоднократно мы можем видеть Зелимхана, напевающим религиозную песню - назму, или героический эпос – илли, что еще раз доказывает, по сути, миролюбивый характер Зелимхана [4]. Он не родился абреком и он, будучи абреком, не есть кровожадный убийца. В его груди бьется сердце, которое страдает, терзается, печалится, любит. И струны его души печальны и тонки, как струны старинного чеченского музыкального инструмента. Они плачут в минуту тоски и веселятся в минуты отдыха. Поэтому, естественна реакция Зелимхана при появлении великого певца, которым восхищался весь мир. Абрек увидел в нем человека, дарующего радость людям своим талантом. Зелимхан уважал талант, уважал цельных личностей, уважал честный труд без эксплуатации. И поэтому, даже если такого эпизода в их жизни и не было, можно с уверенностью утверждать: случись он на самом деле, Зелимхан непременно отпустил бы Шаляпина. Абрек придавал большое значение умению певца донести до слушателей песню.

«Певец обладает недюжинной силой,- говорил, по свидетельству очевидцев, Зелимхан,- Он заменяет тысячи солдат. Пока жив певец и играет его гармонь, народ не погибнет».

В этих словах простого абрека много правды. И правда эта касается чеченского народа в самом прямом смысле. Все помнят из рассказов родных и близких о годах выселения. И песня под гармонь возвращала людям забытую радость. А иногда гармонь становилась и грозным оружием, когда певицы открыто в песнях выражали свое отношение к акту выселения и к тирану Сталину. За это власти их жестоко наказывали, но они продолжали петь. Другие девочки подхватывали эстафету песенной борьбы, и народу казалось, что они получают как глоток свежего воздуха надежду на возвращение. Вот так и с помощью песен люди выживали. И думается, нам стоит вспомнить имена Марьям Айдамировой и Умара Димаева. Эти люди лечили людей своей музыкой, своим искусством, возвращали утраченные силы.

Так что песня - мощный организатор и вдохновитель, и абрек Зелимхан, пожалуй, хорошо знал это по себе. Вспомним эпизод из романа М.Мамакаева, где поет абрек, испытывая при этом огромное эмоциональное воздействие:

«Харачоевец сидел на грубо отделанном войлоке у закрытого окна и, сотворив вечернюю молитву, тихим голосом пел свою любимую песню о герое Балу, который низверг жестокого черкесского князя:

В час, когда ночь делится пополам.
Как пулей раненная краевая лань,
Вышел вперед сам храбрый Балу...

Песня эта всколыхнула душу Зелимхана. Она клокотала в нем, как воды Аргуна меж камней и скал, шумела, как ветер, над горными вершинами. У абрека даже перехватило дыхание. Если смерть не настигла его в пещере Цонтароевских гор, если судьба из Ногайской степи привела его снова в родные места, значит, Аллах судил ему еще жить. Нет, он еще сядет в седло, еще не раз, выхватив из ножен шашку, бросится на защиту бедных и обездоленных [4. с.268].

Вот этот постулат - защита бедных и обездоленных- является ключевым в рассмотрении феномена абречества. Народ - униженный, затравленный официальными властями - готов был в каждом, кто мало-мальски проявляет свое несогласие и протест против произвола администрации, видеть защитника, и потому с большой симпатией, теплотой и сочувствием относился к таким вот бунтарям – одиночкам. И как следствие - воспевание их в своих песнях и сказаниях. Устное народное творчество - это настоящий

кладезь уникальных, пусть порой противоречивых, не связанных между собой материалов из жизни реальных персонажей, позволяющий проследить этапы от становления до самой гибели. Героизация таких людей, страдальцев за народ – неотъемлемое условие кавказского народного эпоса. Вот эти черты устного народного творчества, или иначе фольклоризма, прослеживаются в романе М.Мамакаева [3. с.50]. При этом, М. Мамакаеву удается максимально приблизиться к убедительности...[2.с.37]

Естественно, что в фольклоре чеченцев самым популярным является Зелимхан Гушмазукаев. Легенды о нем создавали не только простые люди, кумиром которых он был, но и те, кто брался спасти его жизнь, полную риска и самого неожиданного поведения

В какой - то мере этому способствовала и агентурная публика. Постоянно независимо друг от друга шло соревнование агентов администрации и Зелимхана, где каждый старался угодить своему патрону. В результате плодилось множество не всегда достоверных бумаг и доносов. Многие личности обросли мифами и легендами, которые в свою очередь требовали объяснения на предмет их правдивости [5.с.468-469].

Но случай с Шаляпиным нигде не находит своего подтверждения.

Однако легенда о встрече двух знаменитостей как самая эффектная была с большим энтузиазмом подхвачена литераторами, и публицистами и даже деятелями культуры. Среди них Санкт-петербургский член Всероссийского совета Шаляпин истов Ю. А. Пономаренко, владикавказский литературовед Девлет Гиреев и другие. Поверив в нее, в 2006 году об этом же пишет и московский писатель Антон Уткин.

На самом же деле не больше, чем миф и легенда, являются рассказы о том, что в предгорьях Кавказа произошла встреча великого русского певца Ф.И. Шаляпина и одного из самых известных абреков на Кавказе Зелимхана Гушмазукаева. Авторы этих фантастических измышлений без оснований и каких-либо конкретных доказательств, противореча друг другу, внушают падкому на сенсацию обывателю, что она состоялась во время гастрольных поездок великого артиста по Кавказу. Одни пишут, что это случилось на пути из Грозного во Владикавказ (А. Уткин), другие - из Владикавказа в Тифлис (Д. Гиреев, Ю. Пономаренко). Так какой же из этих двух фактов достоверный?

При всем сходстве основной сюжетной линии (а это потому, что авторы заимствовали ее друг у друга) очень разнятся подробности, детали фабулы: в

одном случае Ф.Шаляпин едет на фэртоне, в другом - в карете и даже на дрогах, в третьем - в восьмиместном немецком автомобиле «Бенц [5.с.471].

Ю.В. Хоруев - дотошный историк, и он пытается докопаться до самой глубины, дойти до самого корня проблемы. Он скрупулезно изучил все версии и варианты встречи Шаляпина и Зелимхана от разных источников. Они все, естественно, различаются в деталях, как внешних, так и существенных. Однако общее в них то, что абрек, восхищенный пением великого певца, отпускает его. Известно также из тех же источников, что именно пел Шаляпин, и почему эта песня так растрогала Зелимхана. По мнению все того же Ю.В. Хоруева той песней была знаменитая «Хасбулат удалой». Она в те времена была очень популярна. Пользуясь различными источниками, Ю.В. Хоруев говорит, что песня эта очень тронула Зелимхана, особенно трагический финал. Он вспомнил жену, детей. Как они там, в холодной Сибири?! «Привстал, сделал два-три шага в сторону, затем обернулся к Шаляпину и, похвалив его за хорошую песню, посетовал, что не может принять такого дорогого гостя как положено, и попрощался с ним. Счастливые путешественники стали удаляться, и тут знаменитый абрек окликнул Шаляпина. Припадая на правую ногу, он подошел к нему и говорит:

-Ты, Федор, пел, а я вспомнил свою жену, детей. У меня даже глаза резать стало. Нехорошо, если с мужчиной бывает такое. Поедешь к своим, не говори, что видел, как Зелимхан от песни чуть не заплакал. Плохие люди не поймут, подумают, Зелимхан тряпкой стал. Прошу, не рассказывай об этом.

- Нет, никогда никому не скажу. Я тебя понимаю, - порывисто ответил Шаляпин [5.с..476].

Известный в Чечне государственный и общественный деятель Лема Гудаев – правнук Зелимхана Харачоевского. С раннего детства под воздействием рассказов о своем прадеде, он собирал любую информацию о нем. Итогом этой колоссальной работы стала внушительная по размерам книга «Абрек Зелимхан. Факты и документы» [1]. В этом труде собраны все возможные материалы, так или иначе касающиеся знаменитого абрека. В нем история с Шаляпиным озвучивается несколько раз и в разных источниках. Авторы - известные писатели и журналисты со всей ответственностью доказывают, утверждают и рассказывают о легендарной встрече. Почему? Да потому, что в народе этот случай уже закрепился как имевший место, и оспаривать его нет смысла - народ отвергнет любую попытку отрицать. Ведь для него Зелимхан – не только символ мужества, но символ человеколюбия, искренности и благородства. Люди на Кавказе

сегодня образованны, и творчество Ф.Шаляпина они знают хорошо. Им скорее всего льстит, что с их любимым Зелимханом беседовал и, довольно душевно, сам Шаляпин, а уж тот факт, что он еще и спел для Зелимхана, лишь усиливает общее впечатление. И вряд ли в ближайшие годы кто-то будет оспаривать встречу двух великих людей. Эта легенда никак не влияет ни на прошлую историю, ни, тем более, современную. Однако, она дает лишний раз почувствовать, дает понять, что горцы отнюдь не злобные, ограниченные люди, и те, кто приходит к ним с желанием созидать, творить, дарить радость - те найдут здесь свой второй дом, найдут друзей, каких у них не было и не будет.

Кстати сказать, из этой легенды плавно вытекает другая, не менее впечатляющая. Оказывается, Шаляпин будто бы признавался, что самую большую награду за свое творчество он получил в Чечне от абрека Зелимхана, где за исполнение песни ему подарили жизнь.

Использованная литература:

1. Гудаев Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы-Грозный,2017, 893 с.
2. Джабиров И.Х. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян, Грозный.2016, 448 с.
3. Джамбеков О.А. Эстетический потенциал фольклорной речевой культуры в романе М. Мамакаева «Зелимхан» //Вестник института развития образования, Выпуск 15,Грозный.2016, с.47-53
4. Мамакаев М.А.Зелимхан, Грозный,1971,274с.
5. Хоруев Ю.В.Абреки на Кавказе.Владикавказ.2011 511с.

9. «Госка по дому», х/м, 50х70, 2014 г.

«Харачой-2», х/м, 40х50, 2005 г.

К картине «Тоска по дому»

Месяц в небе как половинка чурека,
Висит аппетитно, аромат источая.
Во дворе коровы, лошадь, телега,
А в доме на нарах дети шалют, играя.

У чеченцев в доме всегда есть нары,
Они их называют поднарами.
Хозяйки их войлочными покрывают коврами,
Любят на них лежать старики и малые.

Вот жена у печки жаркой возится,
Варит чего-то, в котле помешивая.
Сердце его отчаянно домой просится,
Бродит он ночью без сна, точно помешанный.

Только к дому ему путь заказанный -
Нет отныне его у абрека,
Живет один в лесу неприкаянный,
И будет так до скончания века.

Ярким примером романтизации бунтаря-одиночки, исходящей из взволнованного личного переживания является полотно московского художника З.Аласханова «Тоска по дому», из его цикла, посвященного абреку Зелимхану Харачоевскому. Это девятое по счету полотно. На нем изображен абрек Зелимхан, сидящий на фоне родного сельского пейзажа. Громадный горный массив, охватывающий все отдаленное пространство за спиной человека, окрашен в переливающиеся светло-синий и зеленый цвета. По мере того, как лес переходит в луга, краски становятся ярче. Широкое, обмелевшее русло реки, почти белое от выступившего песочного дна, круто изгибается и выгодно оттеняет фигуру абрека. Слева от Зелимхана высится родовая башня из горного известняка, а у подножья ее расположились дома сельчан. Винтовка, удерживаемая им в вертикальном состоянии, сливается с боковой стеной башни, подчеркивая ее характерный наклон. Можно усмотреть в этом своеобразную метафору – дескать, монументальный памятник родового единства неразрывно связан с силой оружия. Учитывая

бытующую в те времена межродовую вендетту, такой прием следует признать весьма уместным и сильным. Однако главным в картине является тоска горца по родным и друзьям, по знакомому ландшафту и домашнему уюту. Абрек без папахи на голове. Согласно национальной традиции, чеченец может находиться на людях без головного убора лишь в исключительных случаях. Например, когда он хочет продемонстрировать свое желание отказаться от кровной мести.

С картины на нас глядит немолодой кавказский мужчина, лицо которого испещрено глубокими морщинами, под глазами припухлости. Всем своим видом он показывает зрителю свою усталость от тревожных и тяжелых будней. Даже густая борода и внушительные усы, покрытые сединой, не могут скрыть состояние его души, однако заметная решимость во взгляде не позволяет сомневаться, что он способен пройти данный путь.

Многочисленные рельефные складки на черкеске, словно продолжение морщин, и этот безудержный поток тонов и полутонов, значительно усиливает эмоциональную выразительность произведения.

Как всегда, художник аккуратно прописывает все детали экипировки и боевого оружия, стебли и цветки полевых растений, нахально расположившиеся перед абреком. С той же тщательностью написаны огромные камни близ башни, изгородь вокруг нее, сельские домики и небольшая группа тополей у подножья горы.

Следует отметить, что помимо художественного и исторического интереса, серия картин московского художника З.Аласханова об абреке Зелимхане, обладает, конечно, и этнографической привлекательностью.

Но особняком стоит, пожалуй, главная задача мастера - раскрытие глубокой духовной значимости жизни. В картине «Тоска по дому» это заметно, и потому Зелимхан Харачоевский в ней убеждает нас, что чувства не имеют возраста.

Итак, тоска по дому. Каждому человеку понятно это щемящее чувство, особенно, тем, кому довелось хоть однажды не по своей воле находиться вдали от родного дома. Это, прежде всего, огромный психологический стресс для человека. Это испытание, которое не каждый может выдержать достойно и в полной мере. Психологи не устают повторять, что причина тоски часто скрывается за внешними обстоятельствами жизни, являясь их следствием. Тоска одиночества и тоска по человеку имеют объяснимые причины и связаны между собой. Человек – существо социальное и одиночество влечет за собой естественное для многих чувство тоски. Не зря народная мудрость называла тоску синонимом «кручина». Действительно,

это состояние «тоски-кручины» буквально выкручивает человека, не давая ему спокойно жить, любить и стремиться к поставленным целям. Тоска связана с переживанием отчаяния и глубокой неудовлетворенности человека миром и своим местом в нем. Тоска возникает при осознании тягости тех обстоятельств, в которых мы живем и понимании невозможности их изменить.

Вот так и жизнь Зелимхана. Она шла на подъеме, у него были перспективы, но удары судьбы, предательство людей отобрали у него все, на что он надеялся. Удел абрека – горький удел. Это означает не только опасности, лишения, бесконечные погони и смерть. К ним абреки обычно готовятся и постепенно адаптируются. Тяжелее всего дается оторванность от родного дома, от привычного уклада, от родных, близких, дорогих и любимых. Нет- нет, да и тянет абрека назад в свой дом, и понимает он, что путь отрезан, и никакого дома теперь у него нет. От того еще горше кажется жизнь, еще тоскливее и бессмысленнее тянутся дни, и тогда в голову лезут различные дерзкие планы и операции. Вы скажете - это ради наживы, абрекам ведь нужны деньги. Может быть, но в первую очередь, это попытка уйти от хандры, говоря сегодняшним языком, - от депрессии. Абреки - живые люди, и при том люди молодые, полные сил. У них особенно и проявляется вот это чувство обделенности, ущербности своего бытия, так как им хочется семьи, ласки. И тогда начинаются безумства, дерзкие набеги, налеты, захваты, а после охватывает пустота и отчаяние. Каждый по своему переносит сложности социального конфликта, в котором они занимают ключевые позиции, и эти позиции бьют их жестоко, не оставляя выбора, не оставляя обратной дороги.

Тяжело было Зелимхану не только за себя, вернее, не столько за себя, как за семью. Он переживал за судьбу детей, за жену, которые из-за него терпят невыносимые страдания и лишения. Что с ними будет, когда не станет его, что будут делать, и как дальше сложится их жизнь? Дети его подрастают, а что они видят? Ведь их, особенно мальчиков, нужно учить, им нужна отцовская забота. А чему может учить он? И куда может вести? Ведь он не знает иного пути, как путь убийства. Ему не хочется, чтобы сыновья его повторили этот путь. Что же делать им, как изменить ситуацию не для себя, для детей? Такие тоскливые мысли и вопросы не раз бороздили в его голове, когда он оставался наедине собой, в редкие минуты затишья.

«В темном лесу, закутавшись в бурку, у костра сидит человек. Он молча смотрит на танцующие языки пламени. Мысли его далеко: ему видится пустой полуразрушенный дом с разбитыми стеклами и любимая,

преданная ему женщина, оплакивающая свое одиночество и беды семьи» - в этих строках очень точно передал писатель настроение абрека [5.с.141].

Однако имелись у абреков и свои маленькие радости. Для Зелимхана радостью была возможность прийти к знакомым, пусть тайно, на вечеринку или свадьбу. В основном он не выдавал себя, старался быть незамеченным, но иной раз открывался присутствующим на торжестве, любясь произведенным эффектом. Это не являлось тщеславием, напротив, Зелимхан всегда избегал позерства, не кичился своей славой, старался, чтобы подобные чувства не проникали в его сердце. Но то было проявлением молодецкой удали, он веселился, ему необычайно было приятно, что люди встречают его с уважением, восторженно смотрят на него. Такие моменты наполняли его одинокую, тоскующую душу теплом и радостью. Ему делалось легко, и переставали досаждать мрачные мысли о бессмысленности существования. Ему нравилось, что в глазах соплеменников и простых горцев он – защитник, а потому всегда оказывал помощь тем, кто в ней нуждался. Однако он нещадно наказывал и обманщиков, пытавшихся выдавать себя за него, грабя бедняков. Этим прославился Зелимхан, и слава его гремела по всему Кавказу.

Как-то некий бедный старик запряг своего единственного быка и поехал в лес за дровами. Навстречу старику вышел мужчина. Он назвал себя Зелимханом и потребовал отдать ему быка. Поверив, что перед ним Зелимхан, старик отдал быка, а сам понуро поплелся домой. Старику встретился еще один мужчина, который поздоровался с ним и пожелал ему доброго пути. Старик ответил на приветствие. После взаимных расспросов старик рассказал, что у него Зелимхан отобрал быка, чем принес ему большое несчастье. «Что?!- удивился мужчина - Как он себя назвал?

-Он назвал себя Зелимханом - ответил тот.

-В какую сторону он ушел?- спросил мужчина

Старик указал, и мужчина погнался вслед за грабителем. Догнал его и избил так, что тот долго не мог подняться. Мужчина пригнал быка к старику и сказал ему:

-Зелимхан - это я. Иди своей дорогой и никого не бойся [4.с.354].

И таких случаев народ знает очень много. Подобные истории вот уже которое десятилетие люди рассказывают, передавая из уст в уста, дополняя все новыми и новыми подробностями и тем самым сохраняя память об этом удивительном человеке. Народ никогда не забывал и героические песни о Зелимхане, и продолжать слагать их даже в период депортации [1.с.170].

А вот еще случай, который произошел на вечеринке с Зелимханом. В этой истории главная героиня Зарема, удрученная предательством своего парня, прибыла на местное торжество - синкерам, чтобы как-то развеять грусть. Но девушке тоскливо и одиноко – все не заживает ее сердечная рана. И вот..

«Сквозь толпу шел в латаной бурке и такой же старой, лохматой, чабанской папахе, надвинутой до самых бровей, странный незнакомец. Перед ним все расступались, боясь испачкаться. Поравнявшись с первыми рядами стоявших полукругом перед площадкой людей, он громко приветствовал гостей традиционным «салам алейкум» и тут же присел, не обращая ни на кого внимания и не дожидаясь ответа. Ему ответили вразнобой. Кто-то из вежливости даже привстал. И тут же о нем все забыли. Зарема стала наблюдать за незнакомцем. «Вот этот человек, как и я, никому здесь не нужен, – думала она.- Мы оба – лишние на этом празднике. Никто его не замечает и не обращает внимания, только потому, что он беднее их. Если он выйдет в круг, я буду танцевать только с ним, - вдруг решила она неожиданно для себя. Другие девушки, боясь встретиться взглядом с нищим, старались не смотреть в его сторону. Одна Зарема ловила каждое движение незнакомца. И когда их глаза встретились, ее лицо слегка покрылось румянцем. В этих глазах было что-то завораживающее, это был взгляд мужчины, который знает цену жизни, цену любви и главное - цену себе. Она это ощущала всем сердцем.

... Легким кивком мужчина пригласил Зарему на танец. Она вошла в круг, плавно скользя, словно не касаясь земли, и поплыла в танце. Незнакомец широко развел руки, затем резко вскинув их, высоко поднял бурку над головой – и бросил ее под ноги Зареме. На нем была серая черкеска из отличного сукна, кинжал в серебряных ножнах с серебряной рукояткой. Две кобуры были пристегнуты к тонкому ремешку на поясе, на что больше всего обратили внимание все мужчины, а гости невольно переглянулись. ...Незнакомец умел вести свою партнершу, не сковывая ее движений. Он то вдруг внезапно вставал на ее пути и заставлял кружиться на месте, то резко брал ее в кольцо, не касаясь даже платья, то молниеносно развернувшись и оставив партнершу, в одно мгновение оказывался на другой стороне площадки, демонстрируя виртуозные движения перед старейшинами. Этот своего рода знак внимания и уважения является неотъемлемой частью танцевального обряда, поэтому лица, польщенных таким вниманием старцев, тут же расплылись в улыбке. Все в незнакомце

выдавало хорошего танцора. Один из гостей, сидевший на почетном месте, демонстративно громко позвал мужчину, следящего за порядком:

-Ахмед! Пусть этот человек покажет свое право на ношение оружия, перед тем, как покинет нас.

В чей адрес была брошена реплика, поняли все. И все ждали реакции незнакомца. Он не заставил себя долго ждать: резким движением вытащил из кобуры пистолет, не сбиваясь с ритма, сделал несколько выстрелов под ноги зарвавшегося гостя, который от неожиданности подпрыгнул, как ошпаренный, чем вызвал хохот окружающих.

Незнакомец сверкнул глазами. Он почти вплотную встал перед блюстителем. Вытащил обойму. Демонстративно опустил пистолет, другой рукой поднял обойму на уровне лица блюстителя закона.

-Вот документ на ношение оружия, - холодный взгляд его не предвещал ничего хорошего – этот взгляд мог остудить любого, - Но если тебе этого мало, - продолжил он между тем, – Я абрек Зелимхан.

Последние слова гостя вызвали явное оживление среди присутствующих. Несколько человек быстро растворившись в толпе, тут же спешно покинули помещение. Земля поплыла под ногами Заремы. Она едва удержалась на ногах. Зелимхан пошел к двери под громкие восторги присутствующих, которые почтительно расступились, давая дорогу знаменитому абреку. Но вдруг Зелимхан замедлил шаг, еще раз обернулся, и, обращаясь к Зареме, сказал:

-Да благословит тебя Аллах и да продлит Он твои годы.

Он ушел также внезапно, как и пришел» [4.с.322-325].

В другой истории, где Зелимхан также танцевал с приглянувшейся ему девушкой, иная развязка. В разгар танца, Зелимхан, как в те времена было принято делать, выпустил из револьвера несколько пуль, одна из которых задела кончик подола нарядного платья девушки. Тогда Зелимхан достал из кармана пригоршню золотых рублей и отдал ей со словами: «Купи себе новое платье, а то тебя мама поругает». Кстати сказать, подобные рассказы о вечеринках, где присутствовал Зелимхан, встречаются довольно часто в литературе и в воспоминаниях современников абрека. И везде Зелимхан – желанный гость, к тому же щедрый, учтивый, умеющий красиво вести себя на подобных мероприятиях, и достойно выходить из щекотливых ситуаций, если таковые случаются.

Зелимхан был желанным гостем и в Ингушетии, где ему оказывали подлинное горское гостеприимство. Идрис Базоркин - выдающийся

ингушский писатель - в своем романе «Из тьмы веков» очень подробно обыгрывает эту тему, и потому в романе глава, посвященная встрече ингушей Зелимхана и его семьи, является одной из самых удачных.

«Около года Зяламх и его семья мирно жили в ингушском селении на плоскости...Ингуш никогда не спрашивал у пришельца, кто он, откуда и куда держит путь. И если гостю его угрожала опасность, он готов был сам встретить ее, а если надо, умереть» [2.с.112]. И так было, и есть, по сей день. И пусть сгинут злопыхатели, сеющие вражду между братскими народами. В трудные минуты испытаний чеченец всегда находил в ингуше брата, а ингуш в чеченце.

Зелимхан по природе своей был наделен способностями, которые, родись он в другой обстановке, могли бы сослужить ему немалую службу и принести успех в жизни. Он обладал блестящим талантом военного стратега. Жаль, что судьба так распорядилась и фактически отняла у него полноценную жизнь. А ведь у него есть семья - любимая жена, дети. Особо стоит отметить его жену – Бици. Они познакомились на вечеринке, когда обоим было по восемнадцать лет, и там же поняли, что созданы друг для друга. Бици была не только красивой, но и умной, сдержанной, выносливой, а главное, она понимала мужа, никогда не доставала его ненужными расспросами, никогда ни в чем не укоряла. Когда произошли события, связанные с похищением Зезаг, когда произошло первое убийство и страх за судьбу мужа, за их дальнейшее существование, а затем эти страхи подтвердились, - Бици приняла ситуацию спокойно, как должно преданной жене. Вот как М. Мамакаев пишет о состоянии Бици в первое время:

«Она только что пришла от своих родителей, где ей пришлось выслушать много советов и упреков. Все, что говорили ей там, было правдой: да, ей тяжело, путь, на который встал Зелимхан, не сулит ничего хорошего, да, он несет ей и семье только разорение и смерть. Ей нет еще и тридцати лет, а она уже выглядит старухой – поседела, на лбу и под глазами пролегли морщины. Она, вконец, извелась в этих мытарствах, больна, часто хватается за сердце, покашливает. Но ей некогда думать о своем сердце. В нем

единственная цель – обеспечить, насколько возможно, покой и уют для Зелимхана. И она умудрялась добиваться этого своим невозмутимым спокойствием, способностью ни словом не обмолвиться о невосполнимых нуждах семьи. И, может быть, только эта сосредоточенная твердость Бици, ее неизменная вера в то, что ее муж еще вернется к мирной жизни, облегчали тягостное настроение Зелимхана [5.с.114-115].

Мужество и стойкость, с которыми она восприняла смерть мужа и последующие ее действия невозможно передать обычными словами. Ком в горле застревает, когда слушаешь младшую дочь Зелимхана –Энисат, об этих тяжелых для них, траурных днях. Вот что она рассказывает:

- Мы находились в Грозном, на квартире. Мать болела, у ней была жестокая лихорадка. Болел желтухой и наш брат Умар-Али. Как-то я попросила мать дать мне денег, чтобы купить семечек.

-Конечно, дам,- кивнула моя мать и, вытащив из- под подушки деньги, протянула мне. Я вышла на улицу и отправилась покупать эти самые семечки. Вдруг ко мне подошли три чеченских мальчика и сказали:

- Вот ты сейчас играешь здесь, а твой отец мертвый лежит в Шаях.

Я возразила:

- Нет. Мой отец не лежит в Шаях. И вообще они его никогда не найдут.

Однако я забеспокоилась и, придя к матери, поведала ей о том, что мне сказали мальчики.

- Неправда все это – категорически произнесла мать - Ваш отец жив.

Но, к сожалению, страшная весть оказалась правдой. Вскоре пришел пристав, который приказал матери быстро собираться.

- Поедешь в Шали опознавать тело своего мужа, - пояснил он растерявшейся матери. Однако моя мать не была в состоянии ехать, ее лихорадило.

-Я не могу ехать – сказала она об этом прямо. - Мой сын и я очень больны.

Но пристав, решив, что мать хитрит, не поверил ей. Он вызвал врача, который подтвердил болезнь матери и моего брата Умар - Али. Доктор оказался человечным, он дал обоим лекарство и потребовал их не беспокоить.

В Шали отправились Зезаг, Магомед и Меди. А там уже собралось множество народа. Мертвое тело нашего отца лежало на площади, на земле. Зезаг узнала его по ногам, о чем и сказала властям. Тотчас ее подтверждение задокументировали, затем все начали фотографироваться рядом с телом моего отца, которое позже положили в яму, немного присыпав землей.

А мы тем временем, вернулись домой. Мать спросила:

- Что? Ответьте, это правда?

Мы грустно подтвердили:

-Да, все оказалось правдой. Наш отец лежит сейчас в яме.

И тогда мать воскликнула:

-Клянусь Аллахом, он не будет лежать там, на радость врагам. А ну, быстро, Зезаг, достань где-нибудь фаэтон. А я возьму Меди в качестве толмача и отправлюсь к полковнику.

И вот, несмотря на свое тяжелое состояние, мать поехала к полковнику. Однако, тот не стал ее и слушать, сказав, что не имеет таких полномочий, и предложил матери ехать во Владикавказ за разрешением на выдачу тела.

Делать было нечего. Мать с Меди отправились на вокзал, чтобы напрямик оттуда выехать во Владикавказ. Но и здесь их постигла неудача - тот, к которому они направились, оказался в командировке. На месте находился лишь его заместитель - генерал-майор Степанов, а также жена, которая и вышла на зов.

Мать, едва стоявшая на ногах, от бившей ее лихорадки, сказала:

-Я знаю, вы не видели от него ничего хорошего, но теперь он мертв, и никому не может угрожать. Прошу вас, выдайте нам его тело и позвольте похоронить по-человечески.

Жена генерала ответила, что мужа сейчас нет, она предложила им переночевать, а утром решить этот вопрос. Но Бици отказалась:

-Я не могу - ответила ей моя мать,- Так как сейчас больна. К тому же и дома у меня лежит больной сын. Я должна ехать обратно.

И она с Меди вернулась обратно в Грозный. Зато в Грозном ее уже ждал полковник, который дал ей, наконец, желанное разрешение. Это жена генерала постаралась, спасибо ей, видимо пожалела она мою мать.

А мать начала готовиться. Она взяла с собой одеяло, войлочное покрывало, подушку, купила мешок с хлебом и поехала в Шали. Там на базаре еще купила барана для жертвоприношения.

На площади собралось очень много людей, каждый старался хоть чем-то помочь. Матери предложили дом, где она смогла бы провести похороны, но она отказалась проводить обряд под чужой крышей, и заявила, что проведет его здесь, под открытым небом. Об одном попросила моя мать- чтобы мужчины, обмывавшие тело Зелимхана, дали ей возможность посмотреть на него в последний раз, перед тем как его предадут земле. Но люди видели, что она больна, с трудом передвигается, и это станет для нее смертельным потрясением. Тем более, что лицо отца было изуродовано пулями. И они отказались.

- Ну, ничего, что теперь делать – просто ответила моя мать.

Отца похоронили на шалинском кладбище. Мать купила памятник - чурт, попросила установить его на могиле отца. Затем сварили того самого

барана, накормили всех участников похорон. После того, как все религиозные обряды завершились, мы с матерью вернулись в Грозный, где нам был выделен угол. Мы жили в небольшой комнате. А по соседству расположились всадники Дагестанского конного полка. Неожиданно послышались звуки зурны, барабана, веселый смех и хлопки изрядно выпивших мужчин. Там шел настоящий ловзар - танцы. Мы не знали, что и думать. В этот момент к нам заглянул один из всадников и нагло заявил:

- Пусть дочь Зелимхана Меди с нами станцует.

Мать побелела от гнева, но все же спокойно попыталась его урезонить:

- Моя дочь еще мала, чтобы танцевать.

Но пьяный мужчина не унимался, и тогда мать произнесла следующее:

- Я могу с вами танцевать! А ну, выходи, кто из вас хорошо танцует!

Мужчина опешил, не ожидал такого от женщины, растерялся и поспешно вышел. Музыка смолкла, и они ушли [3].

Думается, стоит сказать и об отце Зелимхана - Гушмазуко. Как мы ранее говорили, тот был заложником своих собственных представлений о чести. Для него была непостижимой и недопустимой сама мысль о том, что его и членов его семьи кто-то посмеет задеть, назвав трусом. И вот из-за этого он готов был пойти на убийства и прочие преступления, готов был пожертвовать и собой, и сыновьями, и всей своей мирной жизнью, лишь бы показать и доказать, что в его жилах течет кровь его славных, героических предков. Этому он и учил своих сыновей, даже иной раз, не считаясь с их мнением. Нельзя сказать, что Гушмазуко был кровожадным или деспотичным, или патологическим убийцей, не представлявшим своей жизни без жертв - вовсе нет, он просто был воспитан в таких традициях, когда не так страшна смерть, как презрение общества. И дети не перечили ему, хотя порой, возможно, и не разделяли его взглядов. Вот слова самого Зелимхана: «Стараясь не возражать ему, я делаю немало такого, чего не следовало бы» [5.с.115].

В этой последней фразе, которую писатель М. Мамакаев вложил в уста своего героя, фактически заложена формула нашего сегодняшнего бытия. Мы сами того не подозревая, в течение жизни являемся чьими-то заложниками, и позволяем манипулировать собой, позволяем втягивать себя в игры, правила которых мы не знаем, находясь в плену мнимых, а то и ложных представлений о долге, чести, и своей ответственности перед чем-то. Именно такие манипуляторы, игравшие на чувствах, и при том самых благородных, раздули пожар российско-чеченского конфликта, толкнув честных и чистых мальчишек на верную гибель. Прежде чем решаться на

действия, кажущиеся на первый взгляд правильными, следует задуматься: а стоит ли все это тепла родного очага, слез матери, жены и детей. Задуматься и понять главное – нет дорожке на земле своей родины и семьи. Ради них, ради их защиты, конечно, надо идти на все, но и ради них же стоит иной раз остановиться и подумать, прежде чем совершать опрометчивый поступок. Ведь самое сильное чувство на земле - это чувство сожаления, чувство тоски по безвозвратно утраченному.

Абрек Зелимхан не искал для себя этого пути, он вынужден был принять его в силу роковых обстоятельств. И всегда сожалел, что нет дороги назад, домой.

Использованная литература:

1. Багаев М.Х. Доблесть, мужество и честь абрека Зелимхана. (Книга
3. Бибулатова «Рыцарь чести»)//Вестник института развития образования, Выпуск15,Грозный.2016,с.169-174
2. Базоркин И. Из тьмы веков, собр. соч., т.2,-Магас,2001.
3. Вспоминают дочери абрека Зелимхана ч.5
4. Гудаев Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы - Грозный,2017,893 с.
5. Мамакаев М.А. Зелимхан, Грозный,1971,274с.

10. «Выстрел сквозь века», х/м, 60x70, 2014 г.

«Макажой», х/м, 40x40, 2018 г.

К картине «Выстрел сквозь века»

В том старом парке в центре Ведено
По-прежнему шумят весной деревья.
Как много рассказать им суждено
В минуты тихой грусти иль веселья

Они расскажут о минувших днях
О том, как проходили здесь ученья,
Поведают о выстрелах, боях,
О победителях и жертвах пораженья.

Как жестко тут карьеру начинал
Душитель горцев господин Галаев,
И как его не раз предупреждал
В своих посланиях абрек Гушмазукаев

-Полковник, слушай, будь благоразумен,
Не мучь несчастных женщин и детей.
Ведь не настолько ты сейчас безумен,
Чтоб рисковать так головой своей!

В письмо абрек вложил не столь угрозу,
Сколь пожелание быть чуточку добрей.
Но почему-то встал Галаев в позу.
-Молчи, абрек! Что делать – мне видней.

-Коль так, то будет разговор короткий-
Ты подписал свой смертный приговор!
И вот который день глаз Зелимхана зоркий
Выслеживал момент, чтобы закончить спор.

И он настал. Был день погожий, чистый.
Веденский парк весь утопал в цветах,
Здесь лип, акаций аромат душистый
Пленял, надолго унося в мечтах!

Как беззаботно выглядел полковник,
С друзьями весело болтал о пустяках,
-Эй, слышишь! Ты почти покойник!
Уж лучше вспомни о несчастных бедняках

Ведь это ты безжалостно, бесчестно

Ссылал невинных толпами в Сибирь,
Неужто было офицеру лестно,
Осознавать, что он детей губил?

И вот теперь за эти злодеянья
В веденском парке в ясный летний день
Тебя настигнет божье наказание -
Уже вдали мелькнула чья-то тень!

Той тенью был абрек Гушмазукаев.
Он твердою рукой уж наводил прицел
Еще секунда! Выстрел! Пал Галаев.
Бесславно умереть – таков его удел.

А выстрел этот пережил века,
Звучит он эхом в песнях и легендах,
Народ не забывает имени стрелка,
Он с ним всегда и в радостях и бедах.

Столкновения и конфликты с царской администрацией были постоянными сопутствующими явлениями в жизни чеченцев. Прибывшие служить на Кавказ, в частности, в Чечню, офицеры или военнослужащие царской армии считали своим основным долгом и обязанностью жестко подавлять любые недовольства и попытки горцев хоть как-то защитить свои права. По сути,- и это бессмысленно отрицать,- холеные российские офицеры, еще вчера щеголявшие роскошными мундирами в петербургском высшем обществе, сегодня, очутившись в этом каменном мешке с первобытными традициями, видели в горцах бесправное стадо. И народ отвечал на это только одним – ненавистью. Веденский округ на тот момент был совсем недавно создан и являлся новой административной единицей на карте Терской области. Он выделился из Грозненского округа в 1906 году в связи с начавшейся революцией, в целях более эффективной борьбы с ней и абречеством. Первым начальником его стал войсковой старшина (подполковник) И. А. Ханжалов. Затем служба Добровольского. Она здесь совпала с началом реакции в стране. Выполняя строгие предписания этой поры сверху, он, уже опытный администратор, действовал жестко и снискал себе недобрую славу в народе [5.с.267].

Чтобы держать под постоянным прицелом свободолюбивых горцев, быть всегда в курсе того, какие настроения их в данный момент обуревают,

военными в центре Ведено была сооружена крепость по всем правилам подобных оборонительных сооружений. Как положено любой такой крепости, она было снабжена немалым количеством пушек, которые для пушного устрашения были направлены в сторону местного населения.

Под жерлами пушек протекала полунищенская и полная тревог жизнь бесправного и постоянно обираемого, неграмотного и запуганного местного населения, ничего не вызывающего, кроме сочувствия и жалости. Твердыня Ведено была грозным предупреждением для всего окружающего мира и особенно тех, кто мог бы посягнуть на установленный правопорядок [5. с.268] .

Веденский округ был одним из самых беспокойных и криминогенных мест Чечни, так часто пишет Ю.В.Хоруев. А раз так, то, по словам историка, Добровольский вынужден поступать соответственно обстановке. Что же, по мнению Ю.В.Хоруева, являлось действиями по обстановке? Естественно, жесткое пресечение всякой вольницы, ограничение свободы передвижения, постоянные проверки, обыски на дорогах и постах. В качестве крайних мер были экзекуции, постой военных отрядов в селах. Карательные экзекуции, проводившиеся специально для устрашения населения, осуществлялись войсковым контингентом [3. с.96]. Особенно ненавистны были горцам долгосрочные постой в качестве наказания, так как военные полностью опустошали и без того их скудные припасы. Полковник Добровольский использовал эту систему постоев особенно рьяно. В своем рвении он пристально следил за аулом Харачой как за самым неблагонадежным, считая его «кузницей» абреков. Подозревая в абречестве семью Гушмазукаевых, Добровольский не спускал с них глаз. И в том он не ошибался. «Зелимхан - звер, Гушмазуко - двадцать раз звер!», - говорит о себе Гушмазуко Бехоев. Гушмазуко готов всех Элсановых убить! И даже женщин, в том числе и свою вторую жену Бельгас, не будь она матерью его младшего сына Бийсултана. Потому что она тоже Элсанова, из тех, которые стали их кровниками.

Конечно, Гушмазуко-абрека не сравнить с Зелимханом. Это обычное на Кавказе почитание старших, тем более отца. На самом деле Зелимхан как абрек превосходил не только отца, но и всех других самых известных. Он был абреком абреков [5.с. 267].

Об этом феномене кавказского бытия мы уже говорили и останавливались на его причинах довольно подробно. Сейчас речь пойдет о самом значительном эпизоде из жизни абрека Зелимхана – о выстреле в веденском парке.

«Выстрел сквозь века». Именно так назвал свою по счету десятую картину художник З.Аласханов, которая входит в его специальный цикл, посвященный 100-летию со дня гибели (27 сентября 1913 года) абрека. На картине абрек Зелимхан долго выслеживает свою жертву, прежде чем нажать на курок. Для прицельной стрельбы абрек опустился на колено. Он необычайно спокоен, уверен в себе. Для удобства он бросил на траву папаху. Несмотря на отсутствие драматической остроты в сюжете, стрелок, заполнивший своей профильной фигурой внушительную часть пространства холста, передает нам мощную энергетику своего состояния. Достоверным фактом является то, что Зелимхан был непревзойденным стрелком, о его снайперских выстрелах слагали легенды. Его виртуозное владение стрелковым оружием не раз спасало в самых критических ситуациях. Умение эффективно использовать топографию местности, время суток, неожиданность действия и отвагу, делали его неуловимым и неуязвимым. Его внезапное появление наводило ужас и трепет на врагов. Его поистине мистическая неуловимость объясняется тем, что он был любим и уважаем в народе и повсеместно встречал его поддержку и заботу. Как и в других сюжетах, художник показывает своего героя на фоне природы – прекрасных лесистых гор, написанных ультрамарином. Сочная зелень альпийского луга, расположенного значительно ближе к фигуре человека, удачно контрастирует с фиолетовым оттенком черкески. При внимательном изучении картины, вдруг обнаруживается маленький сельский домик, одиноко белеющий у подошвы, круто уходящего вверх луга. Важно еще и то, что художник на картине воспроизводит подлинное место, откуда был произведен выстрел. Название произведения подводит нас к мысли о том, что эхо всякого выстрела имеет привычку отзываться спустя времена.

Здесь на картине, долгое противостояние между полковником В. Галаевым и Зелимханом идет к своему логическому завершению.

Что же предшествовало этому противостоянию? Чем так не угодил полковник абреку, и почему абрек поднял на него оружие? Ведь он прекрасно осознавал, чем это может грозить односельчанам, семье, наконец. Знал также, что это вызовет резонанс в обществе, что его усиленно будут искать, устроят очередные облавы и экзекуции. Так почему же это произошло?

Вначале посмотрим кто же такой В.С.Галаев, каков его послужной список. Итак, Василий Савельевич Галаев, уроженец станицы Чернойрской, Владикавказского округа родился 1 марта 1860 года. Окончил Владикавказское реальное училище и Ставропольское казачье юнкерское

училище по первому разряду. Участник русско-турецкой и японской войн. Служил в 1-ом Владикавказском полку. Награжден Георгиевским крестом 4 степени (1878). Офицер с 3 декабря 1880 года. Подъесаул с 30 декабря 1886. 9 марта 1906 г. Галаев произведен в полковники. Со 2 июня 1906 г. - начальник Веденского округа Терской области [4..с.617].

Как мы можем из всего этого видеть, пред нами опытный, прошедший войны, кадровый офицер со своими понятиями о чести и воинском долге.

Еще в конце XIX века для искоренения абречества, царская администрация стала использовать такие методы, как арест и высылка семей абреков. Занявший пост начальника Веденского округа после смерти Добровольского В.Галаев, начал использовать те же методы. Мы уже приводили соответствующую цитату из книги Дзахо Гатуева - первого автора о Зелимхане. Приведем ее еще раз: «Ссылки предшествующих администраторов не давали желанного результата. Ссылные возвращались и пополняли абреческие кадры. Чтобы уничтожить тоску по родине, по семье, Галаев начал выселять с семьями. Каждой высылке предшествовал арест, и тюрьмы пополнялись преступниками от грудного и до старческого возраста» [1.с.60-61].

Интересную характеристику дает полковнику и писатель М.Мамакаев:

«Никакой пощады этим азиатам! – кричал азиат в русском офицерском мундире – полковник Гулаев - Я хорошо знаю этих мерзавцев, плетку и пулю - вот все что им следует дать.

И опять начал ссылать и казнить невинных людей как «сподвижников Зелимхана». А в своих донесениях он писал: «Все грабежи и убийства во вверенном мне крае совершает разбойник Зелимхан». Просил расширить его чрезвычайные полномочия в округе» [4. с. 155].

«То, что Зелимхан до сих пор жив, начальник Веденского округа рассматривал как особую вину чеченцев.

-Надули меня подлецы, но я заставлю вас плакать - грозился Гулаев.

Он арестовал десяток семей, которые хоть как-то были связаны с Зелимханом, и всех сослал в Иркутскую губернию. Затем посадил в тюрьму дышни-веденского абрека Мехки, который уже давно вернулся к мирной жизни» [4. с.155]. Вот так М.Мамакаев. А М.Мамакаеву можно верить, так как он писал на подлинном материале, встречаясь с теми, кто лично знал, встречался, кому довелось общаться с абреком Зелимханом. Книга его написана в далекие 60-е годы XX века и явилась настоящим открытием для чеченцев. Не одно поколение чеченцев выросло на этой книге, которая

учила их быть патриотами, гордиться своими героями, быть непримиримыми ко всем проявлениям несправедливости.

Очень любопытна трактовка личности В. Галаева с последующим его убийством Зелимханом и у А.Авторханова:

«Вместо убитого Добровольского появился новый начальник округа «свой» горец, полковник Галаев,- пишет известный политолог, - Галаев думал, что Добровольский погиб из-за своей интеллигентской мягкотелости. Кроме того, Добровольский - русский - не знал психологии чеченцев и поэтому не сумел проучить их, как следует. Галаев во всеуслышание заявлял, что он всю Чечню согнет в бараний рог. Писатель Д.Гатуев рассказывает: «Галаев свирепствовал, Галаев сам горец из казаков моздокских. Как горец, Галаев подошел к корню вопроса. Родовой быт и существовавшее в нем право и мораль решил уничтожить действием административным. Всех так или иначе заподозренных в сношениях с Зелимханом он ссылал или в Россию, или в Сибирь. Ссылал Галаев беспощадно». Одним словом, свой горец Галаев оказался хуже русского Добровольского. Добровольский, хотя был сущим дьяволом, но он все же не ссылал чеченцев семьями или целыми родами, как это делает теперь Галаев. Зелимхан решил сообщить Галаеву, что с ним он покончит еще быстрее, чем с Добровольским, если он не прекратит массовые ссылки людей. Если же он одумается, то оставит его в покое. Зелимхан прибег к своему обычному методу «коммуникации» - написал Галаеву письмо на чеченском языке арабским шрифтом [2.с.99].

Письма Зелимхана В. Галаеву с предупреждениями заслуживают отдельного разговора, но в данном случае, мы не будем подробно останавливаться на них.

Вообще- то, для Зелимхана было характерно писать письма. Таким путем он вступал в контакт с внешним миром, и не столько как таковым, сколько с теми, кому предъявлял свои счета и требования.

«Эй, полковник, ты знаешь, что я сделал с Добровольским. Я тебе говорю, чтобы ты освободил всех заключенных людей, которые совсем невиновны. За неисполнение этого с тобой, гяуром, что будет, смотри на другой странице. Я тебе дам запомнить себя. Губить людей незаконными действиями из-за себя я не позволю тебе, гяур, раз я говорю «не позволю», значит это правда» - так писал Зелимхан в одном из своих писем [2. с.196].

Любопытно, что историк Ю.В. Хоруев подвергает эти письма Зелимхана некоторому сомнению. Вернее не сами письма, а заявления абрека. Что же не устраивает дотошного историка? Ответ можно найти у самого Ю.В.Хоруева

«... Его заявления и вызовы на единоборство больше были проявлением бравады. Тем более что эти вызовы писались другими, известными в Чечне и более грамотными, чем он, людьми, которые, несомненно, разносили их и делали достоянием всего народа. На это и были направлены помыслы абрека, чтобы лишний раз донести до соплеменников, что он есть «Зелимхан, решающий народные дела», как писал в письме полковнику Галаеву. На деле же это был самый банальный расчет, чтобы представиться людям как их самоотверженный и смелый защитник, из-за которого они так много невзгод терпят от администрации.

Когда один другого упрекает в трусости, а себя выставляет героем, лучшим доказательством того, что и кто он есть, как уже было сказано, является дуэль, открытый честный поединок двух непримиримых противников, а не коварный выстрел из-за кустов. На такую дуэль Зелимхан, по настоящему, не приглашал никого из своих врагов. Все убитые им представители власти, окружные начальники, были застигнуты врасплох или поражены вероломно с невидимого расстояния, заранее выследив жертву [5.с.279]

Здесь несколько лукавит Ю.В.Хоруев. И лукавит в пользу Галаева. Он пытается представить В.Галаева заслуженным воином, прошедшим войны, находящимся на службе царя и выполняющим приказы по наведению порядка. А какой был там порядок на самом деле? Историк Ю.В.Хоруев, наверняка, прекрасно осведомлен о существовавших там порядках: казнокрадство, взяточничество и вымогательство. Издевались, как могли, над бедняками, получив от царя неограниченные права и полномочия. И лучшие земли отбирали у горцев, отдавая их казакам, и выпасы сокращали, и в торговле ограничивали, и огромными штрафами облагали. И куда же тогда, говоря известными словами, было податься крестьянину? Разве что в абреки. Как правильно сказал А.Шерипов «власть терроризировала народ, а абреки терроризировали власть»[2.с.9]. Лучше сказать просто невозможно. Какие дуэли с душителями? Они травили, душили, унижали чеченский народ, ни во что их не ставили. Какие могли быть с ними дуэли? Только методы устрашения и устранения. К тому же дуэли предполагаются между равными по социальному положению людьми. А считал ли Галаев Зелимхана равным себе? Смешно утверждать и думать, что Галаев вышел бы стреляться с Зелимханом. Даже если б на такой шаг согласился б Зелимхан, вряд ли Галаев стал бы выставлять себя в роли мишени перед каким-то разбойником.

Что же касается смелости и меткости абрека, то в ней никто не сомневался.

В народе бытует одна из множеств баек об этом. Однажды у Зелимхана спросили: «Ты очень метко стреляешь, а сможешь попасть вон в ту птичку?» Птичка сидела довольно далеко, на что Зелимхан ответил: «Если срок predeterminedный Всевышним этой птички не закончился, то я в нее попасть не могу, а вы скажете, что мои пули блуждают, а вот в ветку, на которой она сидит, я попаду». И выстрелом срубил эту ветку, в которую попасть было куда труднее, чем в птичку. Вот так стрелял Зелимхан.

Для чего мы вспомнили об этой байке? Дело в том, что находятся авторы, которые пытаются принизить абрека, упрекнув его в банальном бахвальстве, за которым нет подлинной правды.

Так и Ю.В.Хоруев. Вроде бы историк позитивно пишет о Зелимхане. Например, говорит, что Зелимхану не откажешь в мужестве и смелости. И тут же не без ложки дегтя, мол, его заявления и вызовы на единоборство больше были проявлением бравады [5.с.279].

К тому же далее Ю.В.Хоруев обвиняет в вероломстве Зелимхана, а это уже серьезно. «Все убитые им представители власти, окружные начальники, были застигнуты врасплох или поражены вероломно с невидимого расстояния, заранее выследив жертву»- пишет историк [5.с.279]. Эти «жертвы» вели себя «сущими дьяволами» в отношении беззащитных женщин и стариков. А как же власти поступили в отношении Саланбека Гороводжева? Тот согласился сдать властям в обмен не на жизнь, вовсе нет. Он попросил властей расстрелять его, а не повесить, так как Гороводжев считал подобную смерть для мужчины унижительной. Власти торжественно пообещали, тот поверил, сдался, и что же? Повесили. Вероломство налицо. В.Галаев, как уже отмечалось, не церемонился с горцами. А при выборе наказания придерживался крайних мер. Странно, что Галаев, выросший на Кавказе, так и не понял, как правильно себя надобно вести с горцами. И замашки держиморды здесь не могли пройти. Не Зелимхан, так другой обязательно нашелся б, чтобы усмирить воинствующий пыл полковника. Кстати сказать, многие нынешние военные в недавних чеченских кампаниях вели себя точно так же, как Галаевы, Добровольские и иже с ним и подобные. Что же касается вероломности действий Зелимхана, то это спорный вопрос. Ведь были письма с предупреждениями? Были. Полковник был поставлен в известность о намерениях Зелимхана? Был. Тот же прямо сказал – убьет. Полковник Галаев пренебрег заявлением, не посчитался возможностью такого для себя конца, собственно, не поверил в происходящее. Он лишь сильнее начал закручивать гайки, вместо того чтобы пойти на какие-то уступки, проявить дипломатию в конце концов.

Убийство полковника Галаева произошло в погожий летний день 1908 года в парке крепости Ведено.

В крепости Ведено был старый с вековыми деревьями и ухоженными дорожками и скамеечками парк. Он заканчивался крутым обрывом, где по дну оврага вился ручей. К нему вела крытая стеклянная галерея. За обрывом, кругом огороженным колючей проволокой, на другом его берегу виднелся густой кустарник, а за ним начинался благоухавший цветами бескрайний луг. Административное здание управления находилось рядом с парком, и начальник округа имел привычку до работы и после нее прогуляться по его тенистым аллеям, часто присаживался на скамейку и любовался открывающейся чудесной панорамой. Убежденный в недостижимости и безопасности места, Галаев в то злополучное утро не изменил своему правилу и заглянул в парк, как всегда почти безлюдный и с несмолкающим птичьим гомоном. Зелимхан уже поджидал его, притаившись в кустарниках. Выждал, когда наступит удобный, беспроигрышный момент, и выстрелил. Пуля угодила прямо в голову.

Первое телеграфное сообщение в областное правление о случившемся сделал 8 июня 1908 года подполковник Петропавловский. Он также передал по телеграфу, что пострадавшая семья без всяких средств и необходима срочная помощь [5.с.272].

Очень поэтично описал убийство Галаева С. Бердяев, также служивший в свое время на Кавказе, но после революции 1917года, эмигрировавший за границу. Однако день смерти он обозначил не летним, а майским днем, и даже уточняет дату – 9 мая.

«На крутом правом берегу Хулхулау, в небольшом домике, жил старший помощник Галаева, подполковник Петропавловский - старый холостяк. Ежедневно, в 12 часов дня, Галаев и Петропавловский на один - два часа прерывали свои занятия в окружном управлении и шли на кофе к Петропавловскому. Зелимхану это стало известно от его близких, следивших за жизнью Галаева, а может быть предатель и служил в конвое его. День 9 мая, который Зелимхан избрал для убийства Галаева, как то не гармонировал с жестоким злодеянием. Стояла тихая солнечная погода. Веденский парк был в полном расцвете своих великолепных лип и акаций, разносивших аромат до самой церкви, где бегали русские дети-босоножки. Как то особенно оживленно щебетали горские пташки, греясь под лучами ласкового солнца; даже Хулхулау не торопилась нести свои воды Аргуну. Казалось, что и она хотела обогреть свои холодные волны лучами игривого солнца. Вся природа ликовала в своей красоте и величии. Все жило, все в природе хотело жить.

Все было как то в природе умильно в этот день. Никто не мог подумать, что на противоположном лесном берегу красивой Хулхулау Галаев приговорен к смерти [2. с.91].

В этих двух приведенных цитатах есть одна недоговоренность - Зелимхан убил полковника со второго раза. Первый выстрел абрек сделал как предупреждение Галаеву. У того не хватило соображения (впрочем и времени тоже если быть честными до конца) хоть как то обезопасить себя.

Именно так пишет и М.Мамакаев о последних минутах жизни Галаева. «Полковник обычно выходил сюда отдохнуть. Он садился на самую крайнюю скамью и смотрел на зеркально чистые воды Хулхулау, на дальние леса и горы, над которыми ему еще предстояло укрепить свою власть. Вот и сегодня этот вершитель судеб тысяч чеченцев, с сознанием своей власти над здешними людьми, пришел сюда. Пришел, чтобы после сытного завтрака немного погулять, прежде чем идти в душный кабинет своего управления.

«Внезапно раздался выстрел. Полковник быстро поднял голову и спросил:

-Что это? Не с нами ли играют эти шутки?- и, улыбнувшись, обернулся на выстрел.

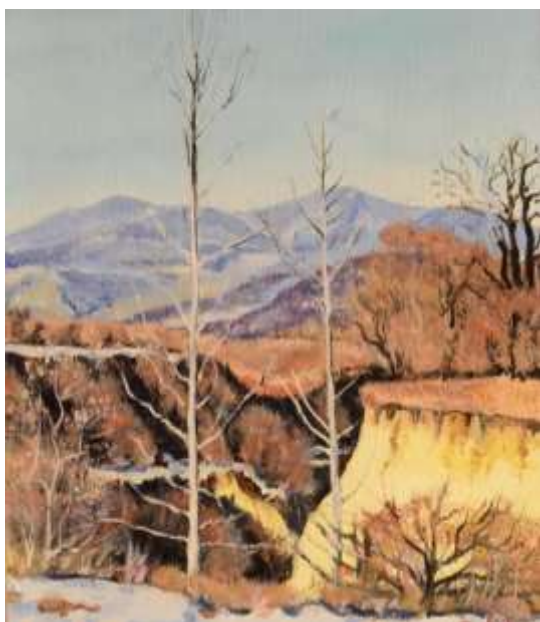
Раздался второй выстрел, и пуля угодила полковнику в висок» [4.с.158-159].

Ну, что ж, он погиб от пули как военный. И не нужно пытаться его выбелить и очистить. Чистому человеку, как говорится, никакая грязь не страшна. А человек, запятнавший себя неблагоприятными деяниями, не отмоеся никогда. Это останется навечно. Галаев сам подписал себе смертный приговор. Он вел себя как бесчувственный и безжалостный солдафон - грубыми методами пытался решить острые проблемы деликатного национального вопроса. По сути, этот вопрос не решен и по сей день.

Использованная литература:

1. Гатуев Д. Зелимхан, Орджоникидзе,1965
2. Гудаев Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы - Грозный,2017,893 с.
3. Джабиров И.Х. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян, Грозный.2016,448 с.
4. Мамакаев М.А. Зелимхан, Грозный,1971,274с.
5. Хоруев Ю.В. Абреки на Кавказе Владикавказ,2011,510с.

11. «Закат», х/м, 50х60, 2014 г.

«Вдали Эртина», х/м, 40х30, 2017 г.

К картине «Закат»

Застывший взгляд куда ты устремил?
Возможно, глядя на лучи заката,
Ты вспоминаешь мысленно как жил,
Как ненавидел, мучился, любил.
И дерзкий привкус первого захвата
Сейчас, быть может, по-иному ощутил.

А за спиной твоей – родной аул,
Гора взметнулась, к ночи розовея.
Все стихло. Только в голове зловещий гул,
И он зовет над бездной черной рея.
Судьба порою к нам бывает зла.
И вводит беспрестанно в искушенья.
Крепись абрек. К концу идет игра.
Осталось ждать последнего сраженья.

Государственное и политическое устройство Северного Кавказа проходило в трудных условиях. К тому же здесь присутствовал и такой фактор как длительность проведения реформ. Местное население абсолютно не понимало целей царских наместников в отношении административного управления и устройства. Горцам с его первобытным патриархальным укладом было чуждо само упоминание российского законодательства взамен собственных вековых адатов. Отсюда постоянное противостояние и противоречия коренного населения с властями. Отсюда, как правило, уход в абреки. Самым известным абреком в России оставался Зелимхан Харачоевский, доставлявший царским властям чрезвычайные беспокойства и проблемы.

Вот уже около десяти лет сражается герой-одиночка Зелимхан с царизмом. За это время много воды утекло в горных реках, много бед навалилось на жителей его родного Харачоя, много несчастий обрушилось и на его голову. Он потерял отца, братьев, ближайших друзей. Постепенно приходит и сам к пониманию своего скорого и трагического конца. Художник З.Аласханов особенно близко воспринимает боль и трагедию Зелимхана. На его полотнах Зелимхан не только бесстрашный и неуловимый абрек - этакий мексиканский Зорро, защитник обездоленных и угнетенных,

но в первую очередь человек со своими страстями, переживаниями, бедами, гнетущим чувством одиночества и скорого неминуемого конца. Неслучайно, одна из картин его знаменитого цикла, так и называется «Закат». Это полотно особо значимо для художника. Он показал переломный момент в абреческой судьбе Зелимхана, весь его трагизм отчетливо проступает во взгляде самого героя.

Надо отметить, что талант З.Аласханова весьма заметно проявился в его портретном искусстве, щедро раскрывающем характеры людей и запечатлевающим моменты их эмоционального состояния.

Не является исключением картина «Закат». Художник применил очень неожиданный творческий прием, он изобразил абрека в мохнатой темной папахе по плечи вросшего в бурю почву горного склона. Единение человека с ландшафтом настолько гармонично, что не сразу обнаруживается уникальность состояния. После ряда реалистических повествований, художник З. Аласханов неожиданно погружает зрителя в сюрреализм. Эффект усиливается также и минимализмом стаффажных объектов: розовеющей в лучах заходящего солнца горы и скромно выглядывающей из-за бугра крыши одинокой избы.

Небо очень условно, его графичность вновь обескураживает и настораживает зрителя. Заданная художником визуальная шарада, вовсе не призвана сбить с толку. Она последовательно ведет от иррационального толкования к рациональному, от частного случая к общему.

Человек необычной судьбы Зелимхан, врос корнями в родную землю. Это ли не верное толкование аллегии и выразительное олицетворение истинного сына Отечества? Его полный благородства взор обращен к заходящему солнцу. Возможно, он обнаруживает сходство между солнечным закатом и закатом своего бытия.

Однако все еще далеко за пределами Чечни гремит имя неустрашимого Зелимхана Гушмазукаева - борца с царским произволом, с жестокостью властей на Кавказе, всегда низводящих коренных жителей – горцев до положения дикарей. На его счету немало громких разбойничьих дел, немало дерзких налетов и ограблений. Но он, по словам профессора М.Х.Багаева, никогда не покушался на добро жителей станиц, сел и городов, а враждовал только со своими кровниками, а также с царской армией и администрацией.

В начале ушедшего века, на закате царской Российской империи, почти все СМИ пестрели крупными и броскими заголовками статей о чеченском неуловимом абреке [1.с.170]. Прав М.Х.Багаев, когда говорит о закате царизма, но постепенно закатывалась и слава абрека Зелимхана.

Вообще то, исследователей, да и просто обычных людей всегда удивлял долгий срок, длительность Зелимхана на поприще абречества. Одни угадывали в этом Божье знамение, другие руководствовались невероятной удачей и осторожностью абрека, третьи видели в том военный талант абрека, позволяющий ему всегда невредимым выходить из боев, а многие отмечали как немаловажное значение, отменное здоровье Зелимхана. Последнее объясняется тем, что не каждому удается, живя столько лет в нечеловеческих условиях, сохранять при этом здоровое тело. Находились еще и такие, кто причину столь длительного срока усматривал в том, что у Зелимхана имелась превосходная агентура, которая всегда помогала ему ориентироваться в обстановке. Все эти причины вполне объясняют тот факт, почему оставался в течение тринадцати лет Зелимхан неуловимым для врагов. Однако все же тринадцать лет - это солидный срок, и не только для абрека. За это время у любого человека истощаются силы, ухудшается здоровье, сказываются годы. А для человека находящегося в экстремальных условиях под постоянным прицелом такое давление тяжело вдвойне. Положение Зелимхана усугубилось тем обстоятельством, что власти вознамерились использовать против него религиозный фактор.

«После обращения веденского кадия и шалинского муллы к верующим для многих истинных мусульман харачоевский абрек оказался как бы вне закона,» - пишет в своем романе М.Мамакаев [б.с.246].

Действительно ли духовные лидеры обратились с обращением явно не в пользу Зелимхана, остается под вопросом. Однако, точно известно, что в ноябре 1911года подверглись гонениям и высылке из Чечни и Ингушетии представители высшего духовенства Сугаип Гайсумов, Бамат-Гирей Митаев, Абдул-Азиз Шаптукаев, Батал_Хаджи Белхороев и другие. Это лишь усугубило и без того напряженную ситуацию на Кавказе.

Историк М.Д. Солтамурадов совершенно верно подметил, что Зелимхан, преследуемый царскими войсками, нуждался в поддержке не только простых горцев, но и религиозных авторитетов. В поисках такой поддержки он и обращается к шейху Бамат-Гирею Хаджи, который относился с пониманием к его борьбе с царскими чиновниками [7.с.148].

Каждый свой доа после молитвы Зелимхан завершал словами: «О, Всевышний Аллах, если я задумал что-нибудь несправедливое, то отврати мои мысли и удержи мою руку. Если я задумал дело правое, то укрепи мою волю, сделай глаз мой метким, руку твердой. Прости мне мои грехи, прости грехи всем несчастным, вынужденным идти моей дорогой [2.с.119].

Зелимхан, как истинный мусульманин, периодически посещал могилы святых вместе с богомольцами Веденского округа. Командир 6 сотни ротмистр Доногуев 5 февраля 1913 года сообщает начальнику военного отряда о том, его агентами Зелимхан был замечен в первом участке Веденского округа. Тот же источник сообщает Доногуеву, что Зелимхан «этот месяц непременно посетит гробницу матери Кунта Хаджи, так как богомольцы начали стекаться со всех сторон к упомянутой гробнице для моления, и этот месяц называется месяцем «Мовлед», где производится жертвоприношение по гробнице святых» [8.с.423]. Это прекрасно объясняет и опровергает некоторые мнения о том, что Зелимхан, якобы стал помехой духовенству, и они под любым предлогом хотели от него избавиться. Немаловажное значение имеет и то, что шейх Бамат-Гирей Хаджи отправил своего сына Али в помощь Зелимхану, когда тот готовился к нападению на Кизлярский банк, тем самым показывая свое расположение к абреку.

Однако, постепенно здоровье абрека стало ухудшаться, силы убывали с каждым днем. Он чувствовал себя слабым и больным. Его недугом был ревматизм, полученный им из-за постоянного нахождения в лесу и пещерах при любых погодных условиях. Ревматизм доставлял ему невыносимые страдания. Знакомые удивлялись тому, как Зелимхан при таких невыносимых болях находит силы держаться в седле, а уж о борьбе речь вообще не стояла. Но Зелимхан обладал железной выдержкой и волей. Именно эта воля не давала ему раскисать, хотя он и сам понимал, что нуждается в тщательном и длительном лечении, если желает продолжать начатое дело. Он не хотел, чтобы враги знали о его недуге, и всячески скрывал. При встрече всегда старался держаться невозмутимо и даже беспечно, и только он и еще несколько самых доверенных ему людей понимали, какой ценой достигается эта беспечность.

С искренним сожалением пишет писатель М.Мамакаев о недуге абрека:

«..А Зелимхан тяжело болел. Его постоянно бил жуткий озноб, он никак не мог согреться и мечтал хоть на какое-то время оказаться под знойным солнцем. Там, казалось ему, он обязательно поправится.

Иной раз болезнь доводила его до безумия. «Чем дожить до этого, пусть бы меня лучше сразила молния - мучительно думал он, до крови искусав руки, чтобы не стонать, – Я отомстил за отца. За братьев, товарищей. Но кому я что доказал? Я пытался помочь сиротам и бедным. Но развел еще больше сирот. Эти тяжелые мысли еще сильнее ухудшали его состояние. И вот по совету людей, сведущих в знахарских делах, Зока увез Зелимхана в Ногайские степи к своему знакомому. Здесь абрека поселили в юрте у

ногайца-скотовода, выдав его за крестьянина-охотника, приехавшего на лечение. Ногаец Нури делал все, чтобы облегчить боли своему пациенту.

-Так врачевали наши деды, - говорил он, заворачивая голени харачоевца в горячую шкуру только что снятую с барана, - Я знаю много случаев, когда от этого поправлялись. Нури аккуратно кутал ноги больного в черную шерсть с солью, поил его теплым айраном. В общем, делал все, что делали в таких случаях мудрые предки.

И вот спустя месяц-другой, Зелимхан почувствовал облегчение. Кроме того, здесь он был в безопасности и мог часами лежать, глядя в обширную степь, согретую горячим солнцем. Нури тоже повеселел, обрадованный результатами своего лечения. Он приносил больному воду из колодца. По вечерам рассказывал о жизни и быте ногайцев. И слушая этого доброго человека, Зелимхан понемногу забывал боли, улыбался. Он уже вставал, ходил по юрте, совершал короткие прогулки в степь» [б.с.257-258].

В этом отрывке писатель живописно обрисовал методы лечения ревматизма, которые использовались на Кавказе целителями. Для Зелимхана таким целителем стал ногаец, и это понятно: в силу сложных обстоятельств, абрек вынужден был искать помощи и убежища в ногайских степях ради собственной безопасности. Но дело в том, что такими методами лечения владели, и притом довольно искусно, чеченские целители, или как их называли - лоры. Чеченские исследователи давно изучили методы лечения, которые имелись в арсенале у лоров.

Например, ревматические заболевания чеченские целители лечили, применяя обыкновенное тепло. Это могли быть горячий песок, глина, соль. Как пишет известный еще с времен СССР врач, ученый, государственный и общественный деятель М.Т. Индербиев, «широко применялись при лечении легочных повреждений и заболеваний конечностей курдюки и шкуры только что убитых животных. В шкуры заворачивали в старину рахитичных и гипотрофичных детей. Видимо, тепло только что снятой шкуры, неподвижность и покой конечности, завернутой в нее, способствовали уменьшению боли, завершению воспалительного процесса [5. с. 24].

Лечили, естественно, Зелимхана и чеченские целители, хотя для них это было крайне опасным делом. Царские власти преследовали и карали всех, кто прямо или косвенно оказывал помощь мятежному Зелимхану.

Упомянул о лекарствах, лечивших Зелимхана, и Ю.В.Хоруев. Он пишет, что абреки, как правило, лечились у знахарей, тайно, скрываясь от посторонних глаз. Но у некоторых были и свои люди среди настоящих врачей. Лекарей приходилось излишне беспокоить, доставляя к больному

чаще всего в ночное время, но за безотказность их всегда окружали своим расположением и щедро одаривали [8.с.380].

Болезнь абрека всегда находилась под пристальным вниманием писателя М.Мамакаева, который всей душой сопереживал своему герою, страдал вместе с ним. Ведь в центре его романа выдвинута фигура уникальная, знаковая для чеченской истории [4.с.49].

Нет главы, где бы писатель ни упоминал о его недуге.

М.Мамакаев прекрасно отдает отчет в том, что болезнь ослабит окончательно не только тело, но и дух абрека. А это означало только одно - грядет скорая развязка.

Вот два отрывка:

- « Уже несколько недель знаменитый абрек скрывался в лесу. Жил он теперь словно раненый зверь – больной без крова, без друзей, без родных, готовый из последних сил броситься на нападающих. Тяжелый недуг отнял у него и сильные руки, и ястребиный взор, которым он так зорко прощупывал когда-то ущелья, овраги, леса и поляны [6.с.253].

- «Кибиров насмешливо фыркнул:

- Ну, а как он Зелимхан? Каковы его планы?

- Болен он, мучается от ревматизма, а недавно, как началась весна, его стала бить еще и лихорадка [6.с.251].

Но, не смотря на это существенное обстоятельство, за ходом борьбы с абречеством внимательно следила высшая кавказская администрация и требовала от терской администрации периодической отчетности о проделанной работе [8.с.381].

Надо упомянуть такой важный момент, как агентура. Без нее не обходилось никакое противоборство. В случае лучшей агентуры у одной из сторон, естественно, страдала и оказывалась в безвыигрышном положении другая. Вот и старались привлечь наиболее опытных агентов, хорошо знающих сложные ландшафты, знающих языки, как русский, так и местный. К тому же немаловажную роль играли такие качества как изворотливость, хитрость и даже актерское мастерство агентов. Ведь им нужно было вполне достоверно и убедительно подсунуть ложную информацию противнику.

У каждой из противоборствующих сторон имелась хорошая разведка. У Зелимхана были еще и дезинформаторы, которые при случае наводили преследователей на ложный след. Если сравнивать кого больше: тех, кто симпатизирует Зелимхану, или тех, кто готов сдать его властям, если взять его многочисленных кровников, то первых окажется гораздо больше. И тому немало доказательств. Гибель отца Гушмазуко, брата Солтамурада, а затем и

ранение самого Зелимхана, вызвало у чеченцев чувство глубокого сопереживания [8. с.363-364].

Но у Зелимхана еще было достаточно сил, чтобы продолжать борьбу. Однако операции, проводимые им в последние годы, были не столь успешны и результативны. В 1911 году он предпринял попытку очередной дерзкой вылазки. На этот раз объектом его нападения стала дорожная комиссия, которая должна была провести осмотр шоссейного пути от Хунзаха - это в Дагестане, и оттуда на Ведено и Грозный. Почему вдруг Зелимхана заинтересовала эта комиссия? Здесь существует две версии. По одной версии, Зелимхан хотел захватить одного из членов этой комиссии-инженера Ючицкого, очень богатого человека в надежде на выкуп. По другой же - он просто хотел сделать обмен своей семьи на кого-нибудь из пленников [3.с.168].

Напомним, что в этот период семья Зелимхана находилась в ссылке в Сибири. Зелимхану требовались финансовые средства, чтобы добраться до Сибири, выкрасть семью и уехать с нею в Турцию. Таков был план абрека, которому уже с самого начала, не суждено было сбыться. Во-первых, конвоир комиссии ротмистр Конно-дагестанского полка Долидзе заранее получил донесение от одного своих агентов о готовящемся нападении, во-вторых, главный объект зелимхановского плана - инженер Ючицкий заболел, и от дальнейшей работы в комиссии вынужден был отстраниться. Итак, нападение, уже обреченное на неудачу, состоялось в ночь с 15 на 16 сентября 1911 года.

На одном из поворотов малого Керкетского перевала Зелимхан устроил засаду удобную для себя, на неприступной скале в зарослях, и совсем неудобную для противника из-за открытой местности. Чтобы не навлечь гнева начальства на Чечню, Зелимхан со своей группой расположился на границе с Дагестанской областью, но откуда просматривалась вся дорога. Совершив нападение на дорожную комиссию и ее военное сопровождение, Зелимхан нарвался на одну из засад, удачно расставленную по всему периметру Керкетского перевала. Абрек проиграл этот бой, вынужден был бежать, оставив убитым брата Бийсултана. Сам он был ранен в руку [8. с.370-371].

Организованное по керкетскому нападению преследование со стороны властей результатов никаких не дало. Ограничились лишь тем, что пятерых задержанных участников предали военному суду. Но самое главное - ни чеченцы, ни ингуши властям содействия в этом деле не оказали. Популярность и любовь к Зелимхану со стороны простых горцев несколько

не убавились. Возможно, в этом и заключается весь секрет долгой продолжительности абреческого пути Зелимхана.

Использованная литература:

1. Багаев М.Х. Доблесть, мужество и честь абрека Зелимхана. (Книга З. Бибулатова «Рыцарь чести»)//Вестник института развития образования, Выпуск 15,Грозный.2016, с.169-174
2. Гудаев Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы-Грозный,2017, 893с.
3. Джабиров И.Х. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян, Грозный.2016, 448с.
4. Джамбеков О.А. Эстетический потенциал фольклорной речевой культуры в романе М. Мамакаева «Зелимхан» //Вестник института развития образования, Выпуск 15,Грозный.2016, с.47-53
5. Индербиев М.Т. Очерки истории здравоохранения Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972.
6. Мамакаев М.А. Зелимхан, Грозный,1971, 274с.
7. М.Д. Солтамурадов Сегментация суфийских братств на Северо-Восточном Кавказе // в книге Гудаева Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы - Грозный,2017, с.148.
8. Хорув Ю.В. Абреки на Кавказе.Владикавказ.2011 511с.

12. «Последний бой», х/м, 40х70, 2014 г.

«Родовая башня в Харачое», х/м, 50х40, 2017 г.

К картине «Последний бой»

В ту роковую ночь больной, усталый
Доверил подлецам он свою жизнь
Не думал Зелимхан, что люди измельчали,
Такая в голову не приходила мысль.

И вот за жалкую, презренную награду,
За горсть монет от царских палачей,
Они борца, гонимого за правду,
Той ночью выдали из жадности своей.

Да, обречен. Да, окружен врагами.
Удачи больше неоткуда ждать.
Но все ж винтовку сильными руками
Он продолжает яростно сжимать

Ведь Зелимхан на то и Зелимхан,
Что при любом раскладе не сдается,
И этот бой ему судьбою дан -
Его последний бой. Он над судьбой смеется.

Ему смешон весь этот маскарад,
Смешна и смерть, что все мешает в кучу -
И крики перепуганных солдат,
И офицеров иступленный мат,
И пули, что пронзительно свистят -
Все кончится с минутой на минуту.

Но время ведь идет. И не минуты -
Часы проходят, а Зелимхан - живой.
Он будто смерти разорвал все пути,
Он будто ходит здесь невидимой тропой.

-Эй, господа! Взгляните-ка сюда-
Вскричал абрек – Я все еще живой!
А ну-ка, напрягитесь, и тогда,
Быть может, вы покончите со мной!

-А впрочем, как хотите. Мне пора
Читать слова из утренней молитвы.
Вон в блеске солнечном стоит гора –
Она немой свидетель этой битвы.

-Чего уставились!? Вы будете стрелять!?-
Кричат на подчиненных командиры
-Огонь!- солдаты залп едва успели дать
Все вспыхнуло вокруг и разом стихло.

-Ну, слава Господи! Закончилось, поди, -
Раздался голос, кажется, солдата
- Да нет, солдат, все только впереди -
Абрек встает. Конечно, так и надо.

И снова залп, и снова тишина.
Как будто Зелимхан восстал из ада,
Как будто дьявольская эта канонада
Сейчас лишит всех разума должна.

И вот поднялся во весь рост абрек.
Он полностью в крови, но взор и чист, и ясен
А губы громко произносят «Ясин»-
Идет к концу мятежной жизни бег.

Как он врагам с молитвою был страшен!
Чечня запомнит этот день навек-
Зарей кровавою тогда был мир окрашен.
Шагнул в бессмертие бесстрашный человек!

Его враги отважились нескоро
К безжизненному телу подойти
А он лежал торжественно и строго.
Он, наконец, покой смог обрести

Трагическим и великим в своем исполнении был последний бой абрека Зелимхана. Об этом сражении написано очень много. И всех объединяет только одно – восхищение стойкостью, мужеством и нестигаемостью Зелимхана перед грядущей гибелью. Даже самые заядлые противники, а таковыми были представители царских властей, видевших в Зелимхане лишь разбойника и преступника, все же не могли не отметить ту отчаянную храбрость, с которой отбивался от целого вооруженного отряда уже обреченный абрек. С особой силой героический драматизм этого сражения проявляется и в картине художника З.Аласханова «Последний бой». В ней художник воспроизводит свое видение последних минут жизни Зелимхана Гушмазукаева. Итак, абрек предан. Место его нахождения стало известно военной администрации Кавказа. Он обложен царскими карателями со всех сторон. Каково его внутреннее состояние, что он чувствует перед неминуемой гибелью, воспринимает ли это как Божественную волю, определившую конец его жизненного пути, или же Зелимхан внутренне сжат, растерян? Вот что интересует художника. Психологический портрет каждого своего героя З.Аласханов всегда ставил выше внешнего, физического сходства, потому что именно внутреннее состояние и передает с максимальной достоверностью всю его человеческую сущность.

Да, с именем абрека Зелимхана связана целая страница истории нашей страны начала XX века. Это было время заката Российской империи. И кто знает, может быть, и Зелимхан внес свою лепту в крушение царизма? Правда с высоты сегодняшнего времени это не есть хорошо, так как у нас много появилось доморощенных монархистов, тоскующих по царю-батюшке. Но не нужно забывать, что именно царизм был тюрьмой народов в прямом и переносном смысле. И никаких реформ, во всяком случае, в отношении горских народов, не предвещалось. Так что абрек Зелимхан – это не что иное, как порождение самого царизма. И с этим порождением царизм боролся в течение долгого времени – 13 лет, что применительно к абрекам, довольно большой срок. Абреку Зелимхану приписывали все мыслимые и немыслимые дела.

«Безумной славой дикого неуловимого зверства прославился простой безграмотный, полудикий туземец.- писали о нем в печати - Слава создала ему среди горцев таинственные заманчивые легенды. Таинственность, неизвестность сделали сначала из разбойника – народного разбойника. О Зелимхане так много кричали, писали, говорили, раздували его похождения

до геркулесовых столбов. Часто из мухи делали слона. Публика, глядевшая сквозь призму писаний столичной прессы, видела не истинную физиономию абрека, а сказочного богатыря. Совершено преступление. Виновники не пойманы. Значит это дело рук Зелимхана» [4. с. 534]. Эту особенность все валить на Зелимхана очень метко отобразил в своем стихотворении чеченский поэт А.Сулейманов.

Арахь мох а, дарца даьлча, бовдуш хилла – Зелимха,
Ломахь тоьпа тата даьлча, хьехош хилла Зелимха,
Станицера йо1 ядийча, олуш хилла Зелимха.
Бере воцуш дин ц1а беьча, боьлхуш хилла – Зелимха [4.с.424]

Ветер во дворе поднялся – разбегались – Зелимхан!
Выстрел из ружья раздался – говорили – Зелимхан!
Из станиц девчонок крали – утверждали – Зелимхан!
Конь без всадника примчался – все рыдали - Зелимхан.
(подстрочный перевод)

Можно перечислять - и этот список будет бесконечно долгим, всех поэтов и писателей, которые, так или иначе, прикоснулись к теме абрека Зелимхана. И не потому, что тема эта благодатна в плане проявления творческой фантазии и полета мысли, но и в глубоком философском аспекте. Она заставляет по иному относиться к жизни, к своему месту в этой жизни. Тема эта вызывает острые, порой противоречивые чувства и вопросы, на которые и сегодня невозможно однозначно ответить. Фигура Зелимхана, как мы уже неоднократно в предыдущих статьях отмечали, сложна и многогранна, она сплошь состоит из острых углов, и фактически не оставляя нам возможности компромисса, заводит нас порой в тупик. При царе его объявили врагом, Советы провозгласили борцом с самодержавием, а народ по сей день считает своим национальным героем. Однако в последнее время появляются работы, в которых авторы, нет-нет, да пытаются подкинуть нечто из ряда вон выходящее, этакую утку, которая как бы ненароком, коснется имени Зелимхана. Это называется новое прочтение старой истории, это своеобразная дань сегодняшней моде на сенсации. Телевидение и интернет сплошь забиты такими прочтениями, когда в биографиях известных людей ищут всевозможные скандальные факты.

И завершая эту тему, не могу не упомянуть книгу осетинского историка Ю.В. Хоруева, в которой автор несколько раз упоминает о неких братьях Б-вых, чьи подлинные имена по его собственному выражению, он не хочет озвучить из этических соображений. Так Ю.В. Хоруев пишет: «Более 10 лет Зелимхан пользовался поддержкой простых горцев, благодаря чему был неуловим и взошел в зенит славы. Но 1913 год изменил ему. 30 марта младший офицер штаб-ротмистр Гасанилов был вызван из слободы Воздвиженской в сел. Шали братьями Б-ми. Они заявили ему, что решили серьезно взяться за поимку абрека Зелимхана и выдвинули свои условия начальнику Терской области генерал-майору Степанову.

Условия Б-х состояли из 18 пунктов, и одним из их главных требований было сохранение в строжайшей тайне их имен.

Условия:

3) в случае убийства Зелимхана утвердить в должности старшины на три года Шахида Б-ва (красным карандашом пункт зачеркнут и дописано: «пункт третий обещать нельзя»)

4) выдать разрешение на бессрочное ношение оружия старого образца трем братьям и сыну старшего брата.

6) в случае убийства абрека нами - десять тысяч, по нашему указанию войсками - семь тысяч, если он уйдет из указанного нами места по вине войска – четыре тысячи.

В начале 20-годов в одной из первых советских публикаций на Дону об абречестве были уже названы имена и фамилии этих людей, вступивших в сговор с Терской администрацией по поводу их участия в ликвидации Зелимхана. Несмотря на эту известность, автор настоящей книги счел необходимым из этических и других соображений больше не указывать их и ограничиться написанием только начальной буквы, которая сама по себе ни о чем не говорит: мало ли какая может стоять фамилия за такой буквой [8.с.429—432].

Так или иначе, этот вопрос еще долго будет открытым, так как он имеет для каждой из сторон принципиальное значение.

Но вернемся к той трагической, мрачной сентябрьской ночи 1913 года. М Мамакаев очень красиво описывает ее начало:

«Ночь была тихая. Будто охраняя их, звезды глядели с глубокого синего неба, а лунный серп прилег на самую высокую вершину. Уставшая с дороги Бици, немного вздремнула. Там внизу, у дома Элмарзы, лаяла собака. Зелимхан еще долго сидел, любясь рассветом в горах. Затем, разбудив жену, он сказал:

- Пора уходить, собери детей. Элмарза должен проводить нас так, чтоб никто не заметил.

- Ты ведь веришь ему, и как-нибудь придешь в его дом? Нельзя же ночевать только в лесу.

- Ему верю и приду, — сказал абрек [7. с. 257-258].

Евмирза Бугаев, выведенный в романе как Элмарза - это уже официально всеми признанный доносчик, которого Зелимхану в ту же роковую ночь удалось прикончить.

Профессор М.Х.Багаев в одной из статей писал, что Зелимхан стал жертвой изменника и доносчика Евмирзы Бугаева, у которого остановился на ночлег тяжело больной абрек. Евмирза Бугаев, накормив и уложив спать своего гостя, и точно установив, что его гость и есть тот самый абрек Зелимхан, за голову которого царской администрацией обещано 2500рублей. Он секретно отправил доверенного человека в селение Шали, что находилось в 10 километрах от хутора Евмирзы Бугаева, дать знать властям о пребывании на его хуторе Зелимхана. Хутор был тщательно окружен. В кровавой схватке Зелимхан ранил четырех человек из числа преследователей, но и сам тяжело раненый под проливным дождем всю ночь с 26 на 27 сентября 1913года пролежал в луже дождя и собственной крови, а в десяти шагах от него лежал, замаскировавшись, прапорщик Абдулаев, который, выждав удобный момент, утром на рассвете пристрелил Зелимхана [2.с.171].

Царская агентура как никогда выслеживала передвижения абрека. По словам Ю.В.Хоруева в середине сентября местопребывание Зелимхана уже было установлено точно [8.с.440]. Специальные агенты, которые вошли в полное доверие к Зелимхану и оказывали ему и его семье различные бытовые услуги, подыскали абреку жилище для зимовки. Это был дом на отдаленном от селения Шали хуторе, в котором проживал старик Евмирза Бугаев со своей женой. К тому же ночи стали прохладными, сентябрь выдался на редкость сырым и холодным, и больному ревматизмом Зелимхану ничего не оставалось, как согласиться на эту зимовку. Кольцо вокруг Зелимхана сжималось с каждым днем.

Об этом же пишет Ю.В.Хоруев, только с некоторой оговоркой: «День ото дня сжималось кольцо возмездия вокруг Зелимхана. Теряя народную поддержку, приближение конца чувствовал и сам Зелимхан» [7.с. 425].

Зелимхан сражался на равных с аппаратом насилия и подавления царской администрации. Это тот редкий случай, когда и один в поле воин. Он боролся за справедливость, за то, что бы с горцами считались, видели в

них людей, а не дикарей. А что касается методов борьбы, то, как говорится, на войне как на войне.

И вот та самая роковая ночь. Писатель М.Мамакаев всей силой своего таланта передал накал наступающей развязки:

«Во дворе вдруг залаяла собака. Абрек сразу оборвал пение и прислушался. Он попросил хозяина узнать, что потревожило собаку. Элмарза послал жену, та вернулась и сообщила, что на улице все спокойно. Через некоторое время собака залаяла вновь, теперь она уже захлебывалась от ярости, рычала и снова принималась злобно лаять. Тогда во двор вышел Элмарза и долго не возвращался.

- Что там могло случиться? - забеспокоилась хозяйка, услышав глухой шум на чердаке. Она бросила половник, которым собиралась вынуть из котла галушки, и, тревожно взглянув на Зелимхана, выскочила во двор. Но тут же вернулась бледная, с трясущимися руками, и, задыхаясь, прошептала:

- Дом окружили солдаты» [б..с.268].

Поимка абрека была возложена на поручика 6-ой сотни Конно-дагестанского полка А.Кибирова. Сущность поручения, данного Кибирову, была неизвестна даже лицам, близко стоявшим к делам отряда и чинам окружной администрации. Кибирову, как это требовала серьезность задачи, были предоставлены достаточно широкие полномочия, в частности право получения из состава отряда войсковых частей без объяснения, куда и для чего [4.с.540-541].

Поручик Георгий Кибиров происходил из осетин-казаков, амбициозный, самолюбивый, он жаждал карьерного роста, однако в силу слабых способностей (он провалил экзамен в военное училище) вряд ли смог бы этого достигнуть. Участие в операции по ликвидации неуловимого Зелимхана, Кибиров расценивал как единственный шанс повернуть удачу лицом к себе. К тому же Кибиров приходился племянником небезызвестному полковнику Галаеву, которого Зелимхан застрелил в вёденском парке, а потому поручик во всеуслышание неоднократно заявлял, что отомстит за смерть дяди.

После всего этого у Кибирова не оставалось иного выхода, как участие в операции, иначе он рисковал стать посмешищем в глазах общества. К ней его тщательно готовили.

Как следует из воспоминаний Кибирова, он взялся за дело в 1913 году лишь после того, как получил от командира полка приказ о предоставлении ему особых полномочий. Прекрасно зная, что доверять агентам-чеченцам нельзя, поручик Кибиров

начал поиск информации о Зелимхане лично. Прежде всего, он настоял на возвращении семьи Зелимхана из ссылки, предполагая, во-первых, что абрек станет держаться вблизи жены и детей, хотя бы для того, чтобы уберечь их от кровников. А во-вторых, зная о говорливости чеченских женщин, поручик надеялся получить от жены Зелимхана как можно больше информации о его привычках и характере.

Ожидания Кибирова оправдались в полной мере. За два года пребывания в ссылке семья Зелимхана не только освоила русский язык, но и, будучи предметом постоянного внимания, привыкла к общению с посторонними. Так что выудить сведения о Зелимхане не составило особого труда. Но о том, где находится абрек и чем он занимается, они если и знали, то не говорили. И здесь Кибиров решил использовать особенности чеченского быта. "Давно приглядевшись к жизни аулов, - вспоминал Кибиров, - я заметил, что в обычае у чеченцев устраивать вечеринки, на которые сходятся соседи, и кунаки засиживаются у гостеприимных хозяев иной раз далеко за полночь. Аул Шали довольно большой и зажиточный, есть и каменные дома, поэтому с наступлением темноты по улицам аула то и дело гуляют с одной вечеринки на другую целые компании. Там в беседах передают все животрепещущие новости, заменяя этим, так сказать, повседневную газету. Словом, сведения, передаваемые на этих собеседованиях, суть верное отражение событий дня для данного района".

Но кунаки не слишком охотно делились информацией с офицером русской армии. И тогда Кибиров начал переодеваться и выдавать себя за простого горца. Достаточно скоро он смог войти в доверие к чеченской семье, у которой время от времени ночевал знаменитый абрек, и, по всей видимости, с помощью новых друзей, смог выйти на людей, имеющих постоянные контакты с Зелимханом [4.с.580-581].

Ночью 26 сентября операция по ликвидации Зелимхана началась.

Стоявшая до того хорошая погода изменилась, и с вечера прошел проливной дождь. С наступлением ночи полусотня Кибирова выступила из Шали и верстах четырех от хутора соединилась с полусотней Абдулаева. Здесь же ждал и агент, сообщивший, что Зелимхан на хуторе. Дав самые подробные указания, распределив свои силы на группы в три человека каждая, Кибиров двинулся к хутору выставляя вперед часть людей [4.с.543]

Вокруг дома возвышались стога соломы. Осторожный Кибиров начал вглядываться, и заметил мужскую фигуру. Решив, что это хозяин дома Евмирза, поручик крикнул ему по-чеченски, чтобы тот шел к нему. Однако, поручик несколько ошибся - той фигурой оказался, уже поджидающий

солдат, Зелимхан. Услышав Кибирова, Зелимхан выстрелил на голос, и пуля угодила тому в плечо. Решив, что убит, Кибиров упал и долго пролежал без движения, пока дождь и лужа, в которой он лежал не привели его в чувство. А затем начался бой, развязка которого наступила утром.

Когда совсем стало светло, сотня стягивалась вокруг сакли тесным кольцом, Зелимхан выскочил из сакли и бросился на дагестанцев. Бесперывно стреляя из браунинга и винтовки, он делал отчаянные усилия, чтобы прорваться. Пули осыпали его градом. Отряд видел, как они попадали в патронташ Зелимхана, разбивали патроны и они, взрываясь, ранили Зелимхана. Новый залп и Зелимхан, истекая кровью, упал на землю. Падая, он выстрелил из револьвера в отряд. Этим выстрелом ранил юнкера и двух всадников. Через минуту он был уже мертв [4. с.545].

Писатель М. Мамакаев мастерски передал последние минуты жизни Зелимхана, вложив в эти строки не только талант, но, пожалуй, и свою душу:

«Едва в предрассветном тумане стали вырисовываться окружающие предметы, словно из-под земли, перед солдатами появился Зелимхан.

-Эй, господа офицеры! Взгляните сюда! – крикнул абрек – Меня не берут ваши пули! А сейчас пора утренней молитвы.

Грянул залп. И Зелимхан упал как подрубленный. Но, в тот же миг снова вскочил на ноги и выпустил еще пять смертельных пуль в своих врагов. Дальше все происходило как в фантастическом сне: раздавался залп, абрек падал, как заколдованный вставал, и снова гремели его выстрелы. И так продолжалось минут двадцать. Наконец он упал и не встал. Но когда один из офицеров с криком «ура!» устремился к нему, Зелимхан, видимо, не в силах приподнять винтовку сразил его выстрелом из браунинга.

Все было кончено: ноги его подкосились, и он опустился на колени. Кровь текла из его многочисленных ран так, что он походил на какой-то красный призрак. И все же Зелимхан встал во весь рост и, громко читая «Ясын», пошел навстречу подползавшим к нему солдатам.

-Ложись, ложись!- истерически крикнул Кибиров, прячась за стогом соломы.

А Зелимхан шел на врагов и читал:

-Ясын вал-куранил хаким,иннакала минал мурсалийм...»

Еще выстрел – и Зелимхан рухнул на свою винтовку. Оборвались слова Ясына, но еще долго никто из солдат и офицеров не решался подойти к нему, на всякий случай, всаживая десятки пуль в мертвое тело абрека. Потому что и мертвый он казался своим врагам живым [6.с.270].

Вокруг жизни и смерти Зелимхана стали складываться легенды — одна другой краше и дальше от истины. Кавказская газета "Терек" иронизировала: "Если бы Зелимхан мог прочесть все, что о нем пишут в столичных газетах, он вряд ли бы узнал себя". После революции его объявили главным борцом с царизмом на Северном Кавказе. О нем писали книги, сняли фильм.

Кибиров на долгие годы был проклят, а опыт его спецоперации прочно забыт. Но, судя по ликвидации видных боевиков, забыт не окончательно. Как оказались востребованными и рекомендации полковника Козачковского, призывавшего амнистировать абреков: "Разбойник, убедившийся в истинном сердечном расположении власти к населению и участии к его, разбойника, личности, способен оценить это так, как и не всякий даже рядовой обыватель. Разбойник чуток ко всему, что только делается для него доброго. Он высоко ценит человеческое отношение к нему и его близким... Дайте понять этому зверю, что он человек, достойный сожаления, и вы искренно готовы прийти к нему на помощь, и зверь очнется"[4. с.584].

Так завершил свой жизненный путь один из самых мужественных и стойких борцов-одиночек за право своего народа жить на родной земле.

Как писал о нем историк С.С.Бадаев, его имя невозможно представить вне политического контекста. Такие люди, как Зелимхан Гушмазукаев, стояли в первых рядах борцов за справедливость. Смерть, которой умер Зелимхан – достойна его [1.].

Использованная литература:

1. Бадаев С. Вачагаев М. Кто предал Зелимхана? //газета «Республика» 10.09.1990 г.
2. Багаев М.Х. Доблесть, мужество и честь абрека Зелимхана.(Книга З.Бибулатова «Рыцарь чести») //Вестник института развития образования, Выпуск 15,Грозный.2016, с.169-174
3. Гатуев Д. Зелимхан, Орджоникидзе,1965
4. Гудаев Л.Р. Абрек Зелимхан. Факты и документы-Грозный,2017,893с.
5. Мамакаев М.А.Зелимхан, Грозный,1971,274с.
6. Хоруев Ю.В. Абреки на Кавказе Владикавказ,2011,510с.

«Сон абрека» х/м, 50х80, 2019 г.

«Аласхан-Дук1», х/м, 40х60, 2014 г.

К картине «Сон абрека»

Твой конь пасется рядом на лужайке
Бесшумно, чтоб тебя не разбудить.
Он будто умоляет: - Люди, дайте
Хозяину в покое чуть побыть!

А там, вдали, стоят родные горы
Они – опора, крепость, отчий дом.
И пусть на миг затихнут в мире споры-
Здесь человек сидит, забывшись крепким сном.

Тебе сейчас, возможно, снится нана,
Что день за днем с тревогою в глазах
Ждала до самой смерти неустанно,
Тебя, нашедшего убежище в горах.

А может быть, ты видишь своих братьев?
Сидите вместе вы за праздничным столом,
Вокруг жена хлопочет в новом платье,
И дети весело играют за окном.

Увы, абрек, твой сон прервется вскоре.
И никого не будет пред тобой.
Не о такой мечтал ты в детстве доле
И не такой хотел идти тропой.

Но приняв вызов, как учили предки,
Кровавый путь ты до конца пройдешь.
Его ты выдержишь, ведь пули твои метки,
С последней пулею в историю войдешь.

Картина художника З.Аласханова «Сон абрека» завершает его цикл о знаменитом абреке Зелимхане Харачоевском.

Перед нами открывается великолепная панорама Веденских гор в сизой дымке густого тумана. От этого темно-зеленая растительность, покрывающая горный массив кажется синеватой. Зато на переднем плане небольшой пригорок в ярко-зеленой сочной траве. Кое- где проглядываются полевые цветы. На маленькой полянке, уже местами утопанной, проглядываются

проплешины, а кое-где и камни. Видно, что здесь часто останавливались путники. Вот и герой после тяжелой дороги, спешившись, решил немного передохнуть, чтобы затем двигаться дальше. Его великолепный белый конь мирно пасется, стараясь не нарушать кратковременный сон хозяина. А хозяин, в свою очередь, заботлив по отношению к коню. Седло с него снято, чтобы его боевой товарищ мог отдохнуть и спокойно пощипать травки. Что же касается самого хозяина, то есть человека на переднем плане, то он представлен художником в расслабленной позе спящего. Художник использовал интересный прием, чтобы показать тревожные будни своего героя - ведь перед нами не просто путник - это абрек Зелимхан, который вот уже, сколько лет ведет беспокойную жизнь, не слезая с коня. А сейчас видимо выдалась минута для отдыха. Но, даже в минуту отдыха он должен быть начеку. И потому неслучайно, Аласханов показывает его спящим в неудобной и совсем непривычной позе – сидя. Рука машинально сжимает винтовку, так как в любую секунду может возникнуть непредвиденная ситуация, и он должен быть начеку. Кисти рук его красивой формы, изящны, но в них чувствуется недюжинная сила. Этот человек привык полагаться только на силу своих рук, на зоркость глаза и собственный ум. И вот сейчас местность абрек выбрал не случайно. Эта местность позволяет ему ориентироваться и просматривать пути отхода, позволяет ему следить за передвижением людей. К тому же с этого места легко уходить, а вот подходы к нему представляют определенную трудность. В этом Зелимхан был непревзойденный стратег. Это его качество много раз помогало, спасало и выручало в самые критические и безвыходные моменты. И художником место это выбрано неслучайно: оно реально было в жизни Зелимхана и существует по сегодняшний день. Это не вымысел, не фантазия художника, а конкретный природный ландшафт, который и сегодня сохранился в том же виде. К этому З. Аласханов шел долгие годы. Его мастерство совершенствовалось, и вместе с тем крепло желание создать цикл работ о своем знаменитом земляке и сородиче. Очень много семейных историй существует в селе Харачой – на родине абрека Зелимхана. Как мы ранее говорили, Зайнди в детстве, находясь под впечатлением рассказов об абреке, сам неоднократно проходил все его маршруты. Старшие родственники, видя живой интерес мальчика, подпитывали его в нем своими повествованиями. Семейная традиция хранит немало былей. И мы на страницах этой книги расскажем о некоторых из них. Частичное участие в судьбе абрека приняли представители фамилии Аласхановых, чему художник по праву гордится.

Ведь абрек в течение всей жизни многократно испытал на себе силу дружбы и благородства членов этой семьи. Зелимхан безгранично доверял свою жизнь и своим мысли этому дому.

Предком Зайнди, то есть родоначальником их рода являлся Аласхан. У Аслаханов было шестеро сыновей – Абу-Муслим, Эрзнак, Каим, Элмурза, Ахмирза, Косум. Они жили одной дружной семьей.

Вот к ним часто приходил в гости или просто переночевать Зелимхан. Этот факт подтверждают многочисленные потомки Аласхана, которые бережно хранят в своей памяти эти бесценные воспоминания и передают из поколения в поколение. Гордится художник тем, что его семья когда-то в свое время предоставляла приют и укрывала Зелимхана. У абрека чуть ли в каждом селе были доверенные и проверенные люди. Только к ним он мог спокойно приехать в случае нужды. И он знал, что здесь можно рассчитывать на радушный прием и помощь. Однако Зелимхан никогда не злоупотреблял гостеприимством, понимая какие могут быть последствия в случае обнаружения или доноса для семьи принявшей его. А еще Зелимхан не любил, когда его называли абреком. Он видел в этом слове негативный оттенок. Он считал, что путь, который он избрал, несколько отличается от пути типичных абреков. Зелимхан называл себя борцом за справедливость. И с этим, знавшие его близко горцы, всегда соглашались. Ведь абреки абрекам были рознь. Некоторые видели в абречестве способ пожить, другие укрывались от преследователей, третьих влекла романтика и желание пожить, ничего не делая. А вот Зелимхан другое дело – его толкнули на беспокойный путь судьба, жестокий жребий, обстоятельства - это можно называть как угодно, но главное в них одно - Зелимханом двигали погранные справедливость, честь, достоинство и право жить на своей земле. Ради этого он и стал на этот опасный путь, вызвав к себе за это огромное уважение среди горцев. Например, шейх Бамат-Гирей - Хаджи, имевший своих мюридов, последователей, обладавший огромным влиянием и авторитетом среди чеченцев, как отмечалось ранее, очень уважал и любил Зелимхана. Они неоднократно встречались, беседовали. Бамат-Гирей по просьбе Зелимхана давал ему нужные советы и наставления, которых абрек придерживался неукоснительно. Кроме того, лично Бамат-Гирей в знак того, что доверяет Зелимхану и благословляет его путь, направил в его ряды своего сына Али, когда абрек готовился к кизлярской операции. Если бы путь, выбранный Зелимханом, преследовал корыстные и неблагоприятные дела, вряд ли Бамат- Хаджи помогал бы ему. Это еще раз доказывает, что

борьба абрека была справедливой, в нем видели защитника горцев от произвола царских властей.

И вот, возвращаясь к выше сказанному, хочется продолжить рассказ о семье Аласхановых. Старший сын Аласхана Абу-Муслим очень подружился с Зелимханом. Для всех сыновей Аласхана приезд Зелимхана был желанен, но для Абу-Муслима он был особенно радостен. Он делал все возможное, чтобы пребывание гостя было удобным и комфортным, чтобы тот хорошо отдохнул в его доме. Иногда абрек в целях безопасности отказывался ночевать в помещении, предпочитая двор или территорию, находящуюся недалеко от лесной полосы. Тогда Абу-муслим заранее, еще днем, начинал прогревать предположительное место ночлега. Он разжигал огромный костер, земля хорошенько прогревалась, становилась теплой и вполне пригодной для того, чтобы провести ночь. Заботились также и о коне Зелимхана. Конь не должен был застояться, от этого он мог заболеть, и братья периодически выгуливали его, давали ему обильные корма. Однажды, когда Зелимхан находился в очередной раз у них в гостях, соседнее село Ца-Ведено солдаты окружили тройным кольцом для очередных и безуспешных поисков абрека. Оказывается, кто-то донес, что именно здесь сейчас находится Зелимхан. Вокруг Аласхан-Дука (это участок горы, принадлежавший роду Аласхановых) установили батарею артиллерии и начиная от Хажи-юрта до Элистанжи солдаты оцепили все прилегающие села. И теперь перед семьей Аласхана встала задача незаметно вывести абрека из окружения. Старший сын Абу-Муслим вместе с Зелимханом придумал хитрый и дерзкий план. На сани, устланные соломой, сверху положили Зелимхана и накрыли его буркой. На случай, если план сорвется, Зелимхан взял к себе и уложил рядом свою винтовку, держа палец на крючке. А в это время Абу-Муслим повез эти сани через посты по заснеженным дорогам в самый центр Ца-Ведено. Солдаты на постах спрашивали, что находится в санях, и Абу-Муслим с грустным видом говорил, что это его тяжелобольная мать, которую он везет к врачу. Солдаты, зная отношение горцев к своим женщинам, не решались заглянуть под бурку, чтобы тем самым не возмутить чеченца. И так происходило на всех постах – солдаты его отпускали. Абу-Муслим таким путем сумел вывезти Зелимхана в безопасное место. Абрек вылез из своего укрытия и сердечно поблагодарил спасителя. Прощаясь, он сказал ему:

- С этого момента ты не Абу-Муслим, а Борз.

Борз, то есть волк, считается у чеченцев высшей похвалой. Так это имя и осталось за Абу-Муслимом на всю жизнь.

И сегодня потомки Аласхана берегут как святыню память о Зелимхане.

А дядя художника - Денилбек в свое время написал стихи, посвященные абреку, которые впоследствии стали популярной песней. Эту песню исполнял любимый в Чечне певец Билухаджи Дидигов.

Вот эти слова:

Тешаме ахь лоруш шайна
Тге ихначу, тхан дайша
Вицар хьо майра кIант
Зеламха. Хьобх лаьцна
Во дуьцуш цаьрга ла
ДегIарна, тхан дагна
Визи хьо майра кIант Зеламха!

Веря в нас и в нашу порядочность
Ты к нам приходил,
Наши предки рассказывали много
О тебе, храбрый Зелимхан
Слушая рассказы о тебе,
Искренне любили тебя, храбрый Зелимхан

(подстрочный перевод)

«Ночной Харачой», х/м. 35x45, 2018 г.